Б 63-48
91

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

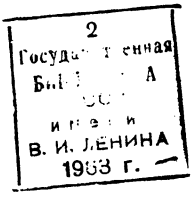
М.К. Рожкова

Экономические связи России со Средней Азией

40-60-е годы XIX века

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1963


2
Государственная
Библиотека
имени
В. И. ЛЕНИНА
1953 г.
56360

ВВЕДЕНИЕ

Основная задача настоящего исследования заключается в том, чтобы на основании конкретных данных показать те экономические отношения, которые существовали между Россией и Средней Азией до присоединения последней к России, а также в период продвижения царских войск и непосредственно после завоевания среднеазиатских ханств в 60-х годах XIX в.

Анализ этих отношений дается на фоне внутренних процессов, протекавших как в самой России, так и в Средней Азии, а также в связи с англо-русским соперничеством и внешней политикой царского правительства.

Невозможно в одной монографии изучить четыре темы: экономические отношения России со Средней Азией, внутренний строй среднеазиатских ханств, социально-экономические отношения в России и международное положение. Поэтому было необходимо выделить основную задачу: осветить экономические связи России и Средней Азии, поставив их в центре работы и уделив им основное внимание. Освещение остальных вопросов заняло подчиненное положение.

Монография построена таким образом, что исследованию вопросов развития торговли и деятельности купечества предшествуют очерки экономики России и Средней Азии.

Экономические отношения России со Средней Азией зависели не только от внутренних процессов, происходивших в России и в ханствах Средней Азии, но и от внешнеполитической обстановки (англо-русское соперничество), сложившейся в 40—60-х годах XIX в.

В течение того хронологического периода, который изучается в предлагаемой монографии так же, как в предыдущие и последующие десятилетия XIX в., два агрессора, две великие европейские державы — Россия и Англия — находились в состоянии враждебного соперничества в международных отношениях и в Европе, и в Азии. Кавказские войны становятся объектом крайнего неудовольствия и враждебных вылазок со стороны Англии; в середине 50-х годов идет Восточная война, в 60-х годах русско-

английские отношения обостряются в связи с польским восстанием 1863 г.; в вопросе о гражданской войне в Соединенных Штатах Северной Америки Россия и Англия занимают противоположные позиции.

Специальное внимание уделяется вопросу о мотивах экономической политики царского правительства в отношениях со Средней Азией, диктовавшихся как классовой сущностью царского самодержавия, так и внешнеполитическими обстоятельствами. В связи с этим в монографии ставится вопрос о мотивах завоевания Средней Азии, которое было важным для русской буржуазии, с одной стороны, и для царского самодержавия — с другой, хотя в рассматриваемый период стремление к одной и той же цели — завоеванию Средней Азии — диктовалось различными интересами буржуазии и правительства, возглавлявшего в первые десятилетия после реформы классовое государство помещиков.

Хронологические рамки работы — 40—60-е годы XIX в.— продиктованы следующими соображениями.

Во-первых, в середине XIX столетия Россия становилась на путь новых общественно-экономических отношений, а после реформы 1861 г. в России произошел перелом в развитии капитализма.

Во-вторых, в истории Средней Азии 40—60-е годы отмечены продвижением царских войск к границам среднеазиатских ханств, а затем и овладением частью территории Средней Азии, которая к концу 60-х годов была включена в пределы Российской империи.

Изложение доведено до начала 70-х годов, т. е. до заключения договоров о протекторате 1873 г. с хивинским ханом и бухарским эмиром. Кокандский хан еще сохранял свою самостоятельность, но его независимость от царского правительства России (и до 1876 г.) была чисто номинальной. Присоединение Туркмении лежит за пределами изучаемого периода. Таким образом, к концу исследуемого отрезка времени царскими войсками были заняты значительные территории Кокандского и Бухарского ханств и в сущности были подчинены власти царского самодержавия России бухарский эмир и кокандский хан. Хронологические рамки монографии заканчиваются образованием Туркестанского генерал-губернаторства и непосредственными последствиями присоединения этой части завоеванной территории к Российской империи.

Внутренняя экономика России, хотя и является исходным пунктом настоящего исследования, но не составляет его центральной задачи; поэтому пришлось ограничиться ее общим обзором.

Очерк социально-экономических отношений в Средней Азии дан также в общих чертах и в значительной степени основан на

таких работах, как «История народов Узбекистана» и «История Узбекской ССР»[1], а также опубликованной на правах рукописи восьмой главы «Истории СССР»[2].

Вопрос об экономических отношениях России со Средней Азией в 40—60-х годах относится к числу наименее изученных, в нашей литературе в сущности нет специальных работ, посвященных этому вопросу, а в работах более общего характера, как правило, дается краткий обзор экономических отношений России со Средней Азией[3]. Эти обзоры основаны главным образом на общих рассуждениях теоретического характера, их полезно проверить или подкрепить конкретным фактическим материалом, который и дается в настоящей монографии.

Анализу англо-русского соперничества и целей завоевания Средней Азии посвящены четвертая и седьмая главы монографии. Именно в этих главах представляется целесообразным дать историографию соответствующих проблем и критический обзор литературы.

Тема об экономических отношениях России со Средней Азией богато представлена первоисточниками. Кроме ведомственной переписки, хранящейся в центральных и местных архивах (в фондах Министерства иностранных дел, Министерства финансов, Военного министерства, в фондах канцелярий туркестанского и оренбургского генерал-губернаторов и в других фондах), имеется много опубликованных материалов, которые также служат первоисточниками. Значительное количество материала, освещающего экономические связи России со Средней Азией, содержится в таких местных газетах, как «Туркестанские ведомости», «Оренбургские ведомости», в центральных русских газетах и журналах, а также в иностранной, в особенности в английской, периодической печати. Особенное внимание среднеазиатскому вопросу уделяется прессой начиная с 1864 г., т. е. со времени вступления царских войск в пределы Кокандского ханства.

Ценные сведения об экономических отношениях России и Средней Азии сообщают и книги отдельных авторов — современников событий, описания путешествий, отчеты политических и военных деятелей в Средней Азии, доклады ученых и коммерческих обществ, публиковавшиеся в изданиях этих обществ.

Общее представление о богатстве этого материала дает собранный М. А. Терентьевым 600-томный «Туркестанский сборник», содержащий книги, брошюры и вырезки из журналов и газет по истории Средней Азии[4].

---

[1] «История народов Узбекистана», т. II. Ташкент, 1947; «История Узбекской ССР, т. 1, кн. 2. Ташкент, 1956.

[2] «История СССР (1856—1894)», ч. 2. История народов, 1952.

[3] В предлагаемой монографии использован содержащийся в этих работах материал, который в случае надобности подвергается критике.

[4] «Туркестанский сборник» хранится в Государственной публичной библиотеке Ташкента.

Экономические отношения России и Средней Азии в изучаемый период выражались, как выяснилось в результате исследования, в основном в торговле. Другие формы экономических связей, такие как колонизация отдельных районов, разработка ископаемых, учреждение промышленных предприятий и т. п., появились только после присоединения территории Средней Азии к России. Но даже в первое десятилетие после присоединения такого рода связи были выражены еще очень слабо.

Хронологические рамки работы также ограничивают изучение колониального положения экономики Средней Азии, так как в тот период хозяйство новой колонии только начинало подчиняться интересам метрополии, и те особенности в области экономических отношений, которые наметились в это время в направлении колониального освоения края, могут быть отмечены только как зачатки будущего превращения Средней Азии в колонию.

Глава I

ОЧЕРК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

В последние предреформенные десятилетия Россия переживала кризис крепостного хозяйства, когда, с одной стороны, распадались старые феодальные отношения, а с другой — формировались отношения капиталистические.

В сельском хозяйстве России, где производительные силы развивались наиболее медленно, господствовала рутинная техника, преобладали посевы зерновых культур, сохранялся низкий уровень урожаев, колебавшихся между сам-3,4 и сам-3,6 [1].

Наряду с этими застойными явлениями наблюдаются, хотя и слабые еще, ростки новых отношений. Росли посевы специальных сельскохозяйственных культур: пшеницы, сахарной свеклы, картофеля, как полевой культуры. Вокруг больших городов, и в особенности в Ярославской губернии, крестьянское население все более и более уделяло внимание огородничеству; повышалось качество некоторых технических культур — льна, конопли, табака и др. В южных районах России распространялось виноградарство и связанное с ним виноделие, обращалось внимание на шелководство, на посевы садовой марены, вставал вопрос о посевах хлопчатника. В области скотоводства обращает на себя внимание разведение тонкорунных овец (мериносов).

В технике сельского хозяйства также происходили небольшие сдвиги: некоторые помещики применяли в своих имениях сельскохозяйственные машины, вводили многопольную систему севооборота и другие новшества. Не только помещики, но и отдельные крестьяне (по преимуществу государственные) делали попытки ведения хозяйства по-новому. Об этом свидетельствуют сельскохозяйственные выставки, на которых демонстрировались более совершенные крестьянские орудия и машины и семена улучшенных сортов хлебов и других сельскохозяйственных растений [2].

---

[1] П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР, т. 1. М., 1956 стр. 509.

[2] Описания сельскохозяйственных выставок, начало открытия которых относится к 1843 г., помещались в журнале Министерства государственных имуществ.

Отдельные районы России специализировались на технических культурах, вследствие чего происходило разделение труда между районами, что способствовало росту обмена между ними, давало толчок дальнейшему расширению рамок внутреннего рынка, усиливало процесс разделения труда и приводило к изменению соотношения посевных площадей между отдельными районами страны.

Однако, несмотря на некоторые сдвиги, результаты их в сельском хозяйстве России были еще мало заметны[3]. Новым в истории сельского хозяйства России было освоение нетронутых земель на юге, востоке и юго-востоке страны, сопровождавшееся введением машин и применением в сравнительно широких размерах наемного труда[4].

Рост в стране товарного производства был стимулом усиления помещиками феодальной эксплуатации крестьян: происходил рост барской запашки, уменьшались крестьянские наделы, часть крестьян переводилась на месячину, т. е. лишалась земли. После 8-й ревизии (во второй половине 30-х годов) количество крепостных крестьян стало уменьшаться в абсолютных цифрах[5]. Это явление так же, как и перевод на месячину, особенно ярко подчеркивает кризис крепостного хозяйства.

В то же время происходил процесс расслоения крестьянства. На почве развития торгового земледелия и крестьянских промыслов выделяется и растет сельская буржуазия, в сельском хозяйстве все чаще применяется наемный труд разорявшихся крестьян, которые продавали свою рабочую силу.

Промышленность в дореформенное время развивалась неравномерно. В предреформенные десятилетия особенно быстро росли хлопчатобумажная промышленность, производство сахара и добыча золота. К моменту крестьянской реформы хлопчатобумажная пряжа русского производства обеспечивала потребности хлопчатобумажной промышленности. В 50-х годах ввозились только высшие номера иностранной пряжи. Бумагопрядильное производство в России было основано на машинной технике. В другом положении находилась бумаготкацкая промышленность, в которой преобладало ручное ткачество и была сильно развита работа ткачей на дому. В набивной промышленности машины вытесняли набивные доски, но двигательной силой был

---

[3] Более подробно о состоянии сельского хозяйства России в первой половине XIX в. см. «Очерки экономической истории России первой половины XIX века». М., 1959, стр. 5—23.

[4] С процессами, протекавшими в сельском хозяйстве южных окраин России, более подробно знакомит, например, кн.: А. В. Фадеев Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957.

[5] И. И. Игнатович. Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925, стр. 377.

главным образом конный привод. Хлопчатобумажная промышленность находилась на стадии перехода от мануфактуры к фабрике. Что касается шерстяной промышленности, то она делала только первые шаги в направлении к фабрике. Хлопчатобумажная промышленность была основана на наемном труде, в шерстяной промышленности еще сохранялось значительное количество крепостных рабочих: к 1861 г. наемные рабочие в шерстяной промышленности составляли 58%, крепостные — 34%, посессионные 8%. Шелковая промышленность находилась на стадии мануфактуры и развивалась медленно. Крупная полотняная промышленность сокращала свои размеры в связи с потерей западноевропейского рынка, связанной с заменой парусного флота паровым.

В общем численность рабочих (а следовательно и размеры производства) в обрабатывающей промышленности выросла с 287 тыс. в 1835 г. до 505 тыс. в 1860 г.[6], из них наемные рабочие составляли $^4/_5$.

Большие перемены произошли в производстве сахара, где, несмотря на господство принудительного труда, шел довольно быстрый процесс вытеснения огневых заводов паровыми: в 1848—1849 гг. из выработанных 796 тыс. пудов сахарного песка на паровые заводы приходилось 350 тыс., в 1853 г. на паровых заводах было выработано более 625 тыс. пудов, на огневых — более 500 тыс., а в 1861 г.— соответственно 3300 тыс. и 600 тыс. пудов.

Горнозаводская промышленность до реформы была в основном сосредоточена на Урале и основана на принудительном труде. К 1837 г. относится введение пудлинговых печей, а в 1860 г. в целом по России пудлинговое железо составляло половину всего выработанного на заводах страны железа. Но двигательная сила находилась на более низком уровне: старинные водяные колеса составляли 88% двигателей, только остальные 12% приходились на паровые машины и водяные турбины[7].

Таким образом, хозяйство дореформенной России развивалось неравномерно: на одном полюсе стояло отсталое, слабо развивавшееся сельское хозяйство, на другом — некоторые развитые отрасли промышленности, такие, как сахарное производство или хлопчатобумажная промышленность. Такое несоответствие в развитии отдельных сторон народного хозяйства создавало затруднения на внутреннем рынке. Низкая покупательная способность деревенского населения была препятствием на пути развития

---

[6] Здесь численность рабочих для 1860 г. приведена по отраслям промышленности, сопоставимым с 1835 г. Всего же в 1860 г. в обрабатывающей промышленности работало 565,1 тыс. рабочих (А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России. Историко-экономические очерки. М., 1958, стр. 8).

[7] В. К. Яцунский. Крупная промышленность России с середины 30-х годов XIX в. до 1860 г.— «Очерки экономической истории России первой половины XIX века», стр. 172—220.

промышленности. Недостаточный рост промышленности и городского населения мешал сбыту хлеба в особенности еще потому что при плохих путях сообщения, существовавших в крепостной России, разница в уровне цен на хлеб в районах его производства и потребления была очень большой. Так, например, в 1845 г. четверть ржи стоила в Курске 1 р. 50 к. серебром, а в Опочецком уезде Псковской губернии — 14—15 руб., т. е. в 10 раз дороже [8].

Медленный рост городов и незначительность их населения видны из данных, приведенных в табл. 1.

Таблица 1

*Численность городского населения**

Годы	Численность всего населения Европейской России, в тыс. чел.	Численность городского населения Европейской России, в тыс. чел.	Городское население в % к общей численности
1832	44 163,8	3 824,1	8,65
1838	48 825,4	4 527,0	9,27
1863	61 420,5	6 105,1	9,94

* П. Г. Рындзюнский. Городское население.— «Очерки экономической истории России первой половины XIX века». М., 1959, стр. 325; А. Г. Рашин. Население России за 100 лет. М., 1956, стр. 98.

За 30 лет городское население по отношению к общей численности населения страны увеличилось всего на 1,3%. Такой небольшой рост городского населения оказывал неблагоприятное влияние на сельское хозяйство, не стимулировал его расширения и совершенствования.

Вопрос о численности городского населения России требует пояснения: известно, что на территории страны существовало немало промышленных сел, население которых так же, как и городское население, было потребителем сельскохозяйственных продуктов, но в то же время не все городское население занималось промышленной деятельностью, в частности, население окраин многих, даже крупных городов, занималось огородничеством, садоводством и хлебопашеством. Поэтому учет численности населения, потреблявшего хлеб и другие продукты сельского хозяйства, не может быть точным, и приходится мириться с условностью приводимых цифровых данных.

С другой стороны, низкая покупательная способность деревни создавала затруднения на пути развития промышленности, так как крестьянин, не имея достаточного дохода для покупки промышленных изделий, предпочитал производить их в собственном хозяйстве.

[8] «Очерки экономической истории России первой половины XIX века», стр. 268.

* * *

Несмотря на половинчатый характер крестьянской реформы 1861 г., после проведения которой сохранились крепостнические пережитки, остававшиеся в последующие десятилетия и задерживавшие развитие капиталистического хозяйства в стране, через тридцать лет, к 90-м годам XIX в. Россия стала капиталистической страной, как это показал В. И. Ленин в своей работе «Развитие капитализма в России». По словам В. И. Ленина, «Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка»[9].

Эта быстрота развития была неравномерной по отдельным десятилетиям. За десятилетие 60-х годов влияние реформы на народное хозяйство России было еще слабым.

Не только в 60-х, но и в 70-х годах среднерусский черноземный центр оставался основной хлебной житницей России, что видно из данных табл. 2.

Только в 80-х годах зерновое хозяйство южных и восточных окраин, освоение которых происходило в основном наемным трудом и с помощью машин, стало перегонять по производству хлеба Центральный черноземный район, в котором сохранилось наибольшее количество пережитков крепостной эпохи.

Таблица 2

*Чистый сбор зерновых хлебов на 1 душу населения**

Годы	Районы	Четвертей на душу населения	Изменение в %
1864—1866	50 губерний Европейской России . .	2,21	
1870—1879		2,59	+17
1883—1887		2,68	+3
1864—1866	Южные степные губернии	2,09	
1870—1879		2,14	+0,2
1883—1887		3,42	+60
1864—1866	Нижневолжские и заволжские губер-	2,12	
1870—1879	нии	2,96	+40
1883—1887		3,35	+13
1864—1866	Среднечерноземные	3,32	
1870—1879		3,88	+16
1883—1887		3,28	—15

* См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 214 и 218.

[9] В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 524

Следовательно, перелом в зерновом хозяйстве России произошел в 80-х годах, когда посевы хлебов в Центральном черноземном районе уменьшились не только относительно, но и в абсолютных данных на 15%, в то время как посевы в южных, нижневолжских и заволжских губерниях увеличились и абсолютно и относительно. Особенно типичны в этом отношении показатели южных степных губерний, где наблюдается скачок в сторону расширения посевов зерновых в 80-х годах. Показатели нижневолжских и заволжских губерний неточны, потому что, как указал В. И. Ленин, в источнике, которым он пользовался, к степным губерниям причислены Астраханская, где не хватало хлеба, Казанская и Симбирская губернии [10], более подходящие к среднечерноземной полосе.

Но из данных таблицы видно, что, хотя в соотношении районов производства хлеба в первые десятилетия XIX в. не произошло существенных изменений, общее количество сбора зерновых хлебов значительно увеличилось за вторую половину 60—70-х годов; это свидетельствует о том, что последствием реформы 1861 г. было расширение сельскохозяйственного производства.

Обратимся к вопросу о составе крестьянства. Приблизительно через десятилетие после реформы 1861 г., к 19 февраля 1870 г., во внутренних губерниях России крестьяне-собственники составляли 55,37%, а временнообязанные крестьяне —44,63%, по всем губерниям России временнообязанных крестьян было 32,54%, а крестьян-собственников —67,44% [11]. Таким образом, примерно половина или третья часть крестьян оставалась к концу 60-х годов на положении, немногим отличавшемся от положения крепостных.

Одним из показателей социальных процессов, происходивших в деревне, является уход крестьян в отхожие промыслы, о котором можно судить по количеству взятых крестьянами паспортов и билетов. К сожалению, в нашем распоряжении нет такого рода сведений, которые охватывали бы всю дореформенную Россию. Но сравнение данных первого пореформенного десятилетия с последующим временем может дать представление об относительной быстроте протекавших процессов.

За десятилетие, с 1861 по 1870 г. сельским населением было взято паспортов и билетов 12 912,8 тыс., а с 1871 по 1880 г.— 36 929,3 [12] тыс., т. е. почти в три раза больше. Это говорит о том,

---

[10] См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 218.

[11] «Очерки истории СССР. 1861—1904», под ред. С. С. Дмитриева. М., 1960, стр. 46.

[12] «Материалы высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями России», ч. 1. СПб., 1903, стр. 226.

что процесс разложения крестьянства в 60-х годах шел еще сравнительно замедленными темпами. Это достаточно подтверждается и численностью городского населения: в 1863 г. в городах Европейской России жило 6105,1 тыс. человек, а в 1867 г.— 6543,1 тыс. [13] Следовательно, городское население за четыре года (при этом за годы подъема промышленности) выросло только на 7%.

В первое время после крестьянской реформы 1861 г. наблюдается упадок в промышленности. В 1860 г. в обрабатывающей промышленности работало 565,1 тыс. рабочих, в 1863 г.— 363,6 [14] тыс. человек, в 1865 г.— 509,0 тыс. [15]

За десятилетие 1861—1870 гг. в среднем в год во всей промышленности России работало 797,6 тыс. рабочих, в 1871—1880 гг.—945,6 тыс. [16] Из сопоставления этих данных видно, что рост промышленности в 70-х годах шел значительно быстрее, чем в 60-х. В 1865 г. рабочих обрабатывающей промышленности числилось 509 тыс., т. е. меньше, чем в 1860 г., в горной промышленности —165 тыс. и на железных дорогах —32 тыс. человек; всего, таким образом, в крупной промышленности в 1865 г. работало 706 тыс. рабочих [17].

Анализ процесса развития отдельных отраслей промышленности особенно отчетливо показывает то критическое положение, в котором оказалась промышленность в первые годы после крестьянской реформы.

В уральской горной промышленности, в которой в рассматриваемое время сосредоточивалось почти все горнозаводское производство, в первой половине 60-х годов работало следующее количество рабочих (в тыс.) [18]:

Годы	Численность рабочих, в тыс. чел.	Годы	Численность рабочих, в тыс. чел.
1861	134,4	1864	103,0
1862	114,1	1865	102,5
1863	104,2		

[13] А. Г. Рашин. Население России за 100 лет, стр. 95, 272.

[14] А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России, стр. 8.

[15] «Очерки истории СССР. 1861—1904», стр. 95; см. В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 436. Численность рабочих за 1860—1863 гг. дается неточно, так как за 1863 г. не учитывались рабочие сахарной, винокуренной и табачной промышленности, которых в 1860 г. числилось 99,9 тыс. Но и при внесении этой поправки все же видно значительное сокращение обрабатывающей промышленности (А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России, стр. 9).

[16] А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России, стр. 188.

[17] См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 436; В. К. Яцунский. Развитие капитализма в России в 60—70-х годах XIX г.— «История СССР», т. II, гл. III. М., 1959, стр. 111.

[18] А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России, стр. 10.

Мы наблюдаем процесс беспрерывного падения числа рабочих, что является показателем упадка промышленного производства в первой половине 60-х годов. Этот процесс объясняется отменой принудительного труда, который до реформы господствовал в уральской промышленности. Переход к наемному труду ломал привычные основы промышленности Урала и создавал на первых порах затруднения в реорганизации производства.

В некоторых отраслях обрабатывающей промышленности отмена крепостного права также привела к падению производства в первые годы после реформы. В качестве примера удобно взять шерстяную промышленность, в которой принудительный труд, если и не преобладал, во всяком случае составлял заметную величину: к моменту реформы крепостные и посессионные рабочие составляли здесь 42% всех рабочих. Развитие этой отрасли промышленности представляется в следующем виде[19]:

Годы	Численность рабочих, в тыс. чел.	Сумма производства, в млн. руб.
1850	97,5	25,1
1856	108,9	33,1
1860	113,1	35,3½
1863	86,6	33,4
1867	93,1	49,2

Как видим, между 1860 и 1863 гг. происходит сокращение числа рабочих и суммы производства.

В эти же годы происходит и сокращение производства хлопчатобумажной промышленности, но причина этого явления другая: с отменой крепостного права в России хронологически совпала гражданская война в Соединенных Штатах Северной Америки, последствием которой был мировой хлопковый голод.

Хлопчатобумажная промышленность развивалась таким образом:

Годы	Численность рабочих, в тыс. чел.	Сумма производства, в млн. руб.
1850	145,0	45,0
1856	135,6	50,6
1860	152,0	71,6
1863	81,5	55,7
1867	129,1	102,6

[19] Д. Тимирязев. Развитие главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности в России с 1850 по 1879 г. СПб., 1881, стр. 6—7.

Приведенные данные отчетливо показывают резкое падение производства хлопчатобумажной промышленности в годы хлопкового кризиса.

В противоположность отраслям, которые были в значительной степени основаны на принудительном труде, или зависели от проблемы хлопка, отрасли промышленности, которые не были связаны ни с тем, ни с другим явлением, росли в пореформенные годы. Так было, например, в механической и машиностроительной промышленности, в которой в 1861 г. работало 12,4 тыс. рабочих, в 1865 г.— 18 тыс., в 1870 г.—30 тыс. [20]

В целом обрабатывающая промышленность России после первых пореформенных лет, когда ее отдельные отрасли по разным причинам пережили упадок, во второй половине 60-х годов находилась в состоянии подъема. Этот подъем виден из сопоставления следующих данных:

Таблица 3

*Рост обрабатывающей промышленности Европейской России**

Годы	Численность рабочих, в тыс. чел.	Увеличение в %	Сумма производства, в тыс. руб.	Увеличение в %
1864	272 385		201 458	
1872	400 325	+47	352 087	+75

* См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 529, приложение II. Приведенные данные относятся к 34 производствам.

Как видно, сумма производства меньше чем за десятилетие выросла на 75%, а число рабочих — примерно на 50%. Значит, происходил не только рост промышленности, но и развитие техники: в начале 70-х годов выработка каждого рабочего была заметно больше, чем в середине 60-х годов, росла производительность труда. То же наблюдается при изучении отдельных отраслей промышленности.

Возвращаясь к текстильной промышленности, нельзя не заметить, что во второй половине 60-х годов число рабочих и сумма производства росли здесь не в одинаковых пропорциях: в шерстяной промышленности число рабочих в 1867 г. еще не достигло уровня 1850 г., а сумма производства почти вдвое превысила уровень 1850 года. Очевидно, переход к наемному труду в шерстяной промышленности оказал положительное влияние на повышение производительности труда.

В хлопчатобумажной промышленности число рабочих достигло уровня 1850 г. только в 1876 г., а сумма производства за это

[20] А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России, стр. 19.

время выросла больше, чем втрое. К 1867 г. количество рабочих здесь еще не достигло уровня 1850 г., а ценность производства увеличилась больше, чем вдвое, несмотря на то, что в 1866 г., по данным Туган-Барановского, в хлопчатобумажной промышленности кроме 94 566 рабочих, работавших на фабриках, было еще 66 178 рабочих на дому [21]. Эти домашние рабочие работали в основном в бумаготкацкой промышленности, которая в своем техническом оснащении отставала от бумагопрядения и от набивного производства. Такое неравномерное техническое совершенствование в отдельных частях одной и той же отрасли не препятствовало тому, что хлопчатобумажная промышленность в целом была наиболее развитой и наиболее передовой отраслью русской обрабатывающей промышленности как до реформы, так и в первом десятилетии после реформы. И в пореформенной России, в отдельных районах и в отдельных отраслях, совмещались разные явления, которые нисколько не противоречили друг другу. Например, в Пермской губернии за десятилетие, с 1855 по 1865 г., возникло 533 кустарных заведения, за 1865—1875 гг.— 1339, за 1875—1885 гг.— 2652, за 1885—1895 гг.— 3469 [22].

Приводя эти цифры, свидетельствующие о развитии кустарной промышленности, В. И. Ленин писал: «Совмещение в одной стране в одно время двух этих, по-видимому, противоречивых процессов на самом деле не заключает в себе никакого противоречия: вполне естественно, что капитализм в более развитой области страны или в более развитой области промышленности прогрессирует тем, что стягивает мелких кустарей на механическую фабрику, тогда как в захолустных местностях или в отсталых отраслях промышленности процесс развития капитализма только начинается, проявляясь в возникновении новых производств и промыслов» [23].

Таким образом, неравномерное развитие отдельных отраслей народного хозяйства было явлением вполне закономерным. Для предреформенных десятилетий и для периода, непосредственно следовавшего за реформой 1861 г., характерен тот факт, что хлопчатобумажная промышленность обгоняла другие отрасли как в количественном отношении, так и в отношении техническо-

---

[21] А. Г. Рашин. Формирование рабочего класса России, стр. 17.

[22] В. И. Ленин. Сочинения, т. 2, стр. 353.

[23] В. И. Ленин. Сочинения, т. 2, стр. 354. В связи с приведенными словами В. И. Ленина, интересно указать на статью П. Г. Рындзюнского „О мелкотоварном укладе в России XIX века“ («История СССР», 1961, № 2, стр. 48—70), в которой автор показывает, что мелкотоварное производство и во второй половине XIX в. развивалось наряду с более высокими формами капитализма и являлось не пережитком крепостной эпохи, а одной из сторон капиталистического развития.

го оснащения и в отношении социальной структуры предприятий, на которых работали вольнонаемные рабочие.

Поэтому естественно, что фабриканты и вообще русская буржуазия еще в дореформенное время дорожили рынками, находившимися в странах, лежавших за пределами Российской империи по азиатской границе (Персия, Китай, Средняя Азия), так как западноевропейский рынок был в сущности закрыт для сбыта изделий русской промышленности, а внутренний рынок был ограничен низкой покупательной способностью сельского населения, что являлось результатом крепостнических пережитков.

* * *

Вопрос о внутренней торговле России является одним из наименее освещенных и наиболее трудных для изучения, так как в распоряжении исследователей нет прямых сколько-нибудь достоверных источников о внутренних торговых оборотах в стране. Поэтому приходится прибегать к косвенным данным и приходить к относительным и ограниченным выводам.

Вопрос о внутреннем рынке имеет две стороны: сбыт сельскохозяйственных продуктов и сбыт промышленных изделий. В 60-х и последующих годах происходил рост вывоза русского хлеба за границу. Однако этот рост становится более заметным со второй половины 60-х годов. Об этом свидетельствуют следующие данные о среднегодовом вывозе четырех главных хлебов[24]:

Годы	В млн. пудов	В млн. руб.
1856—1860	69	51
1861—1865	75	53
1866—1870	120	91
1871—1875	181	164
1876—1880	257	266

Как видно, в первой половине 60-х годов вывоз хлеба увеличился незначительно, даже для конца 60-х годов современники считали вывозную торговлю не особенно значительной[25].

Что касается внутренней торговли хлебом, то спрос на него определялся численностью городского населения, которое, как указывалось выше, в 60-х годах росло медленно. Такое небольшое количество потребителей хлеба создавало препятствие на

---

[24] «История СССР», т. II. М., 1959, стр. 89.

[25] И. Янжул. Исторический очерк русской торговли с Средней Азией.— «Московские университетские известия», 1869, № 5, стр. 325.

пути развития сельского хозяйства, что в свою очередь влекло за собой сужение внутреннего рынка для промышленности.

Прямых данных о сбыте промышленных изделий внутри страны в нашем распоряжении не имеется, есть только данные о торговле на ярмарках, но, во-первых, они далеко не точные, во-вторых, в середине XIX в. ярмарки перестают играть первостепенную роль во внутренней торговле и все больше и больше уступают место лавочной и магазинной постоянной торговле. Эта тенденция во внутренней торговле становится заметной еще в дореформенное время [26]. Тем более она развивается после реформы, в особенности в связи со строительством железных дорог.

Выступавший на первом всероссийском съезде фабрикантов и заводчиков в 1870 г. известный экономист, статистик Бушен, говоря о важности проведения железных дорог, отметил их влияние на ярмарочную торговлю. Значение железнодорожной сети Бушен видел не только в расширении сбыта изделий и в удешевлении перевозки товаров, но и в том, что проведение железных дорог «сверх того разобьет ненормальную ярмарочную торговлю и заменит ее правильною торговлею магазинною». Почти во всех городах, говорил далее Бушен, лежащих на пути железных дорог, ярмарки уже более не существуют. «Торговля принимает правильный вид и направление, и эта кочевая, полудикая форма ярмарочной торговли..., благодаря сделанному почину в железнодорожном деле, стала падать; и нет сомнения, что будет падать и далее до конца». В то же время Бушен заметил: «Но, с другой стороны, нужно заметить, что падают ярмарки со стороны, лежащей ближе к Москве, и усиливаются со стороны, лежащей дальше от Москвы» [27].

Другой источник, относящийся приблизительно в тому же времени, говорит, что о торговле «мануфактурными» товарами можно судить только по ярмаркам, «которые безразлично обнимают все виды наших продуктов, как создаваемых нами, так и привозимых из-за границы». Ярмарочная торговля «уже почти отжившая свой век» в западноевропейских государствах, в России имеет еще «огромное значение и захватывает большую часть всех наших внутренних оборотов... Тем не менее, в более или менее близком будущем, ярмарки должны будут уступить место постоянной оседлой торговле». Недостатки ярмарочной торговли автор видит в оптовой торговле на ярмарках, а значение мно-

---

[26] М. К. Рожкова. К вопросу о значении ярмарок во внутренней торговле дореформенной России.— «Исторические записки», т. 54. М., 1956, стр. 298—314.

[27] «Протоколы и стенографические отчеты заседаний первого всероссийского съезда фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся отечественною промышленностью 1870 года». Стенографический отчет заседаний 1-го отделения. СПб., 1872, стр. 13, 14.

жества мелких ярмарок он видит в том, что они заменяют постоянную лавочную торговлю и в большинстве своем имеют характер базаров, где наряду с промышленными изделиями продаются и сельские продукты [28].

Автор описания Ростовской ярмарки, относящегося к самому началу 60-х годов, обращает внимание на то, что год от года падает удельный вес ярмарочных оборотов в общей внутренней торговле, что «еще пока мало заметная, более правильная формировка торговли» влияет на уменьшение «ярмарочного дела», что «иногородные купцы в гораздо большем количестве стали приезжать в Москву сами, стали выбирать и отправлять товар с места, а этим самым уменьшают они и свои ярмарочные требования». По мнению автора описания ярмарки, с ростом железнодорожной сети ярмарочная торговля, удовлетворяющая «прихоти» высших классов, будет падать, но «коренным слоям народа» ярмарки долго будут необходимы, так как «этот слой народа... дома ищет возможности удовлетворить всем потребностям своей домашней, домоседной жизни» [29].

Все три составителя приведенных источников сходятся в том, что происходящий процесс упадка ярмарочной торговли относится к крупным ярмаркам, главным образом к ярмаркам городских центров, в то время как мелкие ярмарки более отдаленных районов, обслуживающие местное население, не уменьшаются, но приобретают характер более постоянной базарной торговли.

Это положение подтверждается и имеющимися в нашем распоряжении цифровыми данными. Выше отмечались неточность и недостоверность данных о ярмарочных оборотах, поэтому мы приводим только сведения о численности существовавших в России ярмарок.

Табл. 4 показывает, что до конца 60-х годов общее количество ярмарок беспрерывно увеличивалось, при этом количество городских ярмарок резко сократилось как в процентном, так и в абсолютном выражении, а сельских ярмарок, наоборот, сильно выросло. Отсюда следует что периодическая ярмарочная торговля городов уступала место постоянной внутренней торговле, а увеличение количества сельских ярмарок в два с половиной раза показывает значительный рост внутренней торговли, развитие товарно-денежных отношений в деревне.

При уменьшении количества городских ярмарок, обороты их, по имеющимся данным, не уменьшались, а, наоборот, росли. Но поскольку эти данные, как уже неоднократно указывалось, не отличаются точностью, не имеет смысла приводить их в данной

---

[28] «Военно-статистический сборник», вып. IV. Россия. Под ред. Н. Н. Обручева. СПб., 1871, стр. 641—642.

[29] А. Ушаков. Очерк характера Ростовской сборной ярмарки и промышленность Ростовского уезда. М., 1861, стр. 16, 18.

Таблица 4

Численность ярмарок в Европейской России

Годы	Всего ярмарок	В том числе			
		городских	%	сельских	%
1834*	3 603	1 505	41,8	2098	58,2
1859**	4 988	—	—	—	—
1863***	5 898	1 127	19,1	4771	80,9
1868***	6 496	1 159	17,8	5337	82,1

* «Список существующих в Российской империи ярмарок». СПб., 1834.

** «Журнал Министерства внутренних дел», ч. 49. Приложения к извлечению из всеподданнейшего отчета министра внутренних дел за 1859 г., ведомость 28, 1861, стр. 192—193.

*** «Военно-статистический сборник», вып. IV, стр. 643

монографии. В общем же можно сказать, что поскольку происходил рост ярмарочной торговли и в то же время развивалась постоянная торговля в лавках и магазинах, постольку не может возникать сомнений в расширении рамок внутреннего рынка.

Остановим все же внимание на крупнейшей в России Нижегородской ярмарке, среднегодовые обороты которой выражались в следующих суммах [30].

Годы	Сумма, в млн. рубл.	Годы	Сумма, в млн. руб.
1847—1856	52	1877—1886	175
1857—1866	94	1887—1896	163
1867—1876	136	1897—1906	146

Эти данные говорят о начале упадка Нижегородской ярмарки с конца 80 — начала 90-х годов (до 80-х годов обороты ярмарки росли). В то же время изменялся характер Нижегородской ярмарки. По словам экономиста, писавшего в середине 60-х годов, «значение ярмарки как биржи и коммерческого средоточия можно назвать преобладающим как в области всей нашей внутренней торговли.., так и в азиатской торговле... На ярмарку приезжает множество торговцев, и даже многие знатнейшие без всякого товара, единственно для расчетов, как обыкновенно выражаются... В этом отношении Нижегородская ярмарка представляет особенные удобства, так как здесь производятся расчеты и

[30] Г. А. Дихтяр. Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960, стр. 144.

за множество других ярмарок и операций, происходивших помимо ее...; за одним обедом или чаем принимаются важнейшие решения, заключаются миллионные сделки, которых самое выполнение будет вовсе не на ярмарке, а у себя дома или всего скорее в Москве» [31]. Таким образом, Нижегородская ярмарка превращалась в своего рода биржу.

Другой, более поздний источник отмечает, что фабриканты, приезжающие на Нижегородскую ярмарку, записывают нужное им количество пряжи и прядильщики сообразно с этими заказами покупают хлопок, что вообще торговля на ярмарке находится в тесной связи с фабриками: если, например, оказывается недостаток товара, шлют заказ на фабрики. Сукно, идущее в Кяхту, иногда не бывает в продаже на ярмарке, а только принимается здесь купцами, сделавшими заранее заказы в Москве [32]. Все это указывает на новые черты в характере Нижегородской ярмарки.

Таким образом, вытеснение ярмарочной торговли постоянной, развитие торговли в магазинах и лавках с одновременным ростом абсолютных данных ярмарочных оборотов и сети сельских ярмарок, изменение характера торговли на наиболее крупных ярмарках — все это свидетельствует о процессе расширения внутренней торговли.

Другая организация торговли — сосредоточение ее в руках офеней — также претерпела изменения. Во Владимирской губернии, например, коробочная торговля находилась в цветущем состоянии до 20-х годов XIX в., а затем она пришла в упадок; крестьяне-капиталисты записались в купечество, торговля офеней сократилась, они в это время большей частью не имели собственного капитала, а торговали по доверенности московских и шуйских купцов и иконописцев Холуйской слободы [33].

Мы наблюдаем, таким образом, упадок этой формы торговли под влиянием расслоения офеней на зажиточных купцов и зависящих от них мелких торговцев. Позднее в журнале «Торговый сборник» отмечалось, что офени и ходебщики еще развозят товары по помещичьим имениям и по деревням, но «этот отживший свое время способ сбыта товаров с каждым годом уменьшается, и недалеко то время, когда он совсем покончит свое существование» [34].

Но, если коробочная форма торговли падала в Европейской России, она еще прочно держалась на окраинах. Так корреспондент «Биржевых ведомостей» в начале 70-х годов говорит о коробочной торговле, «благодаря которой в последние годы

---

[31] В. П. Безобразов Очерки Нижегородской ярмарки. М., 1866, стр. 16—17.

[32] «Военно-статистический сборник», вып. IV, стр. 652—653.

[33] «Офени Владимирской губернии»,— «Журнал Министерства внутренних дел», 1854, декабрь, отд. III, стр. 110—111.

[34] «Торговый сборник», 1869, № 14.

фабричные произведения почти вытеснили из употребления между киргизами среднеазиатские и даже английские изделия»[35].

Таким образом, как в предреформенные десятилетия, так и в 60-х годах рамки внутреннего рынка раздвигались за счет роста не только городской, но и сельской торговли.

Но, чтобы выяснить, в какой мере рост внутреннего рынка в 60-х годах удовлетворял развивающуюся промышленность, то из-за отсутствия прямых данных приходится прибегнуть к косвенным доказательствам. Так как хлопчатобумажная промышленность была наиболее передовой и наиболее развитой отраслью, спрос на ее изделия на внутреннем рынке будет для нас наиболее убедительным примером.

По данным В. К. Яцунского, среднегодовое производство хлопчатобумажных тканей в 1856—1860 гг. составляло 7,5 аршина на душу населения. Если сравнить эти данные с первой половиной 30-х годов, когда на душу населения приходилось около 3,5 аршина хлопчатобумажных тканей[36], можно предположить, что потребление хлопчатобумажных тканей за 25—30 лет выросло более, чем вдвое.

Однако сравнение хлопчатобумажной промышленности, с одной стороны, льняной и пеньковой — с другой, показывает, что значительная часть деревни одевалась еще в ткани собственного производства. Из данных А. А. Шерера, приводимых В. К. Яцунским, видно, что накануне крестьянской реформы в год производилось хлопчатобумажных тканей на 86 млн. руб., а льняных и пеньковых изделий — на 135 млн. руб.[37] Подавляющая часть последних изготовлялась в мелких заведениях и домашнем хозяйстве крестьян.

Это доказывается и тем, что, по данным «Атласа» Тимирязева, «Ежегодника Министерства финансов» и «Трудов Тарифной комиссии», ценность хлопчатобумажного фабричного производства превышала 100 млн. руб., шерстяного — 50 млн., а ценность фабричного льняного производства равнялась всего 11 млн. руб.[38], что составляло небольшую часть всего производства льняных тканей, если сравнить ее с данными Шерера. Таким образом, значительная часть крестьянства России, по всей вероятности, одевалась в домотканную одежду. Поэтому хлопчатобумажные ткани не находили достаточно спроса в крестьянской массе.

---

[35] «Туркестанские ведомости», 1872, № 23.

[36] В. К. Яцунский. Крупная промышленность России с середины 30-х годов XIX в. до 1860 г.— «Очерки экономической истории России первой половины XIX века», стр. 131, 183.

[37] Там же, стр. 183.

[38] «Протоколы и стенографические отчеты первого всероссийского съезда фабрикантов». Стенографический отчет заседаний 4-го отделения, стр. 20.

Еще до реформы представители русского купечества обращались к правительству с просьбами и с жалобами на затруднения в сбыте изделий. Александровский фабрикант Баранов, например, писал министру финансов Вронченко в 1846 г. в ответ на его запрос, что русские хлопчатобумажные изделия «не имеют надлежащего сбыта от чрезвычайно увеличившейся фабричной промышленности, которая, особенно в последнее время, слишком усилилась, между тем источники сбыта остались почти те же самые, а другие, прежде значительные, теперь почти ничтожны»[39].

Автор статьи «Влияние американской войны на хлопчатобумажное дело в России» писал, что в 1859 и в 1860 гг. хлопчатобумажная промышленность России достигла «зенита своего развития». По словам автора статьи, «нам готовился кризис, причиною которого было производство, несоответствовавшее потреблению, признаки его стали обнаруживаться»[40]. Об этом же писали в «Русском инвалиде», где указывалось, что после «кратковременного лихорадочного» подъема промышленности и торговли, по окончании Восточной войны, наступило «вдруг» с 1860 г. «недужное состояние», перешедшее в «застой» промышленности и торговли[41].

Таким образом, несмотря на рост внутренней торговли, рамки внутреннего рынка были тесны для развивавшейся промышленности.

В поисках нового рынка представители купечества обращали свое внимание на Среднюю Азию, завоевание которой представлялось им весьма желательным. Средняя Азия привлекала русское купечество не только как рынок сбыта своих изделий, но и как рынок сырья для хлопчатобумажной промышленности[42]. Вопрос этот для русской буржуазии стал особенно острым в первые годы после реформы, которые по времени совпали с мировым хлопковым кризисом, вызванным гражданской войной в Соединенных Штатах Северной Америки.

* * *

До крестьянской реформы интересы буржуазии представляли Мануфактурный и Коммерческий советы и их отделения в Москве и в некоторых других городах. Состав этих учреждений, возникших в конце 20-х годов XIX в., назначался правительством частично из купцов и фабрикантов, частично из чиновников.

После реформы были основаны добровольные общества, такие как «Русское техническое общество» в 1866 г. и «Общество

---

[39] «Очерки экономической истории России первой половины XIX века», стр. 272.

[40] «Москва», 1867, № 26.

[41] «Русский инвалид», 1864, № 54.

[42] Более подробно об этом см. ниже, в следующих главах.

для содействия русской промышленности и торговле» в 1867 г. Оба общества были учреждены в Петербурге.

Устав «Общества для содействия русской промышленности и торговле» был утвержден 17 ноября 1867 г. Учредители его в количестве 34 человек преимущественно принадлежали к верхушке петербургского купечества: 15 из них были петербургскими купцами первой гильдии, 3 в то же время были и владельцами промышленных предприятий; 5 купцов первой гильдии представляли другие города: Кинешму, Ростов, Гжатск, в их числе был и глава ярмарочного комитета Нижегородской ярмарки кинешемский купец первой гильдии А. Шипов. Среди учредителей «Общества» было 8 почетных граждан, которые могли и не принадлежать к купеческому сословию [43]. Таким образом, «Общество» представляло в основном петербургское купечество первой гильдии. То обстоятельство, что оба общества возникли в Петербурге, не случайно: Петербург был развивавшимся центром передовой промышленности и петербургская буржуазия находилась на более высоком культурном уровне, чем, например, московская.

К началу 1873 г. «Общество для содействия русской промышленности и торговле» имело 759 членов. Наибольшее число их было в следующих городах:

Петербург	269	Касимов	16
Москва	45	Астрахань	15
Рига	81	Тобольск	10
Екатеринбург	56	Иваново-Вознесенск	10
Нижний Новгород	40	Варшава	10
Казань	39	Киев	9
Ташкент	28	Шуя	7
Тюмень	17	Кяхта	6

Подавляющее количество членов «Общества», как видно, принадлежало к купечеству Петербурга и Риги, т. е. к купечеству прибалтийских портов, на основании чего можно предположить, что эти купцы вели торговлю с Западной Европой.

Круг интересов «Общества» был очень широкий. В 1869 г. «Общество» издало сборник статей, специально посвященный торговым путям в Среднюю Азию [44]. В заседаниях комитета «Общества» ставились вопросы о строительстве железных дорог, о прямом сообщении между Соединенными Штатами Америки и Россией, о назначении консула и коммерческого агента в Нью-Орлеане с целью расширения и улучшения торговли хлопком,

[43] «Торговый сборник», 1868, № 4.

[44] «Материалы по вопросу о торговых путях в Среднюю Азию». СПб., 1869.

обсуждался проект нового положения об акционерных обществах, о торговом судопроизводстве, о закавказском транзите, о торговле с Персией, Монголией, Китаем, Средней Азией, Индией и т. д.[45]

«Общество» считало своим печатным органом журнал «Торговый сборник», выходивший с 1864 г. Еще до учреждения «Общества» видные фабриканты во главе с Иваном Ляминым и Тимофеем Морозовым отправили в редакцию «Торгового сборника» заявление, в котором писали, что считают этот журнал органом русского торгового мира. Поэтому позицию «Торгового сборника» можно считать отражением позиции самого «Общества» и русской буржуазии в целом.

Одним из мотивов, которым руководствовалось «Общество» при избрании «Торгового сборника» своим органом, является то, что «Торговый сборник» чужд всяких политических, социальных и т. д. направлений и партий», и не мог быть запрещен из-за опубликования статей, не имеющих ничего общего с интересами торговли и промышленности, которым он должен быть всецело подчинен[46].

Политическая инертность «Общества для содействия русской торговле и промышленности» тем более свидетельствует о косности и отсталости русской буржуазии, что оно представляло интересы крупного петербургского купечества — наименее отсталой части русской буржуазии.

Так как и петербургские купцы и московские фабриканты признали «Торговый сборник» выразителем их мнения, то на основании высказываний этого журнала можно судить об отношении разных слоев русской буржуазии к таможенной политике правительства.

Царское правительство во второй четверти XIX в. придерживалось покровительственной системы в своей таможенной политике. Некоторое смягчение этой политики произошло в 1850 и 1857 гг. Еще шаг в этом направлении был сделан в 1868 г., когда был принят новый тариф, умеренный по сравнению с предыдущими, но все же покровительственный. При возникновении вопроса о перемене таможенного тарифа в 60-х годах разгорелись горячие споры в разных общественных группировках. Газеты «Биржевые ведомости», «Московские ведомости» и некоторые другие стояли за свободу торговли. «Торговый сборник» занимал протекционистскую позицию.

В 1865 г. в связи с купеческими съездами в Москве «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали, что на съезде были выбраны лица для обсуждения предложений о внесении изменений в таможенный тариф между Россией и германским таможенным

[45] «Труды „Общества для содействия русской промышленности и торговле“», ч. IV. СПб., 1873; ч. V, 1874.

[46] «Торговый сборник», 1866, № 23; 1868, приложение к № 12.

союзом. Этими лицами были крупные московские хлопчатобумажные фабриканты Т. С. Морозов и П. С. Малютин. По словам корреспондента «Санкт-Петербургских ведомостей», выбранные равнодушно отнеслись к своей миссии, так как в среде московских фабрикантов существовали такие суждения: «будет ли толк-то какой из наших указаний, говорят они, немецкая-то партия и здесь сильна, и баллы-то на выборах считали ломаным языком; не отводят ли только глаза предложением рассмотреть дело». Почему такая неуверенность в собственных силах, пишут далее в газете. «Сильна немецкая партия, русская слаба что ли? Другие из купечества — передовые — того мнения, что не следует давать поблажку нашим фабрикантам. Еще бы! но дело в том, что в определении торговых отношений необходимо именно остановиться на таких пошлинах, которые бы поощряли усовершенствования, не убивали их и не давали поблажки лени».

Корреспондент «Московских ведомостей», присутствовавший на съезде, отмечал озабоченность, сомнения, которые возникли на основании опыта прежних лет, когда мнения купечества о промышленных мероприятиях не спрашивали. «Неужели и теперь его не выслушают, и решая такой важный вопрос, каково изменение тарифа по поводу требований германского таможенного союза», в то время как помещиков спрашивали о крестьянской реформе, юристов — о судебной и т. д. «Наши фритредеры-теоретики,— писали в „Торговом сборнике“,— держатся того мнения, что мануфактуристов не следует спрашивать о том, что хорошо и что худо для наших мануфактур, потому что они-де народ, заинтересованный в этом деле... Но что сказали бы наши законники, если б им объявили, что предстоящая судебная реформа должна быть обсуждаема и решаема, например, купцами, а не ими?... Чтоб дело было сделано с толком и пользою, необходимо руководствоваться мнениями людей, вполне понимающих его, и практически знакомых с ним» [47].

В № 6 «Торгового сборника» за 1866 г. была помещена статья А. Шипова (кинешемского купца первой гильдии, ярмарочного головы в Нижнем Новгороде) под названием «Тариф и земледелие». Статья направлена против фритредеров, в ней доказывается, что «интересы земледельцев неразрывно связаны с интересами промышленников, которые особенно необходимы для земледельца как требователи его продуктов», Так как, по мнению Шипова, нельзя полагаться на заграничный сбыт хлеба, то необходим покровительственный тариф, который содействует развитию промышленности и, следовательно, увеличению числа потребителей земледельческих продуктов. Редакция поддерживает Шипова, говоря, что об этом надо подумать фритредерам, старающим-

---

[47] «Торговый сборник», 1865, № 9, 11.

ся возбудить антагонизм между сельским хозяйством и промышленностью [48].

В 1867 г. редакция «Торгового сборника» возвращается к вопросу о заинтересованности землевладельцев в развитии промышленности, так как это способствовало росту внутреннего хлебного рынка [49].

«Общество для содействия русской промышленности и торговле» совместно с «Русским техническим обществом» созвало 18 мая 1870 г. первый съезд фабрикантов и заводчиков. На открытии съезда присутствовало 428 человек [50]. На съезде обсуждался ряд вопросов: о путях сообщения, о внутренней (ярмарочной) торговле, о таможенном тарифе [51], о банках, о состоянии отдельных отраслей промышленности, о проблеме хлопка и сбыта изделий русской промышленности и даже о народном образовании. Один из ораторов выразил пожелание, «чтобы у нас ограничена была сила действия паспортной системы» [52].

Специальное заседание съезда было посвящено вопросу об учреждениях, представляющих интересы фабрикантов, заводчиков и торговцев. Высказывались критические замечания о деятельности Мануфактурного и Коммерческого советов и их отделений, отмечалось отсутствие выборности и гласности в организации и деятельности этих учреждений. Все выступавшие выражали желание, чтобы учреждения, представляющие буржуазию, действовали на основах выборного начала и гласности.

В резолюции заседания по этому вопросу было также выражено требование гласности и выборности промышленных и торговых советов, комитетов, отделений, палат и других учреждений, представляющих буржуазию. Если, с одной стороны, критиковалась сама система организации Мануфактурного

---

[48] «Торговый сборник», 1866, № 6.

[49] «Торговый сборник», 1867, № 45.

[50] «Протоколы и стенографические отчеты первого всероссийского съезда фабрикантов». Протокол заседания 18 мая 1870 г., стр. 1.

[51] Съезд признал таможенный тариф 16 июня 1868 г. покровительственным и выразил мнение, что всякий тариф может принести пользу только тогда, когда у фабрикантов будет уверенность, что он сохранится до заранее определенного срока («Протоколы и стенографические отчеты первого съезда фабрикантов». Резолюции, принятые съездом, стр. 12—13).

[52] «Протоколы и стенографические отчеты первого съезда фабрикантов». Стенографический отчет заседаний 6-го отделения, стр. 83, 84, 88. В связи с этим оратор сказал: «Если правительство заботится, чтобы каждый имел в руках паспорт, отчего же оно не заботится, чтобы каждый поступал на 2 года, на год или на 1 ½ года в школу? Это было бы существенно необходимее раздачи лоскутов для дозволения перехода с места на место... Ведь стыдно сказать, на элементарное образование 70 млн. расходуется у нас только 750 тыс. руб.!» Эти слова оратора были встречены криками «браво, браво!» Но кроме этого оратора никто не выступил по вопросу о народном образовании так же, как и по вопросу о паспортной системе.

и Коммерческого советов и их отделений, что относилось в основном к правительству, учредившему их в конце 20-х годов, то с другой стороны, подвергалась критике и деятельность советов и комитетов.

Отмечалось, что Мануфактурный совет в продолжение многих лет собирается только два-три раза в год и преимущественно для выдачи привилегий, что в печати публикуется очень мало сведений о деятельности Мануфактурного и Коммерческого советов и их отделений и местных комитетов.

При обсуждении вопроса о пересмотре таможенного тарифа многие комитеты (как например, Оренбургский или Калужский) «не подали никакого голоса на воззвание правительства и затем из всех других комитетов только Московским и Рижским были представлены самые обстоятельные мнения о тарифе». Из Одесского отделения было получено только несколько слов в виде отписки. «Вообще весь вопрос о тарифе во всех торговых учреждениях, за исключением Московского, разбирался довольно поверхностно»[53].

Не только в деятельности Мануфактурного и Коммерческого советов и их отделений выражалась пассивность русской буржуазии. Равнодушие «публики» и «оцепенелость», по выражению выступавшего на съезде В. А. Полетики, ограничивали и деятельность добровольных обществ — «Русского технического» и «Общества для содействия русской торговле и промышленности»[54]. На съезде проявилось равнодушие русских фабрикантов к обсуждению важных вопросов экономической жизни страны. На съезде, правда, выступали некоторые крупные фабриканты, такие, как например, Т. С. Морозов, И. Н. Морозов, говорившие главным образом о хлопке и в связи с этим о состоянии путей сообщения[55]. Однако неоднократно отмечалось отсутствие представителей фабрикантов на съезде.

Присутствовавший на съезде В. И. Губин предложил организовать комиссию для содействия русской заграничной торговле. В состав комиссии Губин предлагал ввести чиновников, купцов и фабрикантов. Комиссия, по проекту Губина, должна была выехать на Восток и на Юго-Запад, чтобы заняться исследованием вопроса о русской внешней торговле, так как русские купцы «сидят дома» и не посылают за границу агентов, а правительственные агенты не доставляют сведений. Один из присутствовавших на съезде предложил состав комиссии преимущественно из частных лиц, только «с присоединением» чиновников. Но Губин отстаивал проект правительственной комиссии, ссылаясь на апа-

---

[53] «Протоколы и стенографические отчеты первого всероссийского съезда фабрикантов». Стенографический отчет заседаний 3-го отделения, стр. 3—21.

[54] Там же. Протокол заседания 18 мая 1870 г., стр. 7—8.

[55] Там же. Стенографический отчет заседания 5-го отделения, стр. 5—13.

тию русских купцов. В подтверждение этого Губин сказал: «...когда мы рассуждаем о вопросе, который может интересовать всю Россию и составляет один из существеннейших вопросов нашей экономической жизни, мы не видим в среде своей самих фабрикантов». Председатель собрания М. Я. Китарры объяснял «апатию» фабрикантов тем, что они «заняты делом», «им трудно каждому заняться общим делом, оно для них более или менее чужое». Поэтому лучше организовать комиссию по инициативе правительства с приглашением частных лиц [56].

Один из участников съезда выразил сожаление о том, что фабриканты и заводчики посещают «наше собрание в таком малом количестве» [57]. По словам Скальковского, «московские фабриканты отнеслись к съезду несколько равнодушно» [58]. На заключительном заседании съезда В. А. Полетика отметил: «Наиболее безучастными остались сами фабриканты и заводчики. Они, к общему нашему удивлению и сожалению, блистали своим отсутствием... Впрочем, потребности настоящего съезда истекли больше теоретически и фабриканты были застигнуты неприготовленными, врасплох... Пора фабрикантам перестать надеяться на других и самим заняться разработкою и уяснением того, что для них нужно» [59].

Избрание своим органом журнала «Торговый сборник» ввиду его политической индифферентности, пассивное отношение к важным для купечества вопросам, весьма слабое участие фабрикантов в съезде, который для них и был организован — все это свидетельствует о политической незрелости, низком уровне культуры, отсталости русской буржуазии.

Эти свойства буржуазии в сочетании с особенностями социально-экономической и политической жизни в ханствах Средней Азии, требовавшими большой энергии и организованности для овладения среднеазиатским рынком, приводили к тому, что отдельные попытки русских фабрикантов и купцов торговать в среднеазиатских ханствах оканчивались неудачей. Вследствие этого завоевание среднеазиатской территории представлялось русским купцам и фабрикантам необходимым условием для развития торговли в Средней Азии, что казалось особенно важным в условиях, когда внутренний рынок России при крепостном праве, а затем и после реформы, при сохранении пережитков крепостного строя, был недостаточно широк для растущей русской промышленности, в особенности хлопчатобумажной, которая шла впереди других отраслей и требовала более широкого рынка сбыта.

---

[56] Там же, стр. 45—52.
[57] Там же. Стенографический отчет заседаний 6-го отделения, стр. 92.
[58] Там же. Протокол общего заседания 16 июня 1870 г., стр. 3.
[59] Там же, стр. 7, 8.

Мировой хлопковый кризис начала 60-х годов был дополнительным толчком в стремлении русского купечества овладеть среднеазиатским рынком. Не случайно, что именно московские фабриканты и фабриканты Центрального промышленного района, где хлопчатобумажная промышленность была наиболее развита, отстаивали покровительственный тариф энергичнее, чем купечество других районов.

И в овладении среднеазиатским рынком по мере продвижения царских войск в глубь территории ханств наиболее энергично действовали фабриканты Центрального промышленного района.

Этим вопросам будут посвящены последующие главы работы.

Глава II

ОЧЕРК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В СЕРЕДИНЕ XIX в.

Территория Средней Азии, которую занимали три узбекских ханства — Коканд, Бухара и Хива, — населена узбеками, таджиками, туркменами, казахами, киргизами, каракалпаками.

Преобладающую часть территории Средней Азии составляют горы, пустыни и степи. Среди них выделялись оазисы, оседлое население которых занималось земледелием,— богарным или поливным. Поливное земледелие, которое было более распространено, чем богарное, требовало навыка и большого труда. Работа по проведению арыков, их очистке и вообще по содержанию их в порядке была работой очень тяжелой, требовавшей от населения большого напряжения материальных и физических сил. Орошение полей в Бухарском эмирате и в Кокандском ханстве было самотечным, а в Хивинском ханстве производилось большей частью при помощи чигирей — водоподъемных колес с черпаками, приводившихся в движение верблюдами, лошадьми, быками или ослами, в зависимости от размеров чигирей.

Первое место по размерам посева занимали зерновые: пшеница, рис, ячмень и др. Из технических культур преобладали посевы хлопчатника. Среднеазиатский хлопок с грубым и коротким волокном употреблялся главным образом в местной промышленности. В некоторых частях Средней Азии было распространено шелководство. Повсеместно население занималось садоводством (культура винограда и плодовых деревьев).

В скотоводческих районах Средней Азии разводили овец, крупный рогатый скот, верблюдов, лошадей. Скот и продукты скотоводства (шерсть, кожи, мясо, молоко и др.) употреблялись в собственном хозяйстве кочевника, а частично продавались в обмен на хлеб и ремесленные изделия на многочисленных базарах в городах и кишлаках Средней Азии.

Основными земледельческими орудиями в Средней Азии были: кетмень (вид мотыги), омач — деревянная соха с чугунным лемехом, которая не поворачивала пласта почвы, вследствие чего пахоту производили несколько раз вдоль и поперек поля; мала — борона с деревянными зубьями, заменявшаяся иногда волокушей (бруском с вплетенным хворостом). Последней поль-

зовались иногда и при молотьбе зерновых растений. Молотьба большей частью производилась при помощи скота, который вытаптывал колосья и солому. Для жатвы и сенокоса употреблялся урак — серп с гладким лезвием [1].

Несмотря на большие затруднения, связанные с трудоемкой техникой земледелия, со стихийными бедствиями, с зависимостью массы населения от ханов и других крупных светских и духовных феодалов, земледельческая культура среднеазиатских ханств стояла на высоком уровне. Земледельческие оазисы, в особенности в районах поливного земледелия — в Самаркандской и Ташкентской областях и в Ферганской долине — отличались превосходно обработанной почвой, что не раз отмечали современники. В «Туркестанских ведомостях» обращалось внимание на крайности природы и хозяйства Туркестанского края: наряду с почти безводными пустынными пространствами находились местности с весьма густым населением. В качестве примера приводился Зеравшанский округ, который, по словам корреспондента газеты, оставлял позади самые населенные местности России и почти не уступал населению самых плодородных местностей Западной Европы. Чрезвычайно густое население отмечалось и в других местах Средней Азии [2].

Туркестанский генерал-губернатор К. П. Кауфман также обращал внимание на смешение отсталых в хозяйственном отношении районов Средней Азии с такими районами, которые, по его мнению, превосходили наиболее цивилизованные общества европейского запада. Кауфман отмечал густоту населения и интенсивность ирригационного земледелия в бассейнах рек Чирчика и Зеравшана и в Ферганской области, где снимали жатву три-четыре раза в лето. «Туземное» население этих местностей дошло «до весьма замечательной культуры в своем поземельном хозяйстве» [3]. Плотность населения этих местностей Кауфман сравнивал с Ломбардией [4].

Генерал Черняев в своем рапорте от 23 апреля 1865 г. также писал: «Относительно земледельческой производительности страны едва ли потребуется с нашей стороны какого-либо вмешательства: земледелие и скотоводство находится здесь на высшей степени развития...»[5].

---

[1] А. И. Шахназаров. Сельское хозяйство в Туркестанском крае. СПб., 1908, стр. 73—77.

[2] «Туркестанские ведомости», 1870, № 4.

[3] «Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана 1-го по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 — 25 марта 1881 г.». СПб., 1885, стр. 267.

[4] Там же, стр. 272.

[5] «Архив внешней политики России» (далее — АВПР), Главный архив, I-9, 1862 г., д. 15, ч. II, л. 75.

Большая часть земель в Средней Азии считалась собственностью государства. Участки государственной земли находились в пользовании крестьян, плативших за них продуктовую ренту.

Нередко ханы жаловали населенные государственные земли крупным феодалам, уступая им право взимания всего или части налога. Таким образом, значительная часть государственных земель перешла в собственность крупных феодальных земледельцев, которые наряду с правом взимать в свою пользу налоги с крестьян получали право и управления ими. Такие феодальные владения назывались мульки-хурри-халис. Крестьяне, сидевшие на этих землях, становились зависимыми от феодальной землевладельческой знати. Результатом этого было усиление эксплуатации крестьян.

В районах кочевого скотоводства происходил процесс присвоения общинных земель представителями феодально-родовой верхушки, которые эксплуатировали массу населения на основе отработочной ренты.

Если крупные феодалы, в результате покорения их тем или иным ханом, становились служилыми людьми, они получали за службу во временное владение землю, которая называлась танхо. Хотя танхо были землевладением на временном праве и не подлежали наследованию и продаже, они со временем превращались в полную собственность. В целях сохранения имений в своих руках и передачи по наследству феодалы превращали их в потомственный вакф.

Значительная часть земельных владений находилась в собственности религиозных учреждений и, следовательно, в распоряжении мусульманского духовенства. Эти земельные владения также назывались вакфами. В Хивинском ханстве они составляли до 40% населенных земель, в Зеравшанской долине доходили до трети и т. д. В вакуфных имениях господствовали особенно тяжелые формы эксплуатации крестьян.

Земли продавались и обращались в вакф вместе с населявшими их крестьянами. Хотя формально в Средней Азии не существовало крепостного права, зависимость крестьян от хана, светских и духовных феодалов, владевших землей и водой, была очень велика. Основным способом эксплуатации труда дехкан оставалась издольная аренда земли.

В среднеазиатских ханствах существовало рабство. В рабов превращались захваченные в плен. Рабы эксплуатировались главным образом в качестве домашней прислуги. По свидетельству ряда источников в Бухаре и Хиве рабский труд применялся не только в домашней жизни, но и в сельском хозяйстве. Сравнительно много рабов было в Хивинском ханстве, меньше всего — в Ферганской долине [6].

---

[6] «История Узбекской ССР», т. 1, кн. 2. Ташкент, 1956, стр. 16—19.

На территории Хивы, Бухары и Коканда повсеместное распространение имели ремесло и домашняя промышленность, которая была рассчитана не только на удовлетворение потребностей семьи, но и отчасти на продажу. По словам исследователя торговли России со Средней Азией, все женщины изготовляют «изделия про свой обиход и частию на продажу, из необходимости поддержать незавидное существование своих семейств»[7].

В некоторых местностях выделились такие отрасли промышленности, изделия которых изготовлялись в значительном количестве на рынок, такими, например, были металлические, гончарные и другие изделия. Особенное распространение получило производство шелковых, шерстяных и хлопчатобумажных изделий, причем отдельные местности специализировались на производстве тех или иных видов ткани: одни производили исключительно шерстяные изделия, другие — хлопчатобумажные ткани[8].

Коканд, Бухара, Ходжент были центрами хлопчатобумажной промышленности. Производство шелковых тканей сосредоточивалось в Бухаре, Маргелане, отчасти в Ходженте и других центрах. Район Ходжента славился особого качества глиной, а города Ходжент и Ура-Тюбе — выделываемой глиняной посудой, которой снабжался весь район. Некоторые из ходжентских гончарных мастеров летом уезжали в большие кишлаки и там на месте выделывали для жителей посуду[9]. Писчая бумага выделывалась в Коканде и Самарканде. В Гиссаре, Намангане, Самарканде, Ура-тюбе, Карши сосредоточивалось металлообрабатывающее производство[10]. В военное время ремесленники изготовляли оружие. В промежутке между войнами, из-за недостатка спроса на него, они переходили к производству разных металлических изделий: ножей, столярных и плотничных инструментов, удил, стремян и др.[11]

Мелкие ремесленные мастерские наряду с домашним промышленным производством были типичной формой организации промышленности. Ремесло и торговля часто соединялись в одних руках, за исключением внешней торговли, которая сосредоточивалась в руках купцов[12].

---

[7] П. Небольсин. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканом (со стороны Оренбургской линии). СПб., 1856, стр. 26.

[8] А. Д. Гребенкин. Узбеки.— «Русский Туркестан», вып. 2. М., 1872, стр. 104.

[9] «О некоторых технических производствах в Туркестанском крае».— «Русский Туркестан», вып. 2, стр. 196—197.

[10] П. П. Иванов. К истории развития горного промысла в Средней Азии. Л.— М., 1932, стр. 64—65.

[11] «О некоторых технических производствах в Туркестанском крае».— «Русский Туркестан», вып. 2, стр. 217.

[12] «История Узбекской ССР», т. 1, кн. 2, стр. 23.

Некоторые ремесла достигли большой специализации. Так, например, выделялись мастера, изготовлявшие татарские кефши (туфли), мастера, изготовлявшие кефши из русской кожи, изготовлявшие цветные кефши; кроме того, были сапожники, кожевники, шапочники, а в металлообрабатывающем производстве — ножевщики, мастера ножен, специалисты по изготовлению замков, золотых дел мастера, медники. Кроме того, были хлебопеки, свечники, токари, красильщики материй и др.[13]

Красильным делом занимались особые мастера; красильные заведения были очень распространены, они представляли собою лавки с куском ткани или мотком пряжи вместо вывески, в красильнях всегда стояли чаны с растворами красок разной степени крепости; материя красилась в присутствии заказчика и тут же мокрой ему возвращалась[14].

Разработка земных недр производилась в Средней Азии в небольших размерах и примитивными способами. Добывали железо и цветные металлы, каменную соль, селитру, нефть (ее было сравнительно много на острове Челекен). Горное дело в Средней Азии не развивалось. Необходимые металлические предметы предпочитали производить из привозного, главным образом русского металла[15].

Внутри некоторых отраслей промышленного производства существовало разделение труда. Так, например, были специалисты по размотке коконов, особые мастера для набивки красок, работники для продевания основы через ремизки, для наведения лоска на материи[16].

В писчебумажной промышленности изготовлением бумажной массы занимались одни мастера, производством листов — другие. Иногда эти два процесса были разделены и протекали в разных помещениях. Окончательная отделка бумаги (покрытие ее клеем и наведение лоска) производилась не в помещении «фабрики», а на базаре, особыми специалистами — «мураками»[17].

Некоторые предприниматели раздавали на дом хлопок для очистки, затем очищенный хлопок для выделки пряжи, полученную таким образом пряжу — для тканья. Об этом свидетельствует ряд источников[18]. Таким образом, в промышленности Средней Азии наблюдаются зачатки рассеянной мануфактуры. «Если

---

[13] П. П. Иванов. Архив хивинских ханов XIX в. Л., 1940, стр. 138—139.

[14] «О некоторых технических производствах в Туркестанском крае».— «Русский Туркестан», вып. 2. стр. 211.

[15] «История Узбекской ССР», т. 1, кн. 2, стр. 22.

[16] А. Д. Гребенкин. Таджики.— «Русский Туркестан», вып. 2, стр. 22.

[17] «О некоторых технических производствах в Туркестанском крае».— «Русский Туркестан», вып. 2, стр. 229, 231.

[18] П. И. Пашино. О фабричной и торговой деятельности в Туркестанской области.— «Известия РГО», 1867, т. III, № 4, стр. 121; П. Небольсин. Указ, соч., стр. 26.

и есть в Бухаре что-нибудь, имеющее сходство с фабриками,— писал П. Небольсин,— то это набивные заведения для отделки выбоек лучшего качества и еще раздача пряжи ткачихам, да выкроенных халатов портнихам для шитья» [19].

Среднеазиатские ремесленники были объединены в цехи, во главе которых стояли аксакалы, или калонтары, избиравшиеся на цеховых собраниях из богатых владельцев мастерских и утверждавшиеся ханами. Низший слой ремесленников составляли ученики (шагирды). Переход ученика в подмастерье (хальфа) был очень затруднен не только сложностью испытаний, но и необходимостью обязательного угощения всего цеха, для чего требовались значительные средства. Кроме того, в связи с тем, что хозяева мастерских были заинтересованы в бесплатном труде учеников, шагирды десятками лет не могли перейти в подмастерья. Переход хальфа на положение мастера (усто) был еще труднее, так как для этого требовались собственный дом и ремесленное оборудование. Поэтому нередко бывало, что подмастерье до конца жизни оставался в одном и том же положении, являясь объектом эксплуатации со стороны мастера.

Как в сельском хозяйстве, так и в ремесленной промышленности не было свободного найма рабочих. Поступая на работу, ремесленники разных специальностей, по существовавшему обычаю, получали от хозяев так называемый «бунак», т. е. определенную сумму денег в размере от 4 до 40 руб. При уходе из мастерской рабочий обязан был возвратить бунак. Обычно рабочий переходил к другому хозяину, который давал ему бунак больший, чем прежний. Так создавались кабальные отношения.

Центрами ремесла и торговли являлись, как правило, города. Но в среднеазиатских городах заметная часть территории была занята пашнями и садами. О количестве городского населения в Средней Азии точных данных нет. Источники, сообщающие эти данные, часто расходятся между собою. Одним из самых больших городов Средней Азии, особенно выросшим в XIX в., был Ташкент, в котором к моменту его присоединения к России насчитывалось до 80 тыс. жителей [20].

Выделение районов земледелия, скотоводства и отчасти ремесла приводило к образованию крупных торговых центров, как в городах, так и в селах. Такими торговыми центрами в Бухарском ханстве были Бухара, Самарканд, Катта-Курган, Карши. В городе Бухара существовали 38 караван-сараев и специальные базары: хлебные, бязевые и др. [21] Самарканд и Катта-Курган вели обширную торговлю хлебом и сырыми продуктами

---

[19] П. Небольсин. Указ. соч., стр. 26.

[20] «История Узбекской ССР», т. 1, кн. 2, стр. 21—23, 25, 26.

[21] Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 88, 92—93.

сельского хозяйства [22]. В Карши лавки, в которых продавалась шерсть, занимали 250 саженей в длину. Осенью на базаре в Карши торговали скотом. Бухара, Самарканд, Карши были центрами, где устанавливались цена товаров и курс денег [23].

В кокандских городах — Коканде, Маргелене, Намангане и Андижане — торговали хлопком, шелком и изделиями из них [24]. Ташкент был центром крупных сделок; отсюда богатые купцы посылали своих комиссионеров в разные места для закупки товаров из первых рук, для заключения подрядов на поставки товаров и других операций [25].

Наиболее важными торговыми центрами Хивинского ханства считались Новый Ургенч и Хива. В Хиве построили из кирпича в 1823 г. двухэтажный караван-сарай, в нижнем этаже которого помещались 46 лавок, а в верхнем жили купцы. К караван-сараю примыкали крытые ряды из глины [26]. В Хиве существовали специальные базары: хлопковый, хлебный, рисовый, бакалейный и др. [27]

Торговля крупных центров имела свои отличительные черты. В значительной части она представляла собой обмен продуктов земледелия на продукты скотоводства. Казахи Старшего жуза и киргизы поставляли скот на рынки Ферганской долины, казахи Среднего и Младшего жузов, туркмены и каракалпаки — на рынки Бухары и Хивы. Гораздо меньшее место в торговых оборотах занимали изделия ремесла и домашней промышленности. Другой чертой торговли крупных городов было то, что в них сосредоточивалась главным образом внешняя торговля — оптовая, которая находилась в руках крупных собственников.

Розничной торговлей занимались более мелкие купцы. Значительная часть торговцев, обладая ничтожным капиталом, вела мелочную торговлю, переезжая с базара на базар [28].

П. Небольсин писал в 1856 г.: «Собственно купечествующего класса в Бухаре нет: там все купцы, или вернее, торгаши... Есть впрочем, и капиталисты, почти исключительно занимающиеся торговыми оборотами, и главными представителями их служат так называемые бухарские министры и сановники, родственники

---

[22] «Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана», стр. 367.

[23] Н. Ханыков. Указ. соч., стр. 109, 161.

[24] «Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. Н. фон Кауфмана», стр. 368—370.

[25] П. И. Пашино. Указ. соч., стр. 134.

[26] Г. И. Данилевский. Описание Хивинского ханства.— «Записки РГО», т. V. СПб., 1851, стр. 101, 113.

[27] П. П. Иванов. Архив хивинских ханов XIX в., стр. 139—140.

[28] А. Д. Гребенкин. Таджики.— «Русский Туркестан», вып. 2, стр. 25 (текст, касающийся промышленности и торговли, в значительной части взят из нашей статьи, помещенной в издании: «История СССР (1856—1894)», ч. 2. История народов. Материалы к обсуждению, 1952, стр. 401, 403.

эмира и сам эмир», который ведет свои торговые операции с Россией через агентов. Эти агенты, по словам автора, не имеют прибыли и часто приплачивают из своего кармана, их цель не торговая прибыль, а получение места в управлении, с которого они получают доходы [29].

Однако не одни среднеазиатские вельможи занимались крупной внешней торговлей, ее вели и богатые купцы, не принадлежавшие к вельможной знати. Так, например, начальство туркестанское сделало заем в 3 тыс. руб. для необходимых казенных расходов в 1866 г. у одного из местных богачей [30].

Весной 1872 г. приказчик оренбургского купца Пулышева Колесников жаловался на монополию маклеров по закупке хлопка в Коканде. Он указывал на кокандца Мир-алим-бая, который имел исключительное право на скупку хлопка. «Небезызвестно,— писал Колесников,— что он торгует на ханские деньги, а у хана ведь денег много» [31].

По данным бывшего председателя Оренбургской пограничной комиссии Г. Ф. Генса, бухарцы, приезжавшие в Россию, большей частью были приказчиками, торговавшими по кредитам капиталистов, живших почти всегда в Бухаре. Эти приказчики, будучи обязаны доставлять своим хозяевам 30% прибыли с капитала, в остальном были свободны в ведении торговых операций. Были и приказчики — комиссионеры, которые делились с хозяевами прибылью пополам. Иногда приказчики составляли компании в 5—10 человек; беря товар в кредит, такие комиссионеры ручались друг за друга [32].

Приведенные данные показывают зависимость торговавших за границей среднеазиатских купцов, в частности торговавших в России, от крупных капиталистов, которые, если и не всегда, то часто были чиновниками эмира и ханов. Непосредственная зависимость купечества от высшей администрации ханств создавала затруднения в ведении крупной торговли. Эти затруднения в значительной мере дополнялись ханскими поборами, а нередко и конфискацией имущества лиц, которые становились известными как владельцы крупных капиталов, в пользу ханской казны [33]. Опасаясь ханского произвола, среднеазиатские купцы стремились скрыть размеры своих капиталов, искусственно сокращали торговые обороты, что не могло не отражаться отрицательно на торговле, в частности на торговле с Россией.

Весь строй социально-экономических отношений в среднеазиатских ханствах был типично феодальным. Земледелие было

---

[29] П. Небольсин. Указ. соч., стр. 4.
[30] Д. И. Романовский. Заметки по среднеазиатскому вопросу. СПб., 1868, стр. 69.
[31] ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 29, д. 60, лл. 1—2, 4.
[32] П. Небольсин. Указ. соч., стр. 5, 6.
[33] Там же, стр. 5.

основано на эксплуатации дехкан путем издольной аренды, т. е. продуктовой ренты; в скотоводческих районах преобладала отработочная рента. Промысловая деятельность населения развивалась в форме домашней промышленности и ремесла, в котором господствовала цеховая организация. Торговля была стеснена феодальными правами ханов и других сановников. Отношения труда и капитала носили кабальный характер.

В силу господства в Средней Азии феодальной экономики, рыночные связи не могли быть сильно развитыми (в частности, обращает на себя внимание тот факт, что торговля сосредоточивалась на базарах, постоянных лавок было мало). А это неизбежно накладывало свой отпечаток и на внешнюю торговлю, ведению которой в обширных размерах препятствовала ограниченная покупательная способность населения.

Кроме того, бедность населения росла из-за грабежей и произвола, типичных для деспотического режима среднеазиатских ханств. Одним из проявлений этой системы был гнет податей и порядок их сбора. Основной доход казны среднеазиатских ханов составляли налоги с земли: хараджный сбор — в Бухаре и Коканде, дахьяк или ушр — в Хиве. Хараджная подать взималась или в определенном количестве денег и зерна с участка земли или в процентном исчислении к урожаю. Дахьяк собирался в размере одной десятой с земель, орошавшихся при помощи чигирей, и в размере одной пятой — с участков, обрабатывавшихся самотечной системой поливного земледелия.

Для определения размеров налога в Бухарском ханстве производился пробный умолот. Перед жатвой сборщик податей (амлякдар) выезжал в сопровождении помощников и сельского старшины на поля и определял на глаз размер хараджа. На основании этих приблизительных данных амлякдар раскладывал хараджный сбор по селениям. До приезда амлякдара дехкане не имели права убирать хлеб, но так как амлякдары нередко опаздывали с раскладкой налога, то это наносило большой вред сбору урожая. К хараджу обычно присоединялись дополнительные сборы на содержание амлякдаров и других административных лиц, имевших отношение к сбору поземельного налога. При продаже крестьянами оставшегося хлеба возникали новые затруднения, так как местные власти строго наблюдали за соотношением базарных цен и цен на хлеб, взятый в виде налога, и если последние были уплачены по ценам ниже базарных, с населения собирался дополнительный налог. Эта система сбора поземельного налога разоряла крестьянское хозяйство.

В Хивинском ханстве с частновладельческих земель (мульков) взимали денежную подать — салгыт. Были и другие виды налогов с пахотных полей. В особенно тяжелом положении находились арендаторы вакуфных земель, которые платили салгыт в казну и дахьяк — владельцу вакуфного имения. Сады, огороды

и клеверные поля облагались особой потанапной податью, которая бралась с определенной площади земли (танапа). Особым налогом облагались также рабочий скот, мельницы, толчеи и другие хозяйственные заведения. Тяжелой натуральной повинностью было поддержание порядка в ирригационной системе. Население должно было исправлять и чистить оросительные каналы, а также содержать чиновников, надзиравших за ирригационным хозяйством. Как правило, все чиновники, собиравшие те или иные налоги, не получали жалования, а «кормились» за счет населения, что вело к большим злоупотреблениям.

Со скотоводческих хозяйств взимался зякет деньгами или натурой из расчета 1 баран или овца с 5 верблюдов, или 1 овца или коза с 40 овец. Кроме того, скотоводческое население платило еще сбор в пользу местного областного правителя (хакима, бека или других чиновников). Зякет собирался также со всякого имущества, главным образом с товаров и с купеческих капиталов, в размере одной сороковой части ценности или 2,5% с лиц магометанского исповедания, купцы же других вероисповеданий платили 5, а иногда и 10% стоимости товаров. Тяжесть уплаты зякета усугублялась тем, что он мог взиматься по нескольку раз: каждый раз при перевозе товара из одного места в другое. Помимо зякета были и другие торговые сборы, увеличивавшие цены товаров.

Таким образом, в среднеазиатских ханствах существовали внутренние торговые пошлины, типичные для феодализма. Кроме того, в Хивинском ханстве брался особый налог с богатых, называвшийся «бай-пули». Этот налог платили купцы крупных городов под видом займов хану, никогда не возвращавшихся. Суммы такого налога определялись ханом произвольно и платились городами по раскладке между купцами после получения соответствующих ханских ярлыков [34]. Все это не могло не отражаться отрицательно на состоянии хозяйства населения ханств, не могло не снижать уровня жизни населения и его покупательной способности.

Политический строй в ханствах Средней Азии отличался деспотическим режимом и крайним произволом ханов и их чиновников. Хотя на протяжении столетия, с половины XVIII до половины XIX в., здесь до некоторой степени уменьшилась феодальная раздробленность [35], все же до образования централизованного государства было еще далеко. На территории Средней Азии в середине XIX в. существовали три узбекских ханства, постоянно враждовавших друг с другом, а внутри каждого из ханств

---

[34] О налогах в среднеазиатских ханствах см. «История народов Узбекистана», т. 2. Ташкент, 1947, стр. 157—161.

[35] «История Узбекской ССР», т. 1, кн. 2, стр. 77.

шли феодальные войны. В Хивинском ханстве феодалы постоянно стремились восстановить и сохранить независимость Аральского владения. В Бухаре бекства Шахрисябз и Китаб оказывали сопротивление эмиру. Ташкент и его область были предметом длительной борьбы со стороны кокандского ханства. Между бухарским эмиром, хивинским и кокандским ханами велись постоянные междоусобные войны.

Феодальный гнет вызывал отпор со стороны народных масс, поднимавших восстания. В Хиве наиболее сильное народное движение происходило среди каракалпаков и туркмен, подчиненных хивинскому хану. В Бухаре широко известно восстание племени китай-кипчаков в местности Миankаль, находящейся в долине Зеравшана; это восстание первой половины 20-х годов XIX в. отличалось особенным упорством и длительностью.

Мы касаемся этого вопроса только для того, чтобы отметить отрицательное влияние феодальных войн и подавления народных движений на хозяйство страны. Военные действия пагубно отражались на народном хозяйстве, особенно на земледелии, которое в большей части было ирригационным. При подавлении восстаний или при ведении феодальных войн, ханы часто использовали ирригационную систему — затопляли поля, или лишали их воды, чтобы таким образом воздействовать на восставшее население. Это вело к разорению народного хозяйства и голоду населения. Иногда целые крупные районы страдали от голода из-за засухи, бывшей следствием разрушения плотин, или из-за того, что поля были залиты водой в результате намеренных действий ханских военачальников.

Помимо огромного ущерба, приносимого военными действиями, население Средней Азии страдало от произвола и деспотического режима в ханствах.

В процессе изложения материала о социально-экономическом строе в Средней Азии в середине XIX в. были отмечены положительные черты в развитии народного хозяйства: сравнительно развитая, хотя и базарная, торговля и цветущее земледелие в оазисах, которое, вопреки феодальному гнету и варварской системе управления, сохранялось на высоком уровне, благодаря трудолюбию населения и его многовековым навыкам.

Тем не менее медленное развитие производительных сил, не только сохранение, но и усиление феодальной эксплуатации в соединении с деспотическим режимом и произволом в управлении составляло угрозу для дальнейшего развития народного хозяйства и, разоряя население, снижало его покупательную способность.

В частности, тяжелый режим торговли в среднеазиатских ханствах для иностранного купечества немагометанского вероисповедания не мог не оказать отрицательного влияния на положение русской торговли в Средней Азии. Особенно

Государственная
Библиотека
СССР

неблагоприятно торговые отношения России со Средней Азией сложились в 40-х и в первой половине 50-х годов.

Ограничение деятельности русских купцов в Средней Азии системой пошлин и другими актами деспотических правителей среднеазиатских ханств было предметом настойчивых жалоб и просьб русских купцов еще в 40-х годах[36]. Наиболее ярко эти жалобы русского купечества выражал в своих прошениях, письмах и статьях ростовский купец Федор Пичугин, торговавший в Средней Азии в конце 40-х годов. Указывая на появление и распространение в Средней Азии английских изделий, высказывая опасения, как бы Англия не «упредила» Россию в занятии Бухары и Хивы, Пичугин жаловался в особенности на неравноправное положение русского купечества в Средней Азии в платеже пошлин[37].

Председатель Оренбургской пограничной комиссии В. В. Григорьев составил в 1856 г. «Краткую записку о невыгодном для России положения торговли ее с Среднею Азиею». Название записки говорит о пессимистической оценке русской торговли со Средней Азией. Григорьев отмечал невыгодность «с некоторого времени» среднеазиатской торговли, находившейся в руках среднеазиатских купцов, которым и доставались все барыши. Многие из русских торговцев, писал он, «долго и постоянно стремились к упрочению за собою и своими соотечественниками выгод от среднеазиатской торговли», но будучи вытеснены со среднеазиатских рынков местными купцами, с 1852 г. перестали ездить в Среднюю Азию и стали торговать через комиссионеров-магометан (казанских татар и казахов Зауральской орды). Причины этого Григорьев видел в том, что в ханствах Средней Азии взимались повышенные пошлины с христиан, а в Коканде через полгода бралась повторная пошлина с еще непроданных товаров; кроме того, русские торговцы не были уверены в безопасности жизни и имущества; мешали и междоусобные войны и т. п. Нанимая приказчиков-магометан, русские купцы рисковали имуществом, так как татары или казахи могли остаться на постоянное жительство в ханствах, присвоив себе капитал и товары нанимателя.

В то же время бухарским и другим среднеазиатским купцам дозволено было торговать внутри России, им обеспечивалась безопасность личности и собственности. Кроме того, бухарские купцы вывозили из России наличные деньги — звонкую монету, на которую они покупали у персидских и афганских купцов «то немногое, что пригодно им из произведений британской про-

---

[36] М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.— Л., 1949, гл. XII и XIV.

[37] Там же, стр. 314, 315.

мышленности», а это невыгодно России. По словам Григорьева, бухарские купцы взамен своих товаров покупали в России товаров на $^5/_7$ вырученных денег, а $^2/_7$ вывозили звонкой монетой. «И это русские терпят, чтобы бухарские купцы приобретали английские изделия, покупаемые почти исключительно на чистые деньги!» — восклицал он.

Изменить создавшееся положение, по мнению Григорьева, могли два возможных средства: требование уравнения прав христиан с магометанами в платеже пошлин или угроза (в случае отказа) ограничить торговлю среднеазиатских купцов меновыми дворами и городами Оренбургской и Сибирской пограничных линий [38].

Перовский, посылая записку Григорьева в Министерство иностранных дел, поддерживал его мнение. С ним были также согласны министры финансов и иностранных дел (в отношении уравнения пошлин). Министерство иностранных дел поручило хлопоты по этому вопросу Игнатьеву, отправлявшемуся в 1858 г. с миссией в Хиву и Бухару. Что же касается ограничения торговли среднеазиатских купцов пограничными линиями, то в этом вопросе министр иностранных дел высказался против, опасаясь разрыва отношений с Хивой и Бухарой. В этом с ним согласился Комитет министров [39].

К 1856 году относится и записка генерала Хрулева «О торговых и военных предприятиях в Средней Азии». Среднеазиатская торговля, по мнению Хрулева, «составляет насущную потребность мануфактурной и заводской промышленности всей империи», но торговые отношения не достигают должных размеров и поэтому «не имеют такого значения, чтоб оживить русскую промышленность». Хрулев также указывает на усиление вывоза золота из России в Азию и обращает внимание на отдаленность оренбургского пути от промышленных губерний России. По его мнению, исходной точкой азиатской торговли должна быть Астрахань; для этого нужна железная дорога из Москвы через Тулу и Саратов и связь с Петербургом [40].

П. Небольсин, автор «Очерков торговли России со странами Средней Азии», писал, что соответственно нуждам потребителей из России в Среднюю Азию вывозились в основном металлы, особенно золото, кожи, продукция русских фабрик самого низкого сорта: население Средней Азии, по словам Небольсина, бедно для хорошего ситца или тонкого сукна. Небольсин так же, как Григорьев и др., останавливал свое внимание на составе торгующих в Средней Азии. Он делил русских подданных, торговавших в ханствах, на различные категории: 1) купцов (христиан

---

[38] АВПР, Главный архив, II-3, 1856 г., д. 4. лл. 2—6 об.
[39] Там же, лл. 1, 11 об., 16—17 об., 19 об.
[40] АВПР, Главный архив, 1—9, 1856 г., д. 12, лл. 2об.—11об.

и магометан), торгующих по собственным торговым свидетельствам, 2) казахов, 3) мещан и крестьян, торгующих по доверенности купцов на собственный капитал, но по торговому свидетельству других лиц, которым они платят известный процент. Купцы первой категории, которые, по словам Небольсина, «могут быть названы оптовыми торговцами», сами редко бывают в Средней Азии, а посылают туда приказчиков (казанских татар и ростовцев), которые получают определенное жалованье (100—175, редко 200—400 руб.), но вследствие отсутствия отчетности, имеют дополнительный доход. Небольсин считал «безответственность» приказчиков серьезной, хотя не первостепенной причиной «шаткого» положения русской торговли со Средней Азией. «Гораздо более было бы успеха, если б на среднеазийском рынке явился истинный купец», под которым Небольсин подразумевал оптовых торговцев с крупным капиталом [41].

Небольсин также останавливал свое внимание на различии пошлин с купцов христианского и мусульманского вероисповедания. Отмечая, что из бухарских товаров для России важен только хлопок-сырец и что среднеазиатские хлопчатобумажные ткани, употребляемые населением Оренбургской пограничной линии, можно легко заменить русскими полотняными изделиями, Небольсин ставит вопрос о том, приведет ли временное сокращение торговли с Бухарой к ограничению сбыта там русских товаров и к широкому распространению английских изделий. Хотя Небольсин считает, что «у русского купца всюду соперники англичане», на свой вопрос он отвечает отрицательно, ссылаясь на дороговизну английских изделий, приобретать которые масса бухарского населения не имеет средств «как бы... ни были необходимы» английские товары [42].

Известный экономист Гагемейстер считал, что среднеазиатский рынок не так важен для русских фабрик, как это ему приписывают. Он думал, что торговые отношения с ханствами всегда останутся незначительными, что без покорения этих ханств нельзя изменить их «варварского» управления. Среднеазиатскую торговлю, по мнению Гагемейстера, можно предоставить самой себе, так как ее население только из России может получать европейские изделия. А русские фабрики от прекращения торговли со Средней Азией не имели бы большого убытка, так как азиаты, живущие в пределах России, одевались бы в русские, а не в бухарские ткани, как это и было прежде [43].

Сменивший Перовского оренбургский генерал-губернатор Крыжановский в своем «всеподданнейшем» донесении, датированном 22 сентября 1858 г., считал торговлю России со Средней

---

[41] П. Небольсин. Указ. соч., стр. 17—19.

[42] Там же, стр. 18, 30—34.

[43] Ю. Гагемейстер. Взгляд на промышленность и торговлю России.— «Русский вестник», т. 7, кн. I. М., 1857, стр. 41, 49—50.

Азией ничтожной до такой степени, что ее прекращение «не произвело бы чувствительного впечатления на дела нашего купечества». В донесении указывалось, что эта торговля «при всей незначительности своей ведется еще в прибавок таким образом, что все барыши ее достаются на долю не наших, а среднеазиатских торговцев, не без ущерба оттого и для русских потребителей». Расширение торговли со Средней Азией Крыжановский считал «решительно» невозможным, «пока означенные владения не будут во власти нашей или подчинены русскому влиянию до такой степени, чтобы слово наше было там приказом». В конце своего доклада Крыжановский развивал завоевательные планы в отношении Средней Азии; здесь имеется резолюция Александра II: «Я совершенно разделяю его взгляд» [44].

Составители приведенных источников указывали на причины затруднений в торговле русских купцов в Средней Азии, которые зависели от социально-экономического и политического строя ханств. Это, по их мнению, бедность населения Средней Азии, вследствие чего спрос на русские изделия на среднеазиатском рынке был ограничен, что подтверждает и источник, относящийся к более позднему времени: титулярный советник Флавицкий, предполагая в 1872 г. учредить хлопчатобумажную фабрику в Туркестане, запрашивал Кауфмана о том, может ли организуемое им товарищество рассчитывать на поставку в казну хлопчатобумажных тканей для войск и для госпиталей [45]. Запрос свидетельствует о том, что учредитель фабрики не предполагал, что даже в 70-х годах в Туркестане был достаточный спрос на русские изделия.

Другое затруднение в торговле они видели в отсутствии охраны личности и имущества купцов в ханствах Средней Азии, что было связано с деспотическим режимом, наличием произвола в управлении, распространенностью взяточничества и других злоупотреблений. Об этом говорят и более поздние источники. Военный губернатор Туркестанской области генерал Черняев писал в рапорте оренбургскому генералу-губернатору незадолго до взятия Ташкента, что для развития торговли в среднеазиатских ханствах необходимы свободный допуск русских купцов на среднеазиатские рынки и гарантия безопасности их жизни и имущества. «Все остальное, что до торговли касаться может, устроится интересами торгующих без вмешательства администрации» [46].

Позднее, в 1869 г., И. Янжул отмечал, что необходимое условие торговли — полная безопасность, а этого в Средней Азии нет,

---

[44] АВПР, Главный архив, I—9, 1852 г., д. 8, ч. I, лл. 251—253, л. 261 об. Здесь необходимо оговориться, что ранее в тексте царские пометы не так решительны, часто говорится, что надо сообразить, обдумать и т. п.

[45] ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 16, д. 624, лл. 1—10 об.

[46] АВПР, Главный архив, I—9, 1862 г., д. 15, ч. II, л. 74.

так как там господствуют деспотический режим, произвол и взяточничество [47]. И еще позднее Шавров, активный деятель «Общества для содействия русской промышленности и торговле», писал, что сбыт товаров на среднеазиатском рынке ограничивается низким уровнем материального благосостояния населения, являющимся следствием деспотизма в среднеазиатских ханствах, отсутствием безопасности и постоянными междоусобиями. Шавров считал, что эти недостатки устранятся с занятием ханств русскими войсками [48].

По мере овладения территорией Средней Азии или заключения договоров о протекторате смягчались и трудности, стоявшие на пути развития русской торговли в Средней Азии. Это относится, например, к системе взимания пошлин в ханствах, где купцы-мусульмане платили 2,5% пошлины с цены товара, а купцы других вероисповеданий — 5 и даже 10%. Как указывалось выше, наряду с другими причинами, эта система пошлин заставила русское купечество прекратить торговые поездки в Среднюю Азию и поручать свои торговые операции приказчикам мусульманского вероисповедания, преимущественно татарам, главным образом казанским, и казахам. Приказчики, как уже отмечалось, могли злоупотреблять своим положением и, оставаясь в ханствах, присваивать себе имущество своих доверителей. И такие случаи действительно бывали. Например, приказчик оренбургских купцов Деевых в 1860 г. захватил капитал своих хозяев, принял ислам и остался в Бухаре. Или среднеазиатский купец Мираджан, по прозвищу Московский, взял в Москве в кредит товаров на 100 тыс. руб. и, возвратясь в Бухару, купил имение, отказавшись уплатить долг [49].

Понятно, что на территории, занятой царскими войсками, такой системы пошлин не могло существовать, но в отношении ханств, находившихся под царским протекторатом, были приняты соответствующие меры, а именно: в договорах, заключенных с бухарским эмиром и хивинским ханом, существовал специальный параграф, которым устанавливалась единообразная пошлина (2,5%) для купцов всех вероисповеданий. Правда, условия этого параграфа выполнялись не сразу и не в полной мере, но постепенно они все более и более укреплялись.

Большим злом для развития русской торговли в Средней Азии многими считался вывоз в ханства звонкой монеты, кото-

---

[47] И. Янжул. Исторический очерк торговли с Средней Азией.— «Московские университетские известия», 1869, № 5, стр. 343.

[48] Н. Шавров. О путях для торговли России с Азией. Доклад, представленный в «Общество для содействия русской промышленности и торговле». СПб., 1873, стр. 27—28.

[49] АВПР, Главный архив, II-3, 1860 г., д. 7, л. 7; 1862 г., д. 5, лл. 24—25. Шипов — составитель купеческой записки 1862 г.— считал такие случаи распространенными.

рый связывался с опасностью английского соперничества. Запрещение вывоза звонкой монеты составляло «предмет общего желания всего купечества, съезжающегося на Нижегородскую ярмарку». По свидетельству корреспондента «Северной почты», в 1863 г. «об этом были сильные толки во время всей ярмарки и 27 августа в собрании купечества, на котором было более ста человек главнейших торговцев Российской империи по всем отраслям торговли и из разных городов». По мнению купцов, вывоз монеты вместе с ввозом кантонского чая «нанесет едва ли поправимый удар нашей мануфактурной деятельности» [50].

Рост вывоза звонкой монеты, который можно проследить в 30-х и 40-х годах [51], еще и в 1863 г. достигал почти 4 млн. руб. по пограничным таможням от Астрахани до Семипалатинска. Но в последующие годы, очевидно в связи с занятием части среднеазиатской территории, вывоз звонкой монеты стал заметно уменьшаться: в 1864 г. он равнялся 1757 тыс. руб., в 1865 г.—610 тыс., в 1866 г.— 138 тыс., в 1867 г.— 219 тыс. руб. [52] Это уменьшение вывоза звонкой монеты отмечено и для начала 70-х годов. Корреспондент «Туркестанских ведомостей» сообщал, что вывоз из России звонкой монеты «в последнее время» стал уменьшаться, и наоборот — среднеазиатская звонкая монета «переходит в наши руки, заменяясь нашими кредитными-рублями» [53].

Из изложенного видно, что внутренний строй среднеазиатских ханств служил серьезным препятствием в развитии русской торговли в Средней Азии, так как он, с одной стороны, приводил к низкой покупательной способности населения, с другой стороны, ставил препятствия на пути торговли русских купцов отсутствием безопасности личности и имущества.

При таких условиях русская буржуазия, не обладавшая энергией и предприимчивостью, не была в силах самостоятельно преодолевать существовавшие на ее пути препятствия и поэтому видела выход для себя в завоевании среднеазиатских ханств.

---

[50] «Северная почта», 1863, № 194.

[51] М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке, стр. 319.

[52] «Виды государственной внешней торговли» за 1863—1866 гг., ч. II, ведомость 13; «Виды внешней торговли России» за 1867 г., ч. II, ведомость 13

[53] Л. Костенко. Среднеазиатская торговля.— «Туркестанские ведомости», 1871, № 5.

Глава III

ОБЩИЙ ОБЗОР ТОРГОВЛИ РОССИИ СО СРЕДНЕЙ АЗИЕЙ В 40—60-х ГОДАХ XIX в.

1. ТОРГОВЛЯ РОССИИ СО СРЕДНЕЙ АЗИЕЙ В 40-х — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 50-х ГОДОВ

Торговля России с ханствами Средней Азии имеет очень большую давность. Но естественно, процесс этой торговли со временем изменялся не только количественно, но и качественно. Эти перемены в характере торговли в первую очередь зависели от развития русской промышленности, для изделий которой внутренний рынок становился тесным.

Если в течение XVIII в. для русской промышленности важное значение имел сбыт изделий полотняной промышленности и железа в западноевропейские страны, то уже к концу века, в связи с ростом английской металлургии и заменой парусного флота паровым, сбыт этих товаров в Европе стал быстро уменьшаться. В силу этого для русского купечества актуальное значение приобретали вопросы сбыта русских изделий по азиатской границе и снабжения русских фабрик среднеазиатским сырьем.

Остановимся кратко на десятилетиях, непосредственно предшествующих изучаемому периоду. Во второй половине 20-х годов XIX в. наблюдался быстрый рост русского вывоза по азиатской границе в целом. Еще быстрее рос вывоз изделий, особенно хлопчатобумажных и вообще текстильных, производство которых наиболее успешно развивалось в России с конца XVIII в.

Большое значение в росте русской торговли по азиатской границе имели войны с Турцией и Ираном в 20-х годах, открывшие путь русским товарам на этом участке азиатской границы. Поэтому конец 20-х годов характеризуется расцветом русской торговли с Ираном. В Персию и Азиатскую Турцию сбывалось до 40% всех товаров, до 50% промышленных изделий и до 60% хлопчатобумажных тканей, вывозившихся в Азию [1].

Проникновение английских изделий в Северную Персию нанесло серьезный удар русской торговле в Азии, ис-

[1] Более подробно об этом см. в кн.: М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.— Л., 1949, стр. 68, 69, 71.

пытывавшей на протяжении 30-х годов застой, но это застойное состояние зависело исключительно от катастрофического падения русского вывоза в Персию. Что касается торговли с Китаем через Кяхту, то в 30-х годах она заметно росла. В 1829 г. она составляла около 29% всего русского вывоза в Азию, а в 1840 г.— около 39% [2]. Это касается и торговли со Средней Азией, которая, несмотря на некоторые колебания, также росла. Однако больше половины товаров, направлявшихся в Среднюю Азию, оседало в Казахстане, где в отдельные периоды 30-х годов сбывалось от 41 до 64% всех металлических изделий, от 44 до 66% сукна, от 55 до 71% хлопчатобумажных изделий[3]. За период с 40-х и до середины 50-х годов (к моменту окончания Восточной войны) картина русского вывоза по азиатской границе представлена в табл. 5.

Таблица 5

Вывоз из России в Азию * (в тыс. руб.)

Годы	Всего вывезено в Азию	В том числе					
		в Китай	%	по среднеазиатской границе	%	в Персию и Азиатскую Турцию	%
1840	5 902	2 481	42,0	2 171	36,8	1 250	21,2
1841	11 064	7 172	64,8	2 685	24,3	1 207	10,9
1842	9 963	6 501	65,3	2 223	22,3	1 239	12,4
1843	7 897	4 857	61,5	1 940	24,6	1 100	13,9
1844	9 413	5 753	61,1	2 381	25,3	1 279	13,6
1845	9 761	6 663	68,3	2 045	20,9	1 053	10,8
1846	10 488	7 222	68,9	2 216	21,1	1 050	10,0
1847	10 538	6 975	66,2	2 348	22,3	1 215	11,5
1848	8 644	5 469	63,3	2 039	23,6	1 136	13,1
1849	9 020	5 370	59,5	2 508	27,8	1 142	12,7
1850	11 222	7 127	63,5	2 583	23,0	1 512	13,5
1851	11 140	7 055	63,3	2 543	22,8	1 542	13,9
1852	12 424	8 121	65,4	2 324	18,7	1 979	15,9
1853	7 969	3 580	44,9	2 717	34,1	1 672	21,0
1854	9 908	6 492	65,5	2 604	26,3	812	8,2
1855	10 348	6 771	65,4	2 583	24,9	994	9,7
1856	10 594	6 157	58,1	2 876	27,1	1 561	14,8
1857	11 946	6 109	51,1	3 731	31,3	2 106	17,6

* Цифровые данные этой и всех последующих таблиц, включая 1867 год, основаны на официальных изданиях Министерства финансов, выходивших ежегодно под названиями: «Государственная внешняя торговля в разных ее видах» (до 1862 г.); «Виды государственной внешней торговли» (за 1863—1864 гг.); «Виды российской внешней торговли» (за 1865—1866 гг.) и «Виды внешней торговли России» (за 1867 г.). Данные взяты из ведомостей, публиковавшихся под названием «Обозрение главнейших российских товаров с показанием, в какие места оные вывезены были по азиатской торговле».

[2] Там же, стр. 180—189.

[3] Там же, стр. 192, 195.

Анализируя приведенные данные, можно сказать, что русский вывоз по азиатской границе в 40-х годах сохранялся на более высоком уровне, чем в 30-х годах. Это относится прежде всего к торговле с Китаем, которая производилась главным образом через Кяхту. Торговля с Китаем, составлявшая в 30-х годах от 29 до 39% вывоза по азиатской границе, на протяжении 40-х и первой половины 50-х годов (за исключением отдельных лет) достигла в среднем более 60%. При этом следует отметить, что Китай, бывший раньше в основном потребителем мехов и сукна, становится теперь потребителем и русских хлопчатобумажных изделий, которых в конце 20-х годов сбывалось всего 2% от вывозившихся по азиатской границе, в конце 30-х годов —18—22%, в 40-х годах и до половины 50-х годов — свыше 50% [4].

На протяжении 40-х — первой половины 50-х годов в вывозе по среднеазиатской границе не наблюдается особых перемен: как

Таблица 6

Вывоз в Казахстан и в ханства Средней Азии (тыс. руб.)

Годы	Всего вывезено	В том числе			
		в ханства	%	в Казахстан	%
1840	2171	1 164	53,6	1007	46,4
1841	2685	1 418	52,8	1267	47,2
1842	2223	942	42,4	1281	57,6
1843	1940	748	38,6	1192	61,4
1844	2381	1 154	48,5	1227	51,5
1845	2045	873	42,7	1172	57,3
1846	2216	963	43,5	1253	56,5
1847	2348	870	37,1	1478	62,9
1848	2039	536	26,3	1503	73,7
1849	2508	951	37,9	1557	62,1
1850	2583	812	31,4	1771	68,6
1851	2543	839	33,0	1704	67,0
1852	2324	710	30,6	1614	69,4
1853	2717	774	28,5	1943	71,5
1854	2604	936	35,9	1668	64,1
1855	2583	757	29,3	2826	70,7
1856	2876	757	26,3	2119	73,7
1857	3731	1 164	31,2	2567	68,8

[4] М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке, стр. 180, 185, 303, а также «Государственная внешняя торговля в разных ее видах» за 1851 г., табл. XVII; за 1852—1855 г.— табл. XVIII.

в абсолютном выражении, так и в процентном отношении русский вывоз остается приблизительно на одном уровне. Такое состояние торговли можно характеризовать как застойное.

Если же разделить вывоз по среднеазиатской границе на вывоз в Казахстан и в ханства Средней Азии, то получится соотношение, соответствующее данным, табл. 6.

Из приведенной таблицы видно, что в 40-х и в первой половине 50-х годов вывоз в Казахстан занимал все бóльшую и бóльшую долю в вывозе по среднеазиатской границе, а вывоз в ханства Средней Азии, как в процентном отношении, так и в абсолютных данных, уменьшался. После окончания Восточной войны вывоз в ханства Средней Азии не достигал 800 тыс. руб., в то время как в начале 40-х годов он превышал 1 млн. руб., в процентном же отношении он был меньше трети всего вывоза по среднеазиатской границе; подавляющая часть товаров сбывалась в казахских степях.

Главными предметами вывоза по среднеазиатской границе России были: хлеб (шедший в казахские степи), кожи, металлы, меха (направлявшиеся в основном в Китай) и товары промышленного производства — металлические изделия, различная посуда, сундуки, текстиль (сукно, хлопчатобумажные и шелковые ткани), причем из товаров промышленного производства металлические изделия, сукно и хлопчатобумажные ткани составляли основные статьи экспорта и превышали половину всего вывоза. Это хорошо видно из данных, приведенных в табл. 7.

Таблица 7

Вывоз по среднеазиатской границе (в тыс. руб.)

Годы	Всего вывезено	В том числе			Годы	Всего вывезено	В том числе		
		металлических изделий	сукна	хлопчатобумажных изделий			металлических изделий	сукна	хлопчатобумажных изделий
1840	2171	102	158	950	1849	2508	93	171	1136
1841	2688	117	208	1 019	1850	2583	98	127	1243
1842	2223	81	161	892	1851	2543	110	111	1217
1843	1940	87	151	853	1852	2324	80	97	1080
1844	2381	111	210	1 016	1853	2717	92	98	1307
1845	2045	102	107	784	1854	2604	82	112	1226
1846	2216	108	109	882	1855	2583	90	110	1156
1847	2348	87	165	918	1856	2876	148	81	1295
1848	2039	84	125	892	1857	3731	176	127	1901

Таким образом, экспорт хлопчатобумажных изделий в огромной степени преобладал над экспортом других видов промыш-

ленной продукции, поэтому не будет ошибкой, если основное внимание мы обратим именно на хлопчатобумажные ткани (см. табл. 8).

Таблица 8

Вывоз хлопчатобумажных тканей в Казахстан и ханства Средней Азии
(в тыс. руб.)

Годы	Всего вывезено в Казахстан и ханства	В том числе		Годы	Всего вывезено в Казахстан и ханства	В том числе	
		в ханства	%			в ханства	%
1840	950	519	54,6	1849	1136	408	35,9
1841	1019	544	53,4	1850	1243	423	34,0
1842	892	338	37,9	1851	1217	440	37,6
1843	853	331	38,8	1852	1080	316	29,3
1844	1016	470	46,3	1853	1307	358	27,4
1845	784	314	40,1	1854	1226	482	39,3
1846	882	359	40,7	1855	1156	351	30,4
1847	918	301	32,8	1856	1295	320	24,7
1848	892	200	22,4	1857	1901	527	27,7

Вывоз хлопчатобумажных тканей в Казахстан явно преобладал и до середины 50-х годов; это преобладание, хотя и с некоторыми колебаниями по отдельным годам, росло: в начале 40-х годов вывоз хлопчатобумажных изделий в ханства Средней Азии превышал полмиллиона рублей и составлял больше половины всего вывоза по среднеазиатской границе, но к середине 50-х годов экспорт хлопчатобумажных тканей в ханства Средней Азии снизился до 350 тыс. руб. и составлял немногим более 30%, а за некоторые годы — еще меньше. Только к 1857 г. вывоз хлопчатобумажных тканей в ханства Средней Азии в абсолютных цифрах достиг уровня начала 40-х годов, но в процентном отношении он снизился приблизительно вдвое. Таким образом, рост экспорта хлопчатобумажных изделий шел за счет Казахстана.

Одновременно до середины 50-х годов росла доля вывоза русских хлопчатобумажных тканей в Китай. По отношению ко всей азиатской торговле она составляла:

Годы	Сумма в тыс. руб.	%	Годы	Сумма в тыс. руб.	%
1850	1581	55,7	1854	1768	58,9
1851	1313	51,7	1855	1362	53,8
1852	1798	62,1	1856	862	39,6
1853	1095	45,4	1857	1394	42,1

Отсюда видно, что до середины 50-х годов вывоз хлопчатобумажных изделий в Китай продолжал оставаться примерно на том же высоком уровне.

Подведем итоги обзора экспорта России по азиатской границе. Для второй половины 20-х годов XIX в. характерен рост экспорта в Азию за счет расцвета торговли с Персией; упадок вывоза в Персию в 30-х годах компенсировался ростом торговли с Китаем. В 40-х и в первой половине 50-х годов главное место в русской торговле с Азией занимал вывоз в Китай. Что касается Средней Азии, то для 40-х годов в целом характерен застой в экспорте русских товаров. Если же отделить вывоз в Казахстан от вывоза в ханства Средней Азии, то станет видно, что русский вывоз в ханства Средней Азии падал, а в Казахстан увеличивался. Это объясняется тем, что в изучаемые десятилетия все бóльшая часть Казахстана включалась в пределы Российской империи, что облегчало торговлю между Казахстаном и Россией.

Что касается среднеазиатских ханств, отделенных от России трудными и опасными путями сообщения, то господствовавший в них режим произвола и насилий ставил серьезные препятствия на пути развития экономических связей с Россией. Упадку русского вывоза в среднеазиатские ханства способствовала и угроза английской конкуренции. Поэтому русская буржуазия, главным образом купцы и фабриканты Центрального промышленного района, заинтересованная в сбыте изделий своих фабрик и в образовании на территории Средней Азии сырьевой базы, считала выгодным и удобным для себя завоевание среднеазиатских ханств.

К этим вопросам мы вернемся ниже, а пока остановим внимание на другой стороне русской торговли со Средней Азией — на привозной торговле из ханств в Россию.

Что касается импорта из Средней Азии в Россию, то он в 40-х годах преобладал над экспортом. То же продолжалось и в первой половине 50-х годов:

Годы	Вывоз из России в Бухару, Ташкент, Коканд и Хиву, в тыс. руб.	Ввоз в Россию из Бухары, Ташкента, Коканда и Хивы, в тыс. руб.	Годы	Вывоз из России в Бухару, Ташкент, Коканд и Хиву, в тыс. руб.	Ввоз в Россию из Бухары, Ташкента, Коканда и Хивы, в тыс. руб.
1851	839	1238	1855	757	1885
1852	710	1400	1856	757	2072
1853	774	1851	1857	1164	2408
1854	936	2061			

Импорт, как видно, в 50-х годах превышал экспорт. При этом, если экспорт на протяжении первой половины 50-х годов иногда падал, то импорт почти непрерывно рос.

Важным вопросом, естественно, является вопрос о составе среднеазиатского импорта. Об этом дает представление табл. 9.

Таблица показывает, что хлопчатобумажные ткани, за редким исключением, а не хлопок в сыром виде составляли наиболее важную статью импорта из среднеазиатских ханств в Россию.

Таблица 9

Вывоз из ханств Средней Азии в Россию (в тыс. руб.)*

Годы	Всего ввезеноы	В том числе					
		хлопка-сырца	%	хлопчато-бумажной пряжи	%	хлопчато-бумажных изделий	%
1840	1655	217	13,1	447	27,0	638	39,0
1841	2296	159	6,9	398	17,3	1161	50,6
1842	1582	193	12,2	218	13,8	836	52,8
1843	1094	120	11,0	79	7,2	584	53,4
1844	989	30	3,0	84	8,5	618	62,5
1845	1304	62	4,7	230	17,5	634	48,6
1846	1460	99	6,8	218	14,9	754	51,6
1847	1205	171	14,2	171	14,2	469	38,9
1848	1289	83	6,4	174	13,5	639	49,6
1849	1316	14	1,1	109	8,3	722	54,7
1850	1263	26	2,1	29	2,3	570	45,1
1851	1238	124	10,0	72	5,8	534	43,1
1852	1400	263	18,8	150	10,7	551	39,4
1853	1851	353	19,1	143	7,7	629	33,1
1854	2061	603	29,2	260	12,6	554	26,9
1855	1885	730	38,7	55	2,9	399	21,2
1956	2072	556	26,8	47	2,3	815	40,0
1857	2408	640	26,6	122	5,1	706	29,3

* «Государственная внешняя торговля в разных ее видах», ведомости «Обозрение главнейших иностранных товаров с показанием, из каких мест оные привезены по азиатской торговле».

Второстепенное значение хлопка как предмета вывоза из Средней Азии в Россию особенно ясно видно при сравнении ввоза хлопка-сырца по европейской и азиатской границам (см. табл. 10).

Привоз хлопка-сырца по азиатской границе, в частности из Средней Азии, составлял меньше 10% всего ввоза. Исключение составляют только годы Восточной войны, когда ввоз хлопка сравнительно вырос, что объясняется трудностью доставки его по европейской границе в военное время.

Любопытную картину дает сравнение экспорта и импорта хлопчатобумажных изделий по границам среднеазиатских ханств (см. табл. 11).

Данные таблицы показывают, что в 40-е и в первую половину 50-х годов среднеазиатские ханства не только не представляли собой развивавшегося рынка для сбыта изделий русской промышленности, но сами поставляли эти изделия в Россию, не обеспечивая в то же время потребностей русской промышленности

Таблица 10

Ввоз в Россию хлопка-сырца (в пудах)

Годы	Всего ввезено	По европейской границе*	%	По азиатской границе*	%	В том числе из Средней Азии**	%
1840	398 189	359 727	90,3	38 462	9,7	35 024	8,8
1841	314 301	281 466	89,6	32 835	10,4	28 928	9,2
1842	513 254	463 143	90,2	50 111	9,8	47 029	9,2
1843	472 319	435 834	92,3	36 485	7,7	30 632	6,5
1844	587 961	575 650	97,9	12 311	2,1	6 340	1,1
1845	749 985	730 493	97,4	19 492	2,6	13 205	1,7
1846	728 495	701 625	96,3	26 870	3,7	22 421	3,1
1847	861 968	812 373	94,2	49 595	5,8	35 994	4,2
1848	1 231 435	1 189 997	96,6	41 438	3,4	15 558	1,3
1849	1 554 919	1 524 898	98,1	30 021	1,9	3 367	0,2
1850	1 200 738	1 148 721	95,7	52 017	4,3	4 970	0,5
1851	1 390 712	1 320 043	94,9	70 669	5,1	28 724	2,1
1852	1 834 961	1 751 780	95,6	83 181	4,5	63 576	3,4
1853	1 934 418	1 814 282	93,8	120 136	6,2	82 480	4,3
1854	1 635 554	1 453 976	88,9	181 578	11,1	133 408	8,2
1855	1 547 656	1 322 645	85,5	224 011	14,5	167 784	10,8
1856	2 220 622	2 024 646	91,1	195 976	8,8	138 190	6,2
1857	2 438 573	2 219 859	91,0	218 714	9,0	159 593	6,5

* «Государственная внешняя торговля в разных ее видах», ведомости «Общий вид привозной торговли».

** «Государственная внешняя торговля в разных ее видах», ведомости «Обозрение главнейших иностранных товаров с показанием, из каких мест оные привезены по азиатской торговле».

в сырье, которое в основном привозилось по западноевропейской границе. Последнее обстоятельство отчасти зависело от того, что качество среднеазиатского хлопка было неудовлетворительно: волокно были грубым, коротким и плохо очищенным. Поэтому русские фабриканты предпочитали американский, египетский и отчасти индийский хлопок, который привозился в Россию не через Среднюю Азию, а по западноевропейской границе.

Что же касается среднеазиатских тканей, привоз которых в Россию превышал вывоз в ханства такого же рода русских изделий, то они покупались пограничным населением России.

Сравнительно небольшое значение, которое имела торговля с Азией, и в частности со Средней Азией, до середины 50-х годов, показывает сравнение ее с внешней торговлей России в целом (см. табл. 12).

Таблица 11

Торговля хлопчатобумажными изделиями с ханствами Средней Азии (в тыс. руб.)

Годы	Вывоз из России*	%	Ввоз в Россию *	%	Общий оборот торговли хлопчатобумажными изделиями	Годы	Вывоз из России*	%	Ввоз в Россию**	%	Общий оборот торговли хлопчатобумажными изделиями
1840	519	44,9	638	55,1	1 157	1849	408	36,1	722	63,9	1 130
1841	544	31,9	1 161	68,1	1 705	1850	423	42,6	570	57,4	993
1842	338	28,9	836	71,2	1 174	1851	440	45,2	534	54,8	974
1843	331	36,2	584	63,8	915	1852	316	36,4	551	63,6	867
1844	470	43,2	618	56,8	1 088	1853	358	36,3	629	63,7	987
1845	314	33,1	634	66,9	948	1854	482	46,5	554	53,5	1 036
1846	359	32,3	754	67,7	1 113	1855	351	46,8	399	53,2	750
1847	301	39,1	469	60,9	770	1856	320	28,2	815	71,8	1 135
1848	200	23,8	639	76,2	839	1857	527	42,7	706	57,3	1 233

* «Государственная внешняя торговля в разных ее видах», ведомости «Обозрение главнейших иностранных товаров с показанием, в какие места оные вывезены были по азиатской торговле».

** «Государственная внешняя торговля в разных ее видах», ведомости «Обозрение главнейших иностранных товаров с показанием, из каких мест оные привезены были по азиатской торговле».

Таблица 12

Вывозная торговля России (в тыс. руб.)

Годы	Всего вывезено	Из них в Азию	%
1840	82 525	5902	7,1
1845	88 563	9761	11,0
1850	94 357	11 222	11,9
1851	95 214	11 140	11,7
1852	112 475	12 424	11,0
1853	145 376	7 969	5,5
1854	63 430	9 908	15,6
1855	37 873	10 348	27,3
1856	157 366	10 594	6,7
1857	165 366	11 946	7,2

* «Государственная внешняя торговля в разных ее видах», ведомости «Общий вид отвозной торговли».

Как видно, удельный вес вывоза по азиатской границе был невысоким. Он не поднимался выше 11,9%, а в отдельные годы был еще ниже. Исключение составляют 1854 и 1855 гг., когда в результате Крымской войны резко сократился общий вывоз, в связи с чем временно повысился удельный вес вывоза по азиатской границе.

Интересные выводы дает сравнение цифровых данных общего русского экспорта и великобританского экспорта в Индию (см. табл. 13).

Таблица 13

Сравнение общего русского вывоза с вывозом в Индию из Соединенного королевства Великобритании

Годы	Вывоз из Великобритании в Индию, в тыс. фунтов стерлингов*	Вывоз из Великобритании в Индию, в тыс. руб. (по курсу русского рубля)**	Общий русский вывоз, в тыс. руб.	Русский вывоз по азиатской границе, в тыс. руб.	Русский вывоз в среднеазиатские ханства, тыс. руб
1852	10 268	64 688	112 475	12 424	710
1853	9 476	60 328	145 376	7 969	774
1854	10 057	63 359	63 430	9 908	936
1855	9 854	62 080	37 873	10 348	757
1856	14 668	92 408	157 366	10 594	757
1857	16 740	105 462	165 366	11 946	1 164

* Данные об английском вывозе в Индию взяты из издания: «Statistical Abstract for the several colonial and other Possessions of the United Kingdom in each year from 1852 to 1866 (As far as the Particulars can be stated)». Fourth Number. London, 1868, p. 24 (далее — «Statistical Abstract...).

** Курс фунта стерлингов принят за 6 р. 30 к. на основании данных «Государственной внешней торговли в разных ее видах».

Английский вывоз только в Индию составил за указанный период значительно больше половины всего русского экспорта и намного превышал русский вывоз по азиатской границе. А русский вывоз в ханства Средней Азии был ничтожно мал в сравнении с английским вывозом в Индию.

Теперь посмотрим, как складывались торговые отношения России со Средней Азией в последующее время.

2. РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В КОНЦЕ 50-х — в 60-х ГОДАХ XIX в.

В период 50—60-х годов действовали три фактора, оказывавшие влияние на торговые отношения России со Средней Азией. Одним из этих факторов были перемены, происшедшие в торговле с Китаем, другим — гражданская война в Соединенных Штатах Северной Америки, вызвавшая мировой хлопковый кризис,

третьим — завоевательные действия царских войск на территории среднеазиатских ханств.

Влияние этих трех факторов на общий ход среднеазиатской торговли России отчетливо показывает табл. 14. Конечной датой в таблице взят 1867 г. Эта дата определяется состоянием источников. Основанием для составления таблиц для 40—60-х годов

Таблица 14

Вывоз из России (в тыс. руб.)

Годы	Всего вывезено	В том числе по азиатской границе	%	% к 1855 г.	Годы	Всего вывезено	В том числе по азиатской границе	%	% к 1855 г.
1855	37 873	10 348	27,3	100	1862	173 279	13 309	7,7	129
1856	157 366	10 594	6,7	102	1863	148 425	13 701	9,2	132
1857	165 366	11 946	7,2	115	1864	180 441	15 538	8,6	150
1858	148 397	11 910	8,0	115	1865	202 352	17 924	8,9	179
1859	162 391	12 995	8,0	126	1866	216 697	21 859	10,1	211
1860	178 536	13 352	7,5	129	1867	232 247	24 640	10,6	238
1861	173 318	13 458	7,8	130					

были данные официального издания Департамента внешней торговли. Среди ведомостей, составляющих это издание, имеются ведомости, специально посвященные торговле с государствами Азии, в том числе с Хивой, Бухарой, Ташкентом и Кокандом. Но 22 апреля 1868 г. «высочайше утвержденным» мнением Государственного совета[5] были упразднены Западносибирская и Оренбургская таможенные линии; в то же время был запрещен привоз западноевропейских товаров из среднеазиатских ханств в земли, занятые русскими войсками. В связи с этим законом торговля со Средней Азией стала рассматриваться как внутренняя торговля России и в издание Департамента внешней торговли данные о торговле с Казахстаном и Средней Азией с 1868 г. больше не включались. Это обстоятельство заставляет нас пока остановиться на 1867 г.

За исключением 1855 г., когда под влиянием Восточной войны сильно понизился вывоз из России по европейской границе и в связи с этим относительно повысилось значение вывоза в Азию, в остальные годы процент азиатского вывоза был невысоким, постепенно поднимаясь с начала 60-х годов и в особенности за последние два года исследуемого отрезка времени. Если же обратиться к абсолютным цифрам экспорта по азиатской границе, то здесь при постепенном повышении количества вывозных товаров

[5] ПСЗ 2-е, т. XLIII, № 45751.

резкое увеличение относится к 1864 г., в котором, напоминаем, началось наступление на Среднюю Азию со стороны обеих пограничных линий: Сибирской и Оренбургской.

Если обратиться к импортной торговле России, то получим следующие данные:

Таблица 15

Ввоз в Россию (в тыс. руб.)

Годы	Всего ввезено	В том числе по азиатской границе	%	% к 1855 г.
1855	72 428	16 255	22,4	100
1856	121 997	17 002	13,9	105
1857	151 122	19 347	12,8	119
1858	148 801	20 625	13,9	127
1859	157 591	21 404	13,6	132
1860	157 015	21 122	13,5	130
1861	164 889	22 139	13,4	136
1862	150 108	24 875	16,6	153
1863	151 691	23 994	15,8	148
1864	171 794	27 619	16,1	170
1865	161 969	23 329	14,4	144
1866	214 053	24 715	11,5	150
1867	272 142	28 435	10,6	175

Ввоз в Россию по азиатской границе, как видно из таблицы, так же как и вывоз, рос во второй половине 50-х и в 60-х годах, но он увеличился меньше, чем вывоз. Таким образом, баланс торговли по азиатской границе улучшился в пользу России.

Русские товары, как и прежде, вывозились в следующие области Азии: в Казахстан, в ханства Средней Азии, в Китай, в Персию и в Азиатскую Турцию. Соотношение этих рынков показывает табл. 16.

Из таблицы видно, что по сравнению с предыдущим периодом картина азиатской торговли России сильно изменилась. Если в 40-х и в первой половине 50-х годов первое место занимала торговля с Китаем, то в последующее время эта торговля уменьшалась в абсолютных цифрах, составляя в 1867 г. величину в полтора раза меньшую, чем в 1855 г. Удельный вес Китая в азиатской торговле России становился все менее и менее заметным и постепенно снизился с 65% русского экспорта по азиатской границе в 1855 г. до 16,6% в 1867 г. Упадок торговли с Китаем объяснялся в основном тремя причинами.

Таблица 16

Вывоз из России по азиатской границе (в тыс. руб.)

Годы	Всего вывезено	В том числе							
		в Казахстан	%	в ханства Средней Азии	%	в Китай	%	в Персию и Азиатскую Турцию	%
1855	10 348	1826	17,6	757	7,3	6771	65,4	994	9,7
1856	10 594	2119	20,0	757	7,1	6157	58,1	1561	14,8
1857	11 946	2567	21,5	1 164	9,8	6109	51,1	2106	17,6
1858	11 910	2825	23,7	1 312	11,0	5768	48,4	2005	16,9
1859	12 995	2926	22,5	1 803	13,9	5940	45,7	2326	17,9
1860	13 352	2888	21,6	1 920	14,4	5857	43,9	2687	20,1
1861	13 458	2646	19,7	3 066	22,8	4970	36,9	2767	20,6
1862	13 309	2202	16,5	3 275	24,6	4507	33,9	3266	24,5
1863	13 701	1774	12,9	3 049	22,3	3416	24,9	4580	33,4
1864	15 538	1738	11,5	4 740	30,5	3704	23,8	4366	28,1
1865	17 924	2483	13,9	3 775	21,1	5058	28,2	5822	32,5
1866	21 859	5252	24,0	5 629	25,8	5146	23,5	5285	24,2
1867	24 640	6359	25,8	10 275	41,7	4094	16,6	3907	15,9

Во-первых, порядок торговли в Кяхте, через которую велась в основном торговля с Китаем, становился помехой на пути развития этой торговли. В Кяхте была установлена меновая торговля и монополия кяхтинского купечества. По мере развития в России капитализма эти устаревшие правила торговли становились тормозом в ее развитии.

Во-вторых, дунганское восстание и связанные с ним волнения в западных провинциях Китая, приведшие к временному отторжению этих провинций от Китайской империи, нарушили развивавшиеся в 40-х годах торговые связи России с Западным Китаем.

Наконец, рост морской торговли западноевропейских держав с Китаем и разрешение в 1861 г. царским правительством привоза в Россию морским путем главного предмета китайской торговли — чая (что до этого времени было запрещено) подорвали сухопутную торговлю чаем через Кяхту, так как чай из Кантона стал в большом количестве доставляться в русские порты Черного и Балтийского морей. На связь упадка кяхтинской торговли и привоза в Россию кантонского чая указывает тот факт, что как раз в 1861 г., когда был разрешен привоз кантонского чая, наблюдается наиболее резкое снижение суммы вывоза в Кяхту в сравнении с 1860 г. Разница русского вывоза в Китай по сухопутной границе через Кяхту между 1860 и 1861 гг. почти достигает 900 тыс. руб. Здесь интересно заметить, что 1861 год, быв-

ший годом резкого падения вывоза в Китай, был в то же время переломным годом в росте вывоза в ханства Средней Азии. Это отчасти можно объяснить тем, что Петропавловск являлся тем отправным пунктом, откуда, с одной стороны, шли товары в Кяхту, а с другой — в Коканд и Ташкент. Поэтому при известии об ожидавшейся неблагоприятной конъюнктуре кяхтинской торговли петропавловские купцы могли переключать торг на Среднюю Азию.

При упадке торговли с Китаем общий рост вывоза по азиатской границе шел за счет роста торговли с Персией и с Азиатской Турцией, но главным образом за счет роста торговли со Средней Азией, в первую очередь с ханствами. Рост торговли с ханствами намечается с 1857 г. С этого времени торговля со Средней Азией постепенно, но неуклонно шла в гору, усиливая экономические связи, которые в свою очередь облегчали царизму военное продвижение в глубь среднеазиатской территории. Начало 60-х годов — новый этап в торговле России со Средней Азией, в это время происходит быстрый рост русского вывоза в ханства.

В этот промежуток времени основным фактором, двигавшим торговлю, была недостача хлопка на мировом рынке — последствие гражданской войны в Соединенных Штатах Северной Аметики. Значение этого фактора видно из табл. 17.

Таблица 17

Ввоз в Россию хлопка-сырца (в пудах)

Годы	Всего ввезено	В том числе					
		по европейской границе	%	по азиатской границе	%	в том числе из Средней Азии	%
1857	2 438 573	2 219 859	91,0	218 714	9,0	159 593	6,5
1858	2 677 370	2 453 571	91,6	223 809	8,4	181 205	6,8
1859	2 932 125	2 794 054	95,3	138 071	4,7	111 940	3,8
1860	2 839 161	2 610 591	91,9	228 570	8,1	174 059	6,1
1861	2 643 144	2 491 388	94,3	151 756	5,7	119 900	4,5
1862	849 570	444 731	52,3	404 839	47,7	341 421	40,2
1863	1 082 171	587 289	45,7	494 882	54,3	387 522	35,8
1864	1 637 482	933 014	56,9	704 468	43,1	459 391	28,1
1865	1 613 403	1 147 482	71,1	465 921	28,9	311 386	19,3
1866	2 984 106	2 404 187	80,6	579 919	19,4	332 701	11,2
1867	3 394 264	2 632 713	77,6	761 551	22,4	547 791	16,1

Гражданская война в Соединенных Штатах Северной Америки началась, как известно, в 1861 г. И уже в следующем году мы видим резкий упадок ввоза хлопка-сырца в Россию, при этом по европейской границе было привезено немногим более половины и того сравнительно небольшого количества хлопка, кото-

рый был привезен в Россию в 1862 г. До 1862 г. более 90% привоза хлопка в Россию шло по европейской границе, на долю азиатских стран приходилось менее 10%, а доля Средней Азии в отдельные годы падала до 7—4%. Положение резко изменилось в годы хлопкового кризиса. После начала гражданской войны в Америке увеличение привоза хлопка шло по азиатской границе, в частности, из Средней Азии.

В какой мере русские текстильные фабриканты нуждались в хлопке-сырце, говорит деятельность погибшего впоследствии в Самарканде Ивана Хлудова. В 1860 г. он поехал в Америку, побывал на хлопковых плантациях Южных штатов и отправил в Россию несколько партий хлопка и другого товара. Ему удалось, несмотря на военные действия, провезти на Юг груз мануфактурных и ремесленных изделий, которые он променял на хлопок. Часть этого хлопка он погрузил на зафрахтованный пароход, с которым и сам отправился в Россию. Пароход был замечен блокирующими судами северян. Хлудов сделал попытку уйти, но ядра заставили его остановиться. Конфискованный северянами хлопок оценивался в 1 млн. руб., втрое большая часть хлопка, оставшаяся на берегу, была сожжена. После этой неудачи Иван Хлудов, первый из русских купцов, открыл в 1862 г. хлопковую контору в Ливерпуле. Его примеру в 1863 г. последовали и другие русские предприниматели [6].

Окончание гражданской войны в Америке и ликвидация в связи с этим остроты хлопкового голода на мировом рынке сопровождались ростом привоза хлопка по европейской границе и соответственно уменьшением этого привоза из Средней Азии и вообще по азиатской границе. Но все же количество среднеазиатского хлопка, употреблявшееся в России, несмотря на падение его значения в общей торговле им после ликвидации хлопкового кризиса, было в 1867 г. почти в три с половиной раза больше, чем в 1857 г., и превысило к 1867 г. 500 тыс. пудов. Таким образом, за 10 лет потребление русской промышленностью среднеазиатского хлопка увеличилось довольно значительно. Очевидно, за годы хлопкового кризиса русская промышленность в какой-то степени приспособилось к недостаткам среднеазиатского хлопка.

Русские фабриканты, лишенные американского сырья, стали частично приспосабливаться к хлопку азиатского происхождения, из которого можно было производить пряжу низких номеров. Поэтому в рассматриваемые годы в Средней Азии возник сравнительно значительный хлопковый рынок, которого раньше не существовало. После прекращения гражданской войны в Соединенных Штатах Северной Америки среднеазиатский

---

[6] М. К. Рожкова. Из истории торговли России со Средней Азией в 60-х годах XIX в.— «Исторические записки», т. 67. М., 1960, стр. 204.

(и вообще азиатский) хлопок нашел в России большее применение, чем за десять лет до того.

Автор статьи «Влияние американской войны на хлопчатобумажное дело в России», опубликованной в газете «Москва»[7], утверждал, что только летом 1866 г. создались в России благоприятные условия для торговли ткацкими изделиями. До этого времени состояние рынка хлопчатобумажных изделий было ненормальным. Автор усматривал в мировом хлопковом кризисе некоторые благоприятные стороны, одной из которых было избавление от кризиса путем принудительного сокращения производства из-за недостатка сырья. Другой благоприятный фактор он видел в том, что американская война оказала России помощь, дав «вскормить и выходить свой туземный сырой материал — бухарский хлопок».

Внимание в России к азиатскому хлопку не ослабевало еще и потому, что, по мнению как русских, так и иностранных промышленных кругов, быстрое восстановление хлопкового хозяйства Северной Америки после гражданской войны было сомнительным. Корреспондент «Торгового сборника» писал, что экономическое расстройство в Северной Америке и после окончания гражданской войны будет еще долго отзываться на всемирных рынках хлопчатобумажной промышленности[8]. Через три года, в 1869 г., в том же «Торговом сборнике» сообщалось, что доставка хлопка в Англию из южных штатов Северной Америки еще не восстановилась и английское общественное мнение высказывало надежду, что правительство позаботится о возделывании хлопчатника в Индии, так как трудно представить, что Америка когда-нибудь будет в состоянии производить хлопок в прежних размерах[9].

Представители царской администрации в Ташкенте сообщали в 1875 г. о том, что «теперь находят выгодным покупать хлопок на московских фабриках по 7 руб. за пуд, несмотря на то, что от неуменья собирать хлопок, очищать его и упаковывать теряется до 30—35%»[10].

Однако отмеченный небольшой рост потребления среднеазиатского хлопка на русских фабриках нельзя объяснять исключительно как результат неблагоприятных последствий войны для хлопководства южных штатов Америки. Не менее важное значение имело занятие в 1864 г. ряда среднеазиатских городов, в особенности Ташкента в 1865 г., и последующее продвижение в Среднюю Азию — овладение Самаркандом и другими бухарскими городами, закончившееся заключением в 1868 г. договоров с Бухарой и Кокандом.

[7] «Москва», 1867, № 25, 26.
[8] «Торговый сборник», 1866, № 3.
[9] «Торговый сборник», 1869, № 10.
[10] ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 16, д. 876.

Возвратимся к вывозной торговле России (табл. 18). Восстановление торговли хлопком по европейской границе не повлекло за собой сокращения русского вывоза в Среднюю Азию. Наоборот, этот вывоз после 1865 г. стал быстро расти. В 1865 г. он составлял 3775 тыс. руб., в 1866 г.— 5629 тыс., в 1867 г.— 10 275 тыс. руб. Такой быстрый рост экспорта России в Среднюю

Таблица 18

Русская вывозная и привозная торговля в Средней Азии (в тыс. руб.)

Годы	Вывоз из России				Ввоз в Россию			
	всего	в Бухару	в Ташкент*	в Хиву	всего	из Бухары	из Ташкента	из Хивы
1855	757	411	289	55	1 885	954	653	278
1856	757	399	344	14	2 072	1 138	851	83
1857	1 164	539	605	20	2 408	1 368	761	279
1858	1 312	687	607	18	2 363	1 337	865	161
1859	1 803	1 291	505	7	2 052	1 150	850	52
1860	1 920	1 628	288	4	2 324	1 555	686	83
1861	3 066	2 806	256	4	2 406	1 469	864	73
1862	3 275	3 127	135	13	3 401	2 741	585	75
1863	3 049	2 984	62	3	4 575	3 881	617	77
1864	4 740	4 655	74	11	7 699	6 868	352	479
1865	3 775	2 251	524	1 000	4 704	3 890	420	394
1866	5 629	877	3 187	1 565	5 006	3 454	796	756
1867	10 275	4 310	5 478	487	8 504	6 215	868	1 421

* Товары через Ташкент шли также в Коканд. Кроме того, непосредственно в Коканд в 1855 г. шло товаров на 2 тыс. руб.

Азию, составившего в 1867 г. почти 42% всего экспорта по азиатской границе, на этом новом этапе, несомненно, объясняется военными успехами царских войск на территории Кокандского ханства. Взятие Ташкента в 1865 г. оказало особенно сильное влияние на торговую деятельность русского купечества.

Это видно также и из соотношения отдельных среднеазиатских рынков.

Как ввозная, так и вывозная торговля России со Средней Азией резко выросла в 1864 г., т. е. в тот год, когда было предпринято продвижение в Среднюю Азию, когда в результате военных действий были соединены Оренбургская и Сибирская пограничные линии и была образована Ново-Кокандская линия в результате занятия ряда кокандских городов, включая Чимкент. Корреспондент газеты «Санкт-Петербургские ведомости» писал, что до этого года в России не интересовались Средней

Азией и именно с 1864 г. к ней появился интерес в русском обществе [11].

Кроме того, из таблицы видно, что основным рынком Средней Азии было Бухарское ханство. Это объясняется тем, что Бухара была центром производства хлопка-сырца и хлопчатобумажных изделий, которые вывозились в Россию. После взятия Ташкента — в 1866 и в 1867 гг.— по-прежнему преобладал вывоз из Бухары, но привоз русских товаров в Ташкент был больше, чем привоз их в Бухару. Это объясняется тем, что тотчас вслед за взятием Ташкента купцы устремились туда со своими товарами. Иначе говоря, вслед за политическим завоеванием территории среднеазиатских ханств началось их экономическое завоевание, происходил сравнительно быстрый рост русской торговли со Средней Азией.

Можно привести достаточное количество примеров, подтверждающих зависимость торговли от успешных военных действий. Так, например, после войны с Персией и после заключения в 1828 г. Туркманчайского договора последовал расцвет русской торговли с Ираном [12]. В результате продвижения в степь в 40-х годах и постройки в 1847 г. Раимского (впоследствии названного Аральским) укрепления, туда устремились и оренбургские купцы, и компания фабрикантов Центрального промышленного района [13]. С основанием в начале 50-х годов форта № 1 (впоследствии Казалинска) на Сыр-Дарье там тотчас же появились русские купцы [14].

Рассматривая процесс торговли России со Средней Азией за предыдущий период (40-е — первая половина 50-х годов), мы отмечали превышение торговых оборотов в Казахстане над торговыми оборотами в ханствах Средней Азии, что объяснялось фактическим включением Казахстана в пределы Российской империи. В 60-х годах положение меняется в пользу собственно Средней Азии, что видно из данных, приведенных в табл. 19.

Таблица показывает, что в середине 50-х годов русский вывоз в Казахстан намного преобладал над вывозом в ханства Средней Азии, составляя приблизительно около $^3/_4$ всего вывоза по Оренбургской и Сибирской таможенным линиям; на долю собственно Средней Азии приходилось немногим более четверти. К концу рассматриваемого периода соотношение стало обратным. Однако относительный (как и абсолютный) рост вывоза в ханства шел не за счет сокращения вывоза в Казахстан.

---

[11] «Санкт-Петербургские ведомости», 1868, № 102.

[12] М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке, стр. 75—80.

[13] Там же, стр. 365—366.

[14] А. И. Добросмыслов. Города Сыр-Дарьинской области. Казалинск, Петровск, Туркестан, Аулие-Ата и Чимкент. Ташкент, 1912, стр. 38.

Таблица 19

Вывоз из России в Казахстан и в ханства Средней Азии (в тыс. руб.)

Годы	Всего вывезено по среднеазиатской границе	В том числе			
		В Казахстан	%	в ханства Средней Азии	%
1856	2 876	2 119	73,7	757	26,3
1857	3 731	2 567	68,8	1 164	31,2
1858	4 137	2 825	68,3	1 312	31,7
1859	4 729	2 926	61,9	1 803	38,1
1860	4 808	2 888	60,1	1 920	39,9
1861	5 712	2 646	46,3	3 066	53,7
1862	5 477	2 202	40,2	3 275	59,8
1863	4 823	1 774	36,7	3 049	63,2
1864	6 523	1 783	27,3	4 740	72,7
1865	6 258	2 483	39,7	3 775	60,3
1866	10 881	5 252	48,3	5 629	51,7
1867	16 634	6 359	38,2	10 275	61,8

Вывоз в казахские степи увеличивался, только не так быстро, как вывоз в среднеазиатские ханства, причем перелом в соотношении торговли с Казахстаном и ханствами произошел в начале 60-х годов, очевидно, по тем же причинам — в связи с мировым хлопковым кризисом и завоеванием среднеазиатской территории.

Как известно, значение азиатского рынка для России заключалось в том, что на нем сбывались изделия русской промышленности, составлявшие большую часть русского экспорта на Восток. Показательным в этом отношении является вывоз хлопчатобумажных изделий, которые составляли основной предмет экспорта в Среднюю Азию (см. табл. 20).

Таблица 20

Вывоз из России хлопчатобумажных изделий в ханства Средней Азии (в тыс. руб.)

Год	Всего вывезено	В том числе хлопчатобумажных изделий	%	% к 1851 г.	Год	Всего вывезено	В том числе хлопчатобумажных изделий	%	% к 1851 г.
1856	757	320	42,3	73	1862	3 275	1 722	52,6	391
1857	1 164	527	45,3	120	1863	3 049	1 410	46,2	320
1858	1 312	655	49,9	149	1864	4 740	2 395	50,5	544
1859	1 803	945	52,4	215	1865	3 775	2 380	63,0	541
1860	1 920	1 015	52,9	231	1866	5 629	3 777	67,1	858
1861	3 066	1 478	48,2	336	1867	10 275	6 952	67,7	1 580

Из приведенной таблицы видно, что вывоз в среднеазиатские ханства хлопчатобумажных изделий, составлявший уже в конце 50-х и в первой половине 60-х годов примерно половину всей суммы экспорта, к концу рассматриваемого периода достиг 67,7%. Перелом совершился как раз в год завоевания Ташкента. Если русский вывоз в Среднюю Азию в целом за период с средины 50-х годов до 1867 г. увеличился в 13,5 раза, то вывоз хлопчатобумажных изделий за то же время вырос больше чем в 20 раз.

Данные, приведенные в табл. 21, говорят о росте торговли русскими хлопчатобумажными изделиями на рынках Средней Азии.

Таблица 21

Соотношение вывоза и ввоза хлопчатобумажных изделий в Среднюю Азию
(в тыс. руб.)

Год	Вывоз из России в ханства Средней Азии	%	Ввоз в Россию из ханств Средней Азии	%	Общий оборот торговли хлопчатобумажными изделиями
1856	320	28,2	815	71,8	1 135
1857	527	42,7	706	57,3	1 233
1858	655	48,8	686	51,2	1 341
1859	945	56,3	734	43,7	1 679
1860	1 015	61,5	636	38,5	1 651
1861	1 478	66,3	751	33,7	2 229
1862	1 722	76,8	521	23,2	2 243
1863	1 410	67,3	686	32,7	2 096
1864	2 395	85,4	410	14,6	2 805
1865	2 380	85,4	408	14,6	2 788
1866	3 777	92,1	322	7,9	4 099
1867	6 952	93,1	517	6,9	7 469

Таким образом, до 1859 г. вывоз из Средней Азии хлопчатобумажных изделий превышал ввоз их туда из России, затем ввоз русских хлопчатобумажных изделий в среднеазиатские ханства начинает постепенно расти, а вывоз их оттуда в Россию, наоборот, уменьшается. Особенно большие изменения происходят с 1864 г., т. е. со времени взятия Аулие-Аты, г. Туркестана и Чимкента. Завоевание Ташкента сопровождалось еще более резким относительным падением ввоза в Россию среднеазиатских хлопчатобумажных изделий и относительным повышением аналогичного русского вывоза.

В итоге, до конца 50-х годов ввоз в Россию среднеазиатских хлопчатобумажных изделий составлял 70—50% общего оборота торговли этими товарами между Россией и Средней Азией; к 1866—1867 гг. эта доля составляла только 7%. Соответствен-

но русский вывоз увеличился приблизительно с 43 до 93%. Таким образом, налицо важный факт успешной борьбы русских хлопчатобумажных изделий со среднеазиатскими, причем не только на рынках Средней Азии, но и на окраинах России, где находили себе сбыт среднеазиатские хлопчатобумажные товары.

Корреспондент «Северной почты» писал в 1863 г. с Нижегородской ярмарки о значительном уменьшении ввоза хлопчатобумажных тканей из Бухары и Хивы в 50-х годах сравнительно с 40-ми. Временное увеличение этого привоза на ярмарку в 1862 и в 1863 гг. автор объяснял повышением цен на русские ситцы, связанным с недостатком хлопка-сырца вследствие гражданской войны в Северной Америке, а общий процесс уменьшения импорта в Россию среднеазиатских хлопчатобумажных изделий — тем, что раньше эти изделия находили большой спрос среди донских, уральских и оренбургских казаков, татар Казанской и соседних с ней губерний: с 50-х же годов там возник большой спрос на дешевые русские ткани (ситец, холстинку и др.), заменявшие среднеазиатские бязи и другие хлопчатобумажные изделия[15].

Русский хлопчатобумажный рынок расширял свои границы и завоевывал новых потребителей. Среднеазиатские хлопчатобумажные изделия имели раньше большой спрос также среди населения казахских степей. Со временем это положение стало изменяться. Если в начале 50-х годов русских хлопчатобумажных тканей привозилось из России в Казахстан примерно на 700—800 тыс. руб., то в начале 60-х годов этот привоз увеличился более чем вдвое — до 1600—1800 тыс. руб. В годы мирового хлопкового кризиса вывоз русских хлопчатобумажных изделий в Казахстан упал, но к середине 60-х годов опять вырос почти до 1 млн. руб.[16]

Вытеснение русскими хлопчатобумажными изделиями таких же среднеазиатских изделий с рынка окраин Российской империи и Казахстана было началом того процесса, который после завоевания Средней Азии привел к упадку ряда отраслей ее промышленности. Это было результатом превращения Средней Азии в колонию Российской империи.

Если обратимся к среднеазиатскому импорту в Россию, то обнаружим то же, что происходило и с русским экспортом. Основными товарами, вывозившимися из ханств Средней Азии в Россию, были хлопок-сырец и хлопчатобумажные изделия. Табл. 22 показывает удельный вес этих товаров в общем вывозе из среднеазиатских ханств в Россию.

---

[15] «Северная почта», 1863, № 193, «С Волги» (письмо седьмое).

[16] «Государственная внешняя торговля в разных ее видах» с 1851 по 1862 г.: «Виды государственной внешней торговли» за 1863 и 1864 гг.; «Виды российской внешней торговли» за 1865 и 1866 гг.; «Виды внешней торговли России» за 1867 г.

Таблица 22

Вывоз из Средней Азии хлопка-сырца и хлопчатобумажных изделий в 1852—1867 гг. (в тыс. руб.)

Год	Всего вывозилось	в том числе			
		хлопка-сырца	%	хлопчатобумажных изделий	%
1856	2072	556	26,8	815	40,0
1857	2408	640	26,6	706	29,3
1858	2363	697	29,5	686	29,0
1859	2052	486	23,7	734	35,8
1860	2324	713	30,6	636	27,4
1861	2406	536	22,3	751	31,2
1862	3401	1864	54,8	521	15,3
1863	4575	2933	64,1	686	15,0
1864	7699	6521	84,7	410	5,3
1865	4704	3489	74,1	408	8,7
1866	5006	4031	80,5	322	6,4
1867	8504	5513	64,8	517	6,1

До начала 60-х годов вывоз хлопчатобумажных изделий из Средней Азии в Россию большей частью преобладал над вывозом хлопка-сырца и лишь в отдельные годы был немногим ниже. С начала 60-х годов (с 1862 г.) положение сильно меняется: хлопчатобумажные изделия составляют все меньшую и и меньшую часть среднеазиатского экспорта в Россию, достигнув в 1867 г. немногим более 6%. Доля же хлопка-сырца, наоборот, резко увеличивалась, достигая за отдельные годы более 80% всего вывоза в Россию. Это изменение прежде всего было связано с мировым хлопковым кризисом.

Подведем итоги общего обзора русской торговли со Средней Азией в 40—60-х годах XIX в. Состояние русской торговли по азиатской границе в 40-х и в первой половине 50-х годов характеризовалось расширением торговли с Китаем. Торговля с Казахстаном в этот период также росла в связи с процессом присоединения к России все бо́льшей территории казахских степей. В то же время торговля с ханствами Средней Азии в 40-х и в особенности в 50-х годах падала.

Иное положение создалось в конце 50-х и в 60-х годах XIX в. В это время наблюдается упадок торговли с Китаем. Что же касается торговли по среднеазиатской границе, то здесь Казахстан, сохраняя и даже расширяя размеры торговых оборотов с Россией, уступает первое место среднеазиатским ханствам, на рост торговли которых с Россией оказывают влияние как потребность русских текстильных предприятий в хлопке-

сырце, выросшая вследствие мирового хлопкового кризиса, так и завоевание войсками Российской империи части территории Кокандского и Бухарского ханств. В связи с упадком торговли со среднеазиатскими ханствами в 40-х и 50-х годах в среде русских промышленников встал вопрос о включении территории ханств в пределы России, а некоторый подъем этой торговли в конце 50-х годов облегчал продвижение царских войск, так как среди населения среднеазиатских ханств образовались слои, которые были заинтересованы в торговых связях с Россией.

3. РУССКАЯ ТОРГОВЛЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В НАЧАЛЕ 70-х ГОДОВ

Выше указывалось, что в официальном издании Департамента внешней торговли с 1868 г. отсутствуют данные о торговле с Казахстаном и Средней Азией. Таким образом, исследователь лишен возможности оперировать хотя бы сравнительно точными данными о торговле со Средней Азией в последующий период. Приходится пользоваться более частными и даже случайными сведениями, которые требуют сугубо критического отношения.

К такого рода источникам относится записка «Краткое обозрение торговых и производительных средств Туркестанского края», составленная в 1875 г. и найденная среди бумаг в кабинете Кауфмана после его смерти.

По-видимому, цифровой материал этой записки основан на ведомостях Ташкентского ярмарочного комитета. Основанием для такого предположения является сравнение цифровых показателей обоих источников. Так, например, общий ввоз товаров в Ташкент в 1872 г., по данным записки, составлял 11 647 063 руб.[17] Эта же сумма указана и в ведомости Ташкентского ярмарочного комитета в 1872 г.[18] Общий вывоз из Ташкента в том же году равен в записке Кауфмана 5 606 990 руб.[19], а в таблице ярмарочного комитета — 5602 тыс. руб.[20] Разница оказывается здесь небольшой, всего около 5 тыс. руб. Поэтому можно считать, что основанием цифровых показателей упомянутой записки были данные Ташкентского ярмарочного комитета. Степень точности этих данных можно определить, сравнив их с официальными данными Департамента внешней торговли (см. табл. 23).

Из сравнения этих данных видно, что суммы вывоза из Ташкента указаны одинаковые. Что же касается сумм ввоза в

---

[17] ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 16, д. 876, лл. 1—24.
[18] ЦГИА УзбССР, ф. 469, д. 189, лл. 248—255.
[19] ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 16, д. 876, лл. 1—24.
[20] ЦГИА УзбССР, ф. 469, д. 189, л. 262.

Талица 23

Торговля России с Ташкентом
(в тыс. руб.)

Годы	Вывоз из России		Ввоз в Россию	
	по данным Департамента внешней торговли *	по данным «Краткого обозрения» 1875 г. **	по данным Департамента внешней торговли	по данным «Краткого обозрения» 1875 г.
1865	524	524	420	420
1866	3187	3779	796	796
1867	5478	5474	868	868

* «Виды российской внешней торговли» за 1865 и 1866 гг. и «Виды внешней торговли России» за 1867 г.
** ЦГИА УзбССР. ф. 1, оп. 16, д. 876, лл. 1—24.

Ташкент, то в 1865 г. они также полностью совпадают (в 1867 г. имеется разница в 4 тыс. руб., что не может считаться серьезной ошибкой). Но для 1866 г. разница составляет почти 600 тыс. руб. Из этого сравнения можно сделать тот вывод, что в основу данных «Краткого обозрения» 1875 г. (так же, как и в основу данных Ташкентского ярмарочного комитета) положены те же сведения, на которых основаны сведения Департамента внешней торговли, т. е. сведения, сообщаемые таможенным ведомством. Но в подсчетах «Краткого обозрения» есть ошибки, поэтому данные «Краткого обозрения» сравнимы с теми данными, которыми мы пользовались при обзоре торговли со Средней Азией (т. е. с данными Департамента внешней торговли), но необходимо принять во внимание возможность ошибок. При рассмотрении последующего развития торговли необходимо соблюдать осторожность и помнить об условности цифровых данных.

Другим недостатком «Краткого обозрения» является то, что его материал относится не ко всей Средней Азии, а к одному Ташкенту, поскольку торговля через Ташкент была одним из путей русской торговли с Кокандом. «Краткое обозрение торговых и производительных средств Туркестанского края» дает такую картину русского вывоза в Ташкент:

Годы	Вывезено в тыс. руб.	Годы	Вывезено в тыс. руб.
1865	523	1869	5083
1866	3779	1871	6377
1867	5474	1872	6488
1868	2581	1874	4671

Таким образом, рост русского вывоза непосредственно после завоевания Ташкента и в последующие годы не только

сохранялся на том же уровне, но даже превысил его в начале семидесятых годов. Уменьшение данных о вывозе в 1868 г. объясняется тем, что в распоряжении составителя источника за этот год были неполные данные, он имел сведения о вывозе только хлопчатобумажных изделий и сукна.

По тем же данным, вывоз из Ташкента в Россию представляется в следующем виде:

Годы	Вывезено в тыс. руб.	Годы	Вывезено в тыс. руб.
1865	420	1872	3135
1866	796	1873	2809
1867	868	1874	2140
1871	3904		

Как видим, вывоз из Ташкента в Россию так же, как и ввоз из России в Ташкент, сильно выросший в первые годы после завоевания, продолжал расти и в последующие годы (начало 70-х годов). Причины сокращения этого вывоза в 1873 и 1874 гг., как и снижение ввоза из России в эти годы, неясны. Это, видимо, может объясняться хивинским походом или трудностями торговли в Средней Азии, которая, сильно возрастая сразу после присоединения к империи новой территории, потом сократилась. Об этом будет сказано в следующей главе.

Как известно, первое место в вывозе из России в Среднюю Азию занимали хлопчатобумажные изделия. Поэтому интересно проследить, как изменялся абсолютно и относительно ввоз в Ташкент хлопчатобумажных изделий в годы после завоевания Ташкента. По данным «Краткого обозрения», картина русского вывоза представляется в следующем виде:

Таблица 24

Вывоз из России в Ташкент
(в тыс. руб.)

Годы	Всего вывезено	В том числе хлопчатобумажных тканей	%	Годы	Всего вывезено	В том числе хлопчатобумажных тканей	%
1865	523	261	49,9	1869	5083	3300	64,9
1866	3779	2880	76,2	1871	6377	3905	61,2
1867	5474	3857	70,5	1872	6488	4241	65,3
1868	2581	2485	96,2	1874	4671	2998	64,2

Таблица показывает, что сразу после завоевания Ташкента основной предмет русского вывоза — хлопчатобумажные ткани — занял гораздо более высокий удельный вес в общей сумме русского экспорта в Ташкент сравнительно с тем временем,

когда Ташкент еще не находился в руках царских войск. В последующие годы, при почти постоянном повышении вывоза хлопчатобумажных изделий, удельный вес этой суммы падал, но значительно превышал уровень 1865 г. Особенно высокий показатель процента ввоза в Ташкент русских хлопчатобумажных изделий в 1868 г. объясняется тем, что в распоряжении составителя нашего источника были неполные данные о русском вывозе в Ташкент, о чем сказано выше.

Интересно проследить место хлопка-сырца в вывозе из Ташкента.

По данным того же источника, вывоз товаров из Ташкента в Россию представляется в следующем виде:

Таблица 25

Вывоз из Ташкента в Россию
(в тыс. руб.)

Годы	Всего вывезено	В том числе хлопка-сырца	%	Годы	Всего вывезено	В том числе хлопка-сырца	%
1865	420	2	0,5	1872	3135	868	27,7
1866	796	324	40,7	1873	2809	655	23,3
1867	868	274	31,6	1874	2140	603	28,1
1871	3904	1380	35,3				

Вывоз хлопка в сыром виде в начале 70-х годов занимал относительно меньше места, чем в 1866 г. Однако в абсолютных данных мы наблюдаем рост вывоза хлопка-сырца из Ташкента в Россию.

В рассматриваемое нами время, т. е. в первое десятилетие после завоевания Средней Азии, меры для улучшения культуры возделывания хлопка, принимавшиеся туркестанской администрацией, давали еще очень слабые результаты. Поэтому рост вывоза хлопка-сырца через Ташкент в Россию не может объясняться улучшением его качества; потребление среднеазиатского хлопка на русских фабриках увеличивалось вследствие облегчения условий торговли со Средней Азией, наступивших после завоевания Ташкента и других среднеазиатских городов и после заключения договоров с Бухарой и Хивой. Хотя качество среднеазиатского хлопка стояло на низком уровне, но его дешевизна заставляла русских фабрикантов в тех случаях, когда это было возможно, заменять им дорогой американский и египетский хлопок. Конечно, использование среднеазиатского хлопка на русских фабриках не было еще широким и его не следует преувеличивать [21].

[21] По-видимому, теми же цифровыми данными пользовался и Кауфман в своем отчете («Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта

Имеются и другие цифровые источники о торговле России в Средней Азии в начале 70-х годов. Они относятся не только к Ташкенту, а также к Хиве и Бухаре, но вызывают сомнение первоисточники, на основании которых они составлены. В качестве примера можно привести «Материалы для торговой статистики Туркестанского края»[22]. Эти «Материалы» основаны на объявлениях купцов и на свидетельствах об уплате зякетного сбора (к последним сам составитель относился с сомнением)[23].

Торговые операции в Средней Азии в конце 60— начале 70-х годов, хотя и увеличивались, но медленно, и общая сумма оборотов русской торговли в Средней Азии оставалась еще незначительной. Это хорошо видно из сравнения сумм русской торговли в Средней Азии с суммами англо-индийской торговли. В 1867 г. оборот англо-индийской торговли составлял более 46 298 тыс. фунтов стерлингов[24], что по тогдашнему курсу (6 р. 30 к. за фунт стерлингов) равнялось 291 683 тыс. руб., а оборот русской торговли со Средней Азией составлял только 18 779 руб., т. е. был в 15,5 раза меньше.

Если сравнить эти данные с суммами англо-индийской и русской торговли со Средней Азией в 1857 г., то мы увидим разницу в пользу русской торговли: тогда оборот англо-индийской торговли был в 48 раз больше оборота торговли между Россией и Средней Азией[25].

Таким образом, за 10 лет русская торговля со Средней Азией росла быстрее, чем торговля Индии. Но следует принять во внимание, во-первых, что эти цифры могут быть не вполне точны; во-вторых, что нами взят 1867 г., когда торговля России со Средней Азией после взятия Ташкента достигла своего максимума; в-третьих, что курс фунта стерлингов в переводе на русские рубли не может быть нами исчислен вполне точно, так как в нашем источнике[26] он дан по разным городам (Одесса, Петербург и др.) и за отдельные месяцы с учетом минимума и максимума, что здесь уточнено быть не может. По-

---

К. П. фон Кауфмана 1-го по гражданскому управлению и устройству в областях Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867 — 25 мая 1881 г.» СПб., 1885, стр. 452—453).

[22] «Материалы для торговой статистики Туркестанского края», составленные агентом Министерства финансов в Туркестанском генерал-губернаторстве, вып. I. Ташкент, 1873.

[23] Там же, стр. 3.

[24] «Statistical Abstract...». Sixth Number. London, 1870, p. 25, 31; см. также табл. 18 настоящей работы.

[25] См. табл. 18 и 19 настоящей работы и «Statistical Abstract...). Fourth Number, pp. 28, 30. Согласно этим данным, оборот русской торговли со Средней Азией составлял в 1857 г. 3572 тыс. руб., а оборот англо-индийской торговли — 27 376 фунтов стерлингов, или 172 466 тыс. руб.

[26] «Государственная внешняя торговля в разных ее видах».

этому не следует дважды приводимое нами сравнение между индийской торговлей Англии и торговлей России со Средней Азией представлять себе в более или менее точно сравнимых данных. И в том и в другом случае эти цифры приводились для того, чтобы получить общее представление о месте русской торговли со Средней Азией в общем масштабе торговли Европы с Азией. Как видим, эта торговля находилась еще на невысоком уровне даже после продвижения царских войск в Среднюю Азию.

Об этом свидетельствуют и более поздние источники. Так, например, Н. Шавров, автор доклада «О путях для торговли России с Азией», прочитанного им в «Обществе для содействия русской промышленности и торговле» в 1872 г., обращал внимание на то, что доля русской торговли в Азии ничтожна.

Шавров основывал свои выводы на данных французских и английских статистических источников, «Военно-статистического сборника» и «Ежегодника Министерства финансов». В результате обработки этих источников Шавров исчислял оборот русской торговли по азиатской границе в 1870 г. в 28 889 тыс. руб., а за вычетом торгового оборота в Азиатской Турции — почти в 18 млн. руб., что составило 1,5% всего внешнего оборота азиатского рынка, «т. е. другими словами,— пишет Шавров, — на этом рынке Россия почти вовсе не торгует. Вывод, можно сказать, удивительный!»

Здесь, правда, необходимо принять во внимание, что в оборот русской торговли по азиатской границе, приводимый Шавровым, не входят как раз данные о торговле со Средней Азией, так как с 1868 г. такие официальные опубликованные данные отсутствуют, но, если принять во внимание это обстоятельство, все же доля русской торговли в Азии окажется небольшой [27]. Удельный вес торговли России в общем торговом обороте Азии показывает, что русская промышленность даже в 60-х годах XIX в. находилась еще на невысоком уровне развития в сравнении с западноевропейской промышленностью.

4. ПУТИ СООБЩЕНИЯ

Общий обзор торговли России со Средней Азией будет неполным, если не осветить вопроса о состоянии путей сообщения в самой Средней Азии и путей сообщения в России в направлении к Средней Азии, которые непосредственно влияли на ход торговли.

Главным способом сообщения было движение караванов. Как заметил подполковник Генерального штаба Глуховской, во

[27] Н. Шавров. О путях для торговли России с Азией. Доклад, представленный в «Общество для содействия русской промышленности и торговле». СПб., 1873, стр. 4—6.

второй половине 60-х годов караваны в Россию и из России шли тем же порядком, как сто лет назад [28].

На основании рассказов 200 купцов и приказчиков (русских, казахов и жителей среднеазиатских ханств) П. Небольсин в середине 50-х годов составил подробное описание следования караванов. Караваны из Бухары в Россию шли через Оренбург или через Троицк. Часть некоторых бухарских караванов, шедших на Оренбург, по пути поворачивала на Орск. Первый караван из Бухары на Оренбург выходил обычно в середине февраля, второй — в мае. В 1850 г. из Бухары на Оренбург вышло пять караванов. Караваны из Бухары на Троицк выходили два, а иногда три раза в год: один зимой, остальные летом.

Караваны из России в Бухару шли только осенью, в зависимости от Нижегородской ярмарки. Из Оренбурга они выходили в августе — ноябре, а из Троицка — в августе — октябре. В 1849 г. последний караван из Троицка в Бухару перешел Сыр-Дарью у Ак-Мечети в первых числах декабря. В подавляющем большинстве караваны состояли из навьюченных верблюдов, но иногда они шли на повозках или санях. Караваны верблюдов доходили до Орской крепости, а из Орска в Оренбург товары доставлялись на телегах. Один из торговцев как-то заметил, что верблюды, вероятно, скоро переведутся и караваны будут ходить на волах, запряженных в арбы. Уже в это время, т. е. в середине 50-х годов, товары на волах возили в Уральское укрепление и изредка на Сыр-Дарью в Аральское укрепление.

Караванный ход имел серьезные недостатки: во-первых, в зимние месяцы движение караванов прекращалось, во-вторых, оно было очень медленным. По рассказам купцов, караваны в 1850 г. находились в пути 75—81 день. В середине 50-х годов путь из Бухары до Оренбурга продолжался 55—65 дней, до Орской крепости — 40—50 дней. Более быстрое передвижение караванов было исключением: так, например, в 1823 г. один караван прошел путь от Бухары до Орска в 32 дня [29].

Караваны из Ташкента и обратно проходили через Петропавловск или Троицк. Из Петропавловска в Ташкент выходило обычно три каравана: в мае (связанный с Ирбитской ярмаркой), в августе и в ноябре (связанный с Нижегородской ярмаркой). Из Троицка в Ташкент караваны ходили два раза в год.

---

[28] Глуховской. Записка о значении Бухарского ханства для России и о необходимости принятия решительных мер для прочного водворения нашего влияния в Средней Азии. СПб., 1867, стр. 21.

[29] П. Небольсин. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканом со стороны Оренбургской линии. Следование караванов из Бухары в Россию и обратно. СПб., 1856, стр. 1—53.

Из Ташкента в Троицк выходил один караван зимой и два или три в летние месяцы, а из Ташкента в Петропавловск приходило по два каравана в год. От Троицка до Ташкента караваны шли 30—40 дней[30].

Караваны из Хивы в середине 50-х годов шли двумя путями. Большей частью они шли на Оренбург, куда направлялось два-три каравана в год, один небольшой караван шел в Астрахань через Мангишлак. Из Оренбурга в Хиву в 1850 г. первый караван вышел в июле, второй — около 20 октября и третий — в начале ноября; сроки отправления последних двух караванов зависели от Нижегородской ярмарки. Из Астрахани в Хиву выходил один караван в год также после окончания Нижегородской ярмарки. С этим караваном обычно везли тяжеловесный товар: железо, чугун и т. п., а из Хивы в Астрахань привозили главным образом хлопок-сырец и хлопчатобумажную пряжу. Путь между Оренбургом и Хивой обычно совершался в 45—55 дней, но бывали исключения, например: в 1841 г. оренбургский купец С. М. Деев прошел с караваном путь от Оренбурга до Хивы в 32 дня. Караваны в Хиву шли исключительно на верблюдах[31].

Товары в Среднюю Азию отправлялись из России на пограничную линию или прямо из Москвы, или из Владимирской губернии, или с Нижегородской ярмарки. Все товары из России и Средней Азии шли через Казань, которая была средоточием торговли со Средней Азией[32].

Такими же были торговые пути из Средней Азии в Россию и обратно до конца 60-х годов[33]. Позднее, в связи с основанием Красноводска в 1869 г., открылся новый торговый путь — от Красноводска к Аму-Дарье[34].

Караваны в пути встречали различные препятствия. При следовании караванов в Бухару хивинские и кокандские чиновники взимали с них поборы наподобие транзитной пошлины[35]. Для перевозки товаров между Оренбургом и Хивой нанимались обычно возчики из казахов, а в 50-х годах при следовании в Хиву — частично из туркмен[36]. Бывали случаи, что возчики бросали по пути караван или при нападении на караваны переходили на сторону нападавших[37].

---

[30] Там же. Ход ташкентских и хивинских караванов, стр. 1—3.

[31] Там же, стр. 5—9.

[32] Там же. Провоз товаров, идущих чрез Нижегородскую ярмарку, стр. 1.

[33] И. Янжул. Исторический очерк русской торговли со Средней Азией.— «Московские университетские известия», 1869, № 5, стр. 360—362.

[34] Н. Шавров. Указ. соч., стр. 29.

[35] П. Небольсин. Указ. соч. Следование караванов из Бухары в Россию и обратно, стр. 27.

[36] Там же. Ход ташкентских и хивинских караванов, стр. 7.

[37] О таких случаях рассказывал приказчик купцов Быковских Шмелев: по его словам, он потерял все свое состояние, так как отдал его возчикам, «чтобы

Хотя по мере продвижения к границам среднеазиатских ханств и создания царским правительством укреплений в степи, торговые пути в Среднюю Азию становились все более безопасными и караваны все реже подвергались нападениям и грабежам, но сообщения об отдельных происшествиях в степи показывают, что и в 50-х годах, и даже в начале 60-х годов, пути к среднеазиатским ханствам еще не были вполне безопасны. Так, например, в 1855 г. Перовский писал управляющему Министерством иностранных дел, что караван бухарца Асан-бека с 30 возчиками и с товарами, нагруженными на 80 верблюдах, направлявшийся в форт Перовский, подвергся нападению со стороны кокандцев.

В 1856 г. Перовский сообщал о нападении киргизов — подданных кокандского хана — в Балханских горах на караван троицкого купца третьей гильдии Абдурратинова, шедший из Бухары. Казахи напали в это же время на караван в 40 верблюдов, шедший с мукой в форт Перовский. Из сообщения относящегося к 1856 г., узнаем об ограблении казахами Адаевского рода купцов Каргина, Путолова и Деева [38]. Из отношения Перовского от 16 февраля 1857 г. узнаем о нападении при урочище Юзхудук на караван, шедший из Троицка в Бухару; нападающие отняли у каравана 2000 верблюдов, а кроме того, 1000 лошадей и 900 баранов у казахов, шедших для обмена скота в Бухару и присоединившихся в степи к этому каравану [39].

Командующий Сыр-Дарьинской линией сообщал в ноябре 1858 г. оренбургскому генерал-губернатору Катенину об ограблении каравана, направлявшегося в Семипалатинск [40].

Оренбургский и самарский генерал-губернатор Безак писал министру иностранных дел весной 1863 г., что в Кызыл-Кумах был ограблен караван казахов, шедший из Бухары с хлебом и другим товаром, нагруженным на 60 верблюдах [41].

К началу 1862 г. относится подробное описание комендантом форта № 1 происшествия, случившегося с караваном, шедшим из Оренбурга в Бухару. В караване было 900 верблюдов и более 100 человек. До Яны-Дарьи караван шел под прикрытием караула из 70 казаков, отправленного войсковым старшиной. С караваном шел товар купца Быковского ценностью в 30 тыс. руб. в сопровождении приказчика Быковского Николая

они не изменили ему и защищали до конца», когда на караван, с которым он шел в 1862 г. в Бухару, было совершено нападение. Через несколько лет, во время вторичной поездки Шмелева в Бухару на обратном пути возчики бросили его караван (Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 1, д. 8160, 1867 г., л. 23 об.).

[38] Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 10, д. 7247, св. 443, л. 1—1 об.

[39] АВПР, Главный архив, I—9, 1852 г., д. 8, ч. 1, лл. 85, 103 об., 118.

[40] Там же, л. 318 об.

[41] Там же, ч. II, л. 160.

Шмелева, сообщившего в форт о происшествии. В 40—50 верстах от бухарской крепости Тамды на караван напали 150 кокандских киргизов. Караван успешно оборонялся от нападения, и все товары были в целости сохранены, благодаря энергии и храбрости приказчика [42].

Но, несмотря на отдельные происшествия на пути следования караванов, в общем положение в степях в этом смысле сильно улучшилось. Об этом свидетельствуют как литературные источники, так и донесения с мест. Небольсин писал в середине 50-х годов, что в степи на пути в Бухару в это время существовало «совершенное спокойствие», вследствие деятельности царской администрации, и что отпала необходимость охраны караванов [43]. Тот же автор отмечал безопасность следования караванов между Ташкентом, Троицком и Петропавловском [44].

Начальник Оренбургского таможенного округа доносил оренбургскому военному губернатору в 1851 г., что торговля идет хорошо, благодаря положительному влиянию «тишины и спокойствия» в степи [45].

По показаниям прибывших к Аральскому укреплению бухарских купцов, относящимся, по-видимому к 1854 г., и по рассказам казанского татарина Сиразитдина Хисамутдинова, в этом году караваны из Бухары шли не «кучками», как было прежде, а «частями». Причина этой перемены заключалась во взятии Ак-Мечети, что сделало караванную дорогу безопасною, и потому, по словам источника («Записки с подписью младшего переводчика Батыршинова»), все бухарские купцы по мере окончания в Бухаре своих дел, спешили с выездом в Россию [46]. Таким образом, занятие Ак-Мечети, продвижение царских войск в глубь Средней Азии способствовало улучшению торговых отношений Средней Азии с Россией.

В своем отчете за период с 16 июня 1857 по 1 декабря 1858 г. оренбургский и самарский генерал-губернатор Катенин сообщал о прекращении грабежа караванов «киргизами», а также о случающихся еще нападениях на караваны кокандцев и туркмен. Из этого сообщения следует, что казахская степь к концу 50-х годов была «умиротворена», а это, безусловно, имело большое значение для развития торговли со Средней Азией: значительная часть пути от Оренбургской пограничной линии до среднеазиатских ханств стала безопасной. Дальнейшее устрой-

---

[42] Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 10, д. 7758, лл. 2—5. Более подробно о происшествии с караваном и о поведении приказчика Шмелева см. гл. VII настоящей работы.

[43] П. Небольсин. Указ. соч. Следование караванов из Бухары в Россию и обратно, стр. 9—11.

[44] Там же. Ход ташкентских и хивинских караванов, стр. 4.

[45] Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 10, д. 6307, л. 289 об.

[46] Там же, д. 7041/3, св. 426 а, л. 187.

ство безопасного торгового пути в ханства Средней Азии Катенин видел в занятии среднеазиатских укреплений [47].

Торговля в степи и в среднеазиатских ханствах теперь не только находилась в более спокойных, а следовательно, и более благоприятных условиях, но и самый характер ее изменился. Вот как характеризовал эту перемену оренбургский и самарский генерал-губернатор Перовский в своем отчете за 1853—1856 гг.: «... всего заметнее то, что в течение последующих лет совершенно изменился самый характер торговли по Оренбургской линии: первобытная мена товара на товар почти совсем вышла из употребления и заменилась правильным сообразнейшим настоящим потребностям народов торгом на деньги. Не только азиатские торговцы, но и киргизы продают теперь и покупают в настоящем смысле слова, а не меняются» [48].

Перовский констатировал и другую перемену: «... некоторые из зажиточных киргизов стали в последнее время заниматься торговлею как промыслом, т. е. торговать не своими, а чужими произведениями, доставляя русские товары в Хиву, Бухару, Ташкент и Чугучак и вывозя оттуда азиатские на Оренбургскую линию или для распродажи в степи. Одни, как в восточной части орды, торгуют на собственные капиталы (оборот торговли братьев Куланбаевых, например, простирается на 150 тыс. руб. серебром в год), другие — как комиссионеры русских купцов» [49].

Таким образом, по мере включения территории Средней Азии в пределы России, затруднения в движении караванов уменьшились, благодаря постепенному прекращению вооруженных нападений на караваны и их ограбления.

Но и после взятия Ташкента, уничтожения независимости Кокандского ханства, установления протектората над Бухарой и Хивой и присоединения частей этих ханств к Российской империи, оставалась очень серьезная помеха торговле — длительность торговых путей в Среднюю Азию.

В заседании 5-го отделения первого всероссийского съезда фабрикантов и заводчиков 28 мая 1870 г. обсуждался вопрос о состоянии хлопководства в Средней Азии. Глава известной торговой фирмы Т. С. Морозов в своем выступлении обратил внимание на то, что недостаточное использование среднеазиатского хлопка на русских фабриках связано не только с плохим его качеством, но и высокой ценой, зависящей от состояния путей сообщения. Морозов указывал, что хлопок, отправляю-

---

[47] Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 6, д. 13541/10, св. 650а, л. 266 об.— 269. Обратим внимание на свидетельство Шмелева (см. выше), что на караван, с которым он следовал в Бухару в 1862 г., нападение совершили не казахи, а «ташкенцы, коканцы и туркестанцы».

[48] Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 6, д. 13254/16, св. 632а, л. 61 об.

[49] Там же, л. 52.

щийся из Бухары в марте, приходит на Нижегородскую ярмарку только в августе, что в течение такого длительного срока цены могут очень колебаться и поэтому трудно рассчитать возможные выгоды от торговли. Из-за этого выгоды получают торговцы хлопком, а не его производители, не фабриканты и не потребители.

Морозов приводил в пример купца Пупышева, который купил в Бухаре 60 тыс. пудов хлопка, «стоившего ему на Нижегородской ярмарке до 7 р. 50 к. и никак не более 8 руб. за пуд», который он продал более чем по 12 руб. Иногда и бухарцы, говорил Морозов, сами привозят хлопок на Нижегородскую ярмарку, не желая продавать его на месте по 5 руб. И далее Морозов повторил, что «желательно прежде всего улучшение пути и изыскание наикратчайшего и удобнейшего его направления». В резолюции пятого отделения съезда отмечено: «По убеждению отделения, открытие правильного пути через Красноводск отразилось бы благоприятными последствиями относительно удешевления хлопка» [50].

Вопросом о проведении удобных путей сообщения занимались многие лица и учреждения. «Общество для содействия русской промышленности и торговле» издало сборник, специально посвященный этому вопросу [51]. В 1869 г. оно возбудило ходатайство перед правительством «о крайней необходимости безотлагательного открытия торгового пути от восточного берега Каспийского моря к реке Аму-Дарье и далее в Среднюю Азию» [52].

Ташкентский ярмарочный комитет поднял в 1871 г. вопрос о путях сообщения в связи с тем, что открытие Суэцкого канала могло отрицательно отразиться на развитии хлопководства в Средней Азии. Обращая внимание на то, что недостаток верблюдов или высокая цена на них требуют «безотлагательного» улучшения путей сообщения в крае, члены комитета высказали мнение, что для развития хлопководства в Кокандском ханстве необходимо проложить «конно- или верблюдо-железный» путь из Ташкента к бывшей пограничной линии и привести в порядок дороги из Ташкента в Коканд [53].

---

[50] «Протоколы и стенографические отчеты заседаний первого всероссийского съезда фабрикантов, заводчиков и лиц, интересующихся отечественною промышленностью 1870 года». Стенографический отчет 5-го отделения. СПб., 1872, стр. 5—8, 14.

[51] «Материалы по вопросу о торговых путях в Среднюю Азию». СПб., 1869; А. Л. Попов. Из истории завоевания Средней Азии. «Исторические записки». М., 1940, т. 9, стр. 223.

[52] «Материалы по вопросу о торговых путях в Среднюю Азию», стр. 61—62.

[53] «Туркестанские ведомости», 1871, № 34.

В ноябре 1872 г. «Общество для содействия русской промышленности и торговле» обсудило доклад военного инженера полковника Н. Шаврова «О путях для торговли России с Азией». Сопоставляя данные русской торговли по азиатской и европейской границе, Шавров отмечал, что ввоз из Пруссии в Россию увеличился в пять раз в 60-х годах. Причину этого Шавров видел не в высоком качестве прусских товаров, не в ухудшении качества русских изделий, а в том, что большая часть построенных в России железных дорог шла внутрь России от прусской границы, в то время как с 1862 г., когда была открыта Московско-Нижегородская линия железной дороги, не было построено «ни одной сажени пути» от центральных промышленных округов России к азиатским рынкам. В то же время за 10 лет ничего не сделано для улучшения грунтовых дорог. Между тем, по мнению Шаврова, то, что без дорог не может развиваться торговля — аксиома. «Внутренний рынок стесняется бедностью населения и конкуренцией дешевых иностранных товаров; ...единственный наш азиатский рынок, за бездорожьем почти не доступен для нас...» Поэтому устройство путей на Восток — «неотложная потребность настоящей минуты», а не отдаленного будущего, как полагают некоторые [54].

Вопросу о путях в Азию оказывали специальное внимание Русское географическое общество», «Техническое общество» и др. [55]

Еще несколько ранее, в 1871 г., Шавров выпустил в свет книгу «Путь в Центральную Азию по направлению, указанному Петром Великим», в которой отмечал, что «Россия не открыла в Центральной Азии рынка для своих мануфактурных произведений, а наоборот, сама сделалась рынком для азиатской торговли», оттого, что не исполнялись заветы Петра. В связи с этим Шавров указывал на необходимость «умиротворить» Хиву и продолжить дешевый путь через Красноводск по Каспийскому морю и Волге. Для этого, по мнению Шаврова, нужно было проложить железную дорогу от Красноводска или от Балханских гор до Хивы, создать удобный порт на Каспийском море и обеспечить сообщение его с Астраханью [56].

Вопрос о соединении центра России со Средней Азией железнодорожным путем возник еще в 50-х годах XIX в. С 1854 по 1880 г. правительству было подано свыше 40 проектов постройки железных дорог в Средней Азии в разных направлениях, большей частью в направлении Оренбург — Ташкент [57]. О на-

---

[54] Н. Шавров. О путях для торговли России с Азией, стр. 7—9.

[55] Там же, стр. 1.

[56] Н. Шавров. Путь в Центральную Азию по направлению, указанному Петром Великим. СПб., 1871, стр. 14.

[57] З. К. Ахмеджанова. К истории строительства первых железных дорог в Средней Азии. Ташкент, 1956, стр. 52, 56. Канд. дисс. Хранится в Государственной публичной библиотеке им. В. И. Ленина.

правлении железных дорог из России в Среднюю Азию происходили споры. Одни настаивали на железной дороге между Оренбургом и Ташкентом, другие — между Каспийским и Аральским морями через Усть-Урт, третьи — от Красноводского залива к Аму-Дарье, были и проекты о соединении России со Средней Азией железной дорогой через Сибирь.

В июле 1856 г. главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями Чевкин послал Перовскому записку с предположением провести железную дорогу через Усть-Урт, предварительно отправив туда ученую экспедицию для исследования возможности и целесообразности этого строительства. Автор записки отмечал рост русской торговли со Средней Азией, требующий улучшения путей сообщения, и останавливался на вопросе о привлечении к строительству железной дороги рабочих из казахов; по мнению автора записки, можно найти до 2—3 тыс. таких рабочих. В отношении Чевкина Перовскому, приложенном к указанной записке, сказано, что записка передана Чевкину царем с требованием обсудить ее [58].

Предложенный проект встретил возражение со стороны Перовского. В своем ответе Чевкину от 14 января 1857 г. Перовский сообщал, что он не только не убежден в пользе проведения железной дороги через Усть-Урт, но сомневается и в возможности этого проведения [59]. К отношению Перовского приложен рапорт председателя Оренбургской пограничной комиссии Григорьева Перовскому от 20 октября 1856 г. с собственноручными поправками Перовского. Содержание рапорта было направлено против постройки железной дороги через Усть-Урт, так как автору рапорта эта постройка представлялась затруднительной по причинам «естественным и политическим». Григорьев писал, что Ново-Петровское укрепление упразднено из-за вредного климата и неудобств пути к нему, и не надеялся на возможность найма рабочих из казахов для постройки железной дороги. Что касается политических причин, то Григорьев указывал на то, что верховья и среднее течение Аму- и Сыр-Дарьи находились в руках среднеазиатских ханов, с которыми трудно было договориться.

Но главная причина, по которой местное оренбургское начальство высказывалось против постройки железной дороги через Усть-Урт, заключалась в том, что оно находило торговые обороты со Средней Азией слишком ничтожными, чтобы строить железную дорогу. «Правительственное положение... среднеазиатских владений таково,— писал в заключение Григорьев,— что в них едва ли может развиваться какая-либо производительность. Чтобы усилить закупку товаров у соседей, надо вместе

---

[58] Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 6, д. 13463, лл. 1, 5, об.— 15 об.
[59] Там же, лл. 24—27 об.

с тем усилить и собственное производство, а когда местные условия не благоприятствуют последним, нельзя ожидать и первого» [60].

В конце декабря 1856 г. кавказский наместник князь Барятинский подал проект о посылке ученой экспедиции для исследования пространства между Каспийским и Аральским морями в целях проведения железной дороги через Усть-Урт [61]. Особый комитет, учрежденный для рассмотрения проекта Барятинского, решил отложить дело по причине «сомнительного политического состояния дел на Востоке» и неудобства предложенного пути [62].

Через Усть-Урт посылала свои товары в Хиву в 40-х годах компания Баранова, Зубова и Пичугина. В 1865 г. оренбургский генерал-губернатор поставил вопрос о пути через Усть-Урт на московских купеческих съездах. В феврале 1866 г. этот же вопрос обсуждался на объединенном заседании «Общества сельского хозяйства» и «Общества естествознания». Этот путь поддерживал известный экономист либерального направления Бабст, по докладу которого было предложено послать экспедицию для исследования пространства между Аральским и Каспийским морями [63].

После занятия Красноводского залива в 1869 г. было обращено внимание на путь от Красноводска через туркменские степи к Аму-Дарье. Сторонников проведения этого торгового пути оказалось немало. В их числе был подполковник Генерального штаба Глуховской. Он отстаивал этот путь еще в середине 60-х годов до занятия Красноводского залива [64]. В 70-х годах Глуховской выступил с докладом в комитете «Общества для содействия русской промышленности и торговле» об удобстве пути от Красноводского залива к Аму-Дарье. Доклад его встретили «весьма сочувственно» [65].

В 1874 г. (после занятия царскими войсками Хивы) Глуховской отправил караваны из Нового Ургенча в Красноводск, за что «Общество для содействия русской промышленности и торговле» выразило ему благодарность. За содействие Глуховскому и за внимание к интересам русской торговли в Закаспийском крае «Общество» выразило благодарность также наместнику Кавказа великому князю Михаилу Николаевичу и обратилось к

---

[60] Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 6, д. 13463, лл. 29—37 об.
[61] Там же, лл. 20—23.
[62] АВПР, Главный архив, I—9, 1857 г., д. 24, лл. 46 об., 48.
[63] И. Янжул. Указ. соч., стр. 356—357.
[64] Глуховской. Указ. соч., стр. 22—25.
[65] «Труды „Общества для содействия русской промышленности и торговле“», ч. V. Журнал заседаний комитета „Общества“ 21 декабря. СПб., 1874, стр. 141—142.

нему с просьбой об организации исследования красноводско-амударьинского пути [66].

Интерес к красноводскому пути проявил и Кавказский отдел «Русского географического общества» [67]. Но известный геодезист Стебницкий, бывший участником первой экспедиции в Кизыл-Арват в 1871 г., автор «Заметок о Туркмении», опубликованных в 1873 г., считал, что красноводский путь представляет «весьма значительные затруднения, особенно для движений не в виде азиатских караванов» [68]. Это вызвало резкий отпор на страницах «Туркестанских ведомостей» [69].

Спор о разных направлениях железной дороги в Среднюю Азию особенно отчетливо выразился в 1869—1870 гг. при подаче проекта пути от Каспийского моря к Аральскому и развития торговли со Средней Азией, представленного в 1867 г. купцом Красного Яра Астраханской губернии П. С. Савельевым.

Савельев предлагал учредить товарищество капиталистов, которые, по его словам, согласились участвовать в устройстве пути между Каспийским и Аральским морями (от Красноводского залива или от Тюп-Караганского мыса — в зависимости от результатов обследования) и в учреждении пароходства по Аральскому морю, по Сыр-Дарье, а впоследствии и по Аму-Дарье. На проекте Савельева Кауфман положил резолюцию: «В настоящее время после занятия Туркестанского края, торговля со Среднею Азиею избрала себе путь чрез тот край и пока другого пути быть не может. Со временем, когда установятся правильные отношения наши к Средней Азии, когда мы приобретем доверие обитателей этой обширной и производительной страны, когда владетели успокоятся от страха и волнения, произведенных нашими завоеваниями, настанет время избрания кратчайшего пути чрез такие страны, чрез которые в настоящее время он не может еще идти. Как например, к Аму-Дарье, через Хиву, Усть-Урт, Каспийское море. Тогда могут быть осуществлены мысли эти, коих родоначальником был Петр Великий» [70].

В конце 1868 г. возник проект проведения железной дороги между Каспийским и Аральским морями от реки Эмбы до одного из заливов Аральского моря. Авторами этого проекта были царскосельский купец Лазарев, коллежский советник Кони и француз Миллер. Александр II 9 января 1869 г. разрешил им произвести соответствующие изыскания, о чем министр путей

---

[66] «Труды „Общества для содействия русской промышленности и торговле“», ч. VIII. СПб., 1875 г., стр. 151—162, 193, 194, 203.

[67] «Записки Кавказского отдела „Русского географического общества“», кн. VIII. Тифлис, 1873.

[68] Там же, стр. 88.

[69] «Туркестанские ведомости», 1871, № 31.

[70] ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 16, д. 182, лл. 1—4 об.

сообщения уведомил Кауфмана [71]. Кони в письме к Кауфману жаловался на отрицательное отношение прессы к его проекту. В качестве одного из примеров он приводил отказ редакции «Биржевых ведомостей» опубликовать его статью, так как Глуховской представил статью, излагавшую «противоположную точку зрения», которую он проводил в своем докладе в «Обществе для содействия русской промышленности и торговле», заключавшуюся в том, что дорогу надо проводить не на север, а на Аму-Дарью. Кони называет мнение Глуховского «несообразительностью, натяжками, абсурдами».

«Далее,— пишет он,— печально и то обстоятельство, что торговые люди, до которых наше предприятие наиболее касается и которые сперва рвались к его скорейшему осуществлению, теперь пообдумались и не только хладнокровно смотрят на наши усилия, но даже исподтишка радуются и потворствуют несбыточным мечтам Глуховского, зная лучше всех, что эти... планы осуществимы только на бумаге, которая все терпит. Эти представители русско-азиатской торговли лукаво смекнули, что эта общеполезная дорога для них собственно вредна, потому что открывает торговые пути для всех и чрез то лишает их монополистического права и законодательства на торговых рынках». Нельзя не признать эту характеристику русской буржуазии весьма меткой.

Принимая во внимание затруднения, компания решила при поддержке правительства проложить пока «простую» почтовую и военную дорогу от Гурьева до Казалы. Эта дорога, по словам Кони, «даст возможность в шесть лет осуществить задушевную нашу мысль, т. е. постепенно обратить ее в железнодорожную, а по миновании срока, поставить на нее и локомотивы». На письме Кони Кауфман написал: «Я нахожу, что пресса была права, признавая предприятие несбыточным». В таком духе Кауфман писал военному министру в феврале 1870 г. [72]

Оренбургский генерал-губернатор Крыжановский, указывая в 1870 г. в своем отчете по управлению Оренбургским краем с марта 1868 по октябрь 1870 г. на развитие торговли со Средней Азией через Оренбург, писал, что сведения о торговле опровергают мнение об искусственном создании торгового пути в Среднюю Азию через Оренбург и о необходимости заменить этот путь путями на Красноводск и на Усть-Урт. Крыжановский считал более важным как в торговых, так и в административных интересах соединение Туркестанского края хорошей дорогой и почтовым сообщением с Россией через Казалинск и Оренбург [73].

---

[71] ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 16, д. 182, л. 7.
[72] Там же, лл. 11—13, 22—23.
[73] ЦГВИА, Канцелярия военного министра, ф. 1, оп. 2, д. 742, л. 73.

Прав ли Кони, обвиняя купечество в противодействии постройке предлагаемой им железной дороги, трудно судить. Из изложенного материала видно, что какое бы направление не отстаивали те или иные деятели, в постройке железной дороги в Средней Азии был заинтересован довольно большой круг лиц, представлявших часто торговые или ученые общества. Предлагавшиеся проекты освещались в прессе. Но правительство не принимало конкретных мер к постройке железной дороги в Среднюю Азию, и только в 1881 г. из стратегических соображений в связи с походом в Ахал-Текинский оазис была построена первая железнодорожная линия от Каспийского побережья по туркменской территории.

Имели место только отдельные мероприятия для улучшения путей сообщения в Средней Азии: в 1871 г. был открыт тележный путь к озеру Иссык-Кулю и к Нарыну. В том же году было построено шоссе от Ташкента до Тойтюбе [74]. Но эти отдельные мероприятия не вносили радикальных перемен в способы сообщения в Средней Азии, и в середине 80-х годов слышались жалобы на отсутствие там железных дорог [75]. Единственным мероприятием, имевшим серьезное значение и для торговли, было утвержденное царем 2 мая 1870 г. мнение Государственного совета об устройстве телеграфного сообщения от Барнаула через Верный до Ташкента [76].

Долго не строились и дороги из центра России до Оренбурга, несмотря на потребность в них. Оренбургский генерал-губернатор Крыжановский писал в 1870 г., что жители Оренбургского края были «несказанно обрадованы» известием о «высочайшем повелении» строить железную дорогу от Самары до Оренбурга [77]. В «Туркестанских ведомостях» сообщалось в сентябре 1870 г. о радости оренбуржцев и Туркестанского края по случаю «высочайшего разрешения» провести железную дорогу от Оренбурга до Моршанска одновременно с железной дорогой Самара — Оренбург. Корреспондент газеты отмечал чрезвычайную важность этих дорог не только для Оренбурга, но и для всего Туркестанского края [78]. Но дорога Самара — Оренбург была открыта только в 1876 г.

Кроме вопроса о железной дороге вставал также вопрос и о водном сообщении в Средней Азии. В связи с этим обсуждалось

---

[74] «Туркестанские ведомости», 1871, № 13, 34.

[75] Так, например, С. И. Идаров в статье «Значение Индии в политике России с Турцией и Англией» отмечал, что без железной дороги невозможно будет торговать в Средней Азии («Русский вестник», 1884, № 6, стр. 553).

[76] «Туркестанские ведомости», 1870, № 8.

[77] ЦГВИА, Канцелярия военного министра, ф. 1, оп. 2, д. 742 (отчет генерал-адъютанта Крыжановского по управлению Оренбургским краем с марта 1868 по октябрь 1870 г.), л. 62.

[78] «Туркестанские ведомости», 1870, № 11.

предположение об использовании высохшего русла реки, когда-то вытекавшей из Сарыкамышского озера, и ошибочно принимавшейся за старинное русло Аму-Дарьи, для поворота последней в Каспийское море [79]. Известный востоковед, председатель пограничной оренбургской комиссии В. В. Григорьев, например, подал в 1864 г. в совет «Географического общества» записку, в которой спрашивал: «Текла ли когда Аму-Дарья в Каспийское море?» Отвечая положительно на этот вопрос, Григорьев призывал к мероприятиям, которые бы возвратили Аму-Дарью к старому руслу: «Осуществление такого предприятия, не требуя и сотой доли тех капиталов, какие нужны для канализации Суэцкого перешейка, было бы делом, по всемирно-историческому значению своему почти столь же важным, как и соединение Черного моря со Средиземным» [80].

Повороту Аму-Дарьи к Каспийскому морю уделялось внимание и позже — в 70-х годах. Так, например, в «Материалах для статистики Туркестанского края» печаталось много статей, посвященных этому вопросу, который ставился даже так: «В настоящее время географический вопрос о старом русле Аму-Дарьи делается промышленно-торговым, но таковым он был и 50 лет тому назад» [81].

Были и противники высказанного мнения. Так, например, Стебницкий считал, что вода по старому руслу не дойдет до Каспийского моря [82]. Автор статьи «Новый шаг в Средней Азии», посвященной вопросу о занятии Красноводского залива, писал: «...обращение Аму-Дарьи в Каспийское море есть, конечно, только мечта...» [83].

Если бы поворот Аму-Дарьи в Каспийское море мог осуществиться, этот акт мог бы привести к уничтожению Хивинского оазиса, т. е. к превращению его в пустыню, так как в таком случае Хива была бы лишена орошения. Но это не останавливало сторонников аму-дарьинского пути. Один из них возражал Стебницкому: «... если б даже все Хивинское ханство обратить в пустыню, то доход, получаемый нашим купечеством и казной от поворота Аму-Дарьи, далеко превзойдет доход нынешнего ханства и, следовательно, в общем человечество выиграет, а жители Хивы совьют себе новые глиняные гнезда, где им укажут» [84]. Крайний цинизм, ярко выраженный в этой статье,

---

[79] Е. А. Княжецкая. Литература о Западном Узбое. 1714—1950 гг. Ашхабад, 1956, стр. 9.

[80] «Материалы по вопросу о торговых путях в Среднюю Азию», стр. 70—74.

[81] «Материалы для статистики Туркестанского края». Ежегодник под ред Н. А. Маева, вып. 2. СПб., 1873, стр. 13 и др.

[82] Там же, стр. 24.

[83] Л. М — р. Новый шаг в Средней Азии.— «Вестник Европы», 1870, кн. VI, стр. 809.

[84] «Туркестанские ведомости», 1871, № 31.

показывает колониальные устремления царской политики, деятели которой не останавливались перед возможностью уничтожения целого большого оазиса в своих выгодах и интересах.

Обсуждались также возможности пароходного сообщения со Средней Азией. Каспийское пароходство было создано в 40-х годах XIX в.[85] В конце 50-х годов было образовано общество «Кавказ», имевшее целью учреждение пароходств на Каспийском море[86].

После возведения в 1847 г. укрепления Раимское, впоследствии переименованного в Аральское, открылось плавание по Аральскому морю (на двух шхунах, двух баркасах и семи лодках)[87]. В начале 50-х годов была учреждена казенная Аральская флотилия, которая в конце 70-х годов состояла из четырех пароходов (от 70 до 20 сил каждый), одного парового баркаса и пяти барж. К 1 января 1870 г. в Аральской флотилии служили 11 офицеров и чиновников и 319 нижних чинов. В навигацию 1870 г. суда Аральской флотилии перевезли 154 тыс. пудов казенного груза (в основном военного назначения) и только около 8 тыс. пудов частного, т. е. большей частью коммерческого груза[88]. Назначение флотилии, таким образом, имело ярко выраженный военный характер. Незначительное количество частных (коммерческих) грузов отмечал Кауфман в своем отчете за 1868 год[89]. При этом флотилия не всегда удачно перевозила частные грузы. Так, например, произошел несчастный случай с хлопком Хлудова, который пришлось среди пути выбросить на пустой берег. Хлудов, нанявший потом верблюдов, очень дорого заплатил за перевозку груза[90].

Вопрос об Аральской флотилии и в связи с этим вопрос о частном пароходстве по Аральскому морю, по Сыр-Дарье и Аму-Дарье неоднократно обсуждался в Ташкенте, в Военном и других министерствах. Оставалось неясным, почему так мало товаров перевозилось Аральской флотилией: потому ли, что она не обладала достаточными для этого средствами, или потому, что торговля со Средней Азией была еще слабо развита и было мало предложений со стороны купцов на перевозки товаров водным путем.

В своем «всеподданнейшем» отчете за 1868 г. Кауфман, осматривавший Аральскую флотилию, отмечал, что она не успе-

---

[85] М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке, стр. 329.

[86] «Акты Кавказской археологической комиссии», т. XII. Тифлис, 1904, док. 351, 355.

[87] М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке, стр. 366.

[88] АВПР, Главный архив, I-9, 1870 г., д. 16, л. 7; ЦГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 907, стр. 196, 202; д. 908, л. 101 об.

[89] ЦГВИА, ф. 1, оп. 2, д. 906, л. 85 об.

[90] АВПР, Главный архив, I-9, 1870 г., д. 16, л. 7 об.

вает перевозить не только частные грузы, но и значительную часть казенных, и что только недостаток перевозочных средств флотилии мешает торговле направиться по Сыр-Дарье. Кауфман ожидал расширения русской торговли со Средней Азией и перемены направления ее торгового пути — через Каспийское море. В связи с этим Кауфману представлялась перспектива увеличения перевозки товаров водным путем, а в результате этого и перспектива передачи флотилии в частные руки. Но и Кауфман, так оптимистически смотревший на ближайшее будущее развития торговли со Средней Азией и являвшийся сторонником развития этой торговли по Каспийскому морю, считал невозможной передачу Аральской флотилии в частные руки из-за недостатка перевозочных средств флотилии и отсутствия точных сведений о торговых оборотах между Европейской Россией и Сыр-Дарьинским районом Средней Азии [91].

Между тем появились частные предприниматели, желавшие взять в свои руки пароходство в районе Аральского моря с условием передачи им казенной Аральской флотилии. Одним из первых таких предпринимателей был некто Брылкин, подавший в Военное министерство заявление об учреждении частной компании пароходных сообщений по Сыр-Дарье и Аральскому морю. Заявление Брылкина относится, по всей вероятности, к 1868 г. Мы узнаем о нем из пометы, сделанной в Военном министерстве на полях отчета Кауфмана за 1868 г. [92]

В конце декабря 1869 г. военному министру и Кауфману был представлен проект акционерного товарищества «Лебедь», предлагавшего взять на определенных условиях Аральскую флотилию в свое ведение для устройства регулярного сообщения России с Туркестанским краем. Но агент товарищества «Лебедь», прибывший для ознакомления с сыр-дарьинским пароходством на месте, нашел, что чисто коммерческое пароходство по Сыр-Дарье невозможно из-за незначительного количества перевозимых товаров.

Сообщая об этом в своем отчете за 1869 г., Кауфман находил условия, предлагавшиеся компанией «Лебедь», выгодными для казны. Из пометы на полях доклада Кауфмана мы узнаем, что компания «Лебедь» отказалась от осуществления своего проекта [93]. В отчете же Кауфмана за 1870 г. указано, что министр финансов Рейтерн отказал товариществу «Лебедь» в передаче ему Аральской флотилии, считая предложенные условия невыгодными для казны [94].

Как раз в это время выступил со своим предложением Северцов, подавший в ноябре 1870 г. записку министру иностранных

[91] ЦГВИА, ф. 1 (Ленинградский), оп. 2, д. 906, лл. 85, 88, 91 — об.
[92] Там же, л. 91 об.
[93] Там же, д. 907, стр. 215—216.
[94] Там же, д. 908, л. 105 об.

дел Горчакову от имени своего и купцов Первушина и Хлудова. Указанные лица просили о разрешении учредить акционерную компанию «Среднеазиатское общество пароходства и торговли» с капиталом в 2400 тыс. руб., «независимо от приобретения Аральской флотилии, буде правительство признает нужным обязать „Общество" приобрести ее». «Общество» обязалось производить еженедельные рейсы (в период навигации) между Чиназом (около Ташкента) и Казалинском для перевозки казенных и частных грузов и пассажиров, по мере надобности — перевозить на своих судах тяжелую почту, а в случае войны — оказывать необходимую помощь, заменив Аральскую флотилию. Имея в виду последнюю цель, суда «Общества» должны были быть соответственно оборудованы, т. е. должны были иметь на своем борту солдат, пушки и другое военное оборудование. По примеру других пароходных обществ («Русское общество пароходства и торговли», общество «Кавказ и Меркурий») «Общество» просило у правительства пособие в виде платы по 4500 кредитных руб. за рейс (всех рейсов в навигацию не меньше 36) и право распространить свои действия и на Аму-Дарью, «как только правительство признает это возможным».

В пояснительной записке к уставу «Общества» отмечался быстрый рост среднеазиатской торговли и помеха развитию этой торговли в господствовавших караванных путях сообщения. Особенно важным представлялся составителям записки вывоз из Средней Азии хлопка, которым они предполагали заменить в недалеком будущем американский хлопок. Составители проекта считали, что если торговлю продолжать вести сухопутными караванными путями, то следует ожидать полного упадка торговли среднеазиатским хлопком, которая, по их мнению, одна обеспечивает рынок русским текстильным изделиям, так как среднеазиатский хлопок не сможет конкурировать с индийским, привозимым через Суэцкий канал к Черному морю. Записка заканчивалась следующими словами: «...проектируемое нами среднеазиатское пароходство есть настоятельная коммерческая необходимость, а с торговлей связано и наше мирное политическое значение в Средней Азии».

Составители проекта отрицательно относились к постройке железной дороги (не только паровой, но и конной) в степи и на территории Средней Азии, объясняя это тем, что, по их сведениям, даже для строительства оренбургско-самарской железной дороги больше обращалось внимания на перевоз илецкой соли, пшеницы (производимой в прилегающей к железной дороге местности), казахских кож и сала, чем на торговлю с Туркестанским краем, которая не может окупить расходы по постройке и эксплуатации железной дороги. Что же касается самой организации пароходного общества, то инициаторы его учреждения неоднократно указывали, что, зная обращающиеся в Средней Азии

капиталы, нельзя рассчитывать больше чем на 500—600 тыс. руб. Недостаток капитала, по их словам, и был главной причиной, заставившей их обратиться к правительству за помощью в виде порейсовой оплаты [95].

Из обзора состояния путей сообщения между Россией и Средней Азией и на территории Средней Азии видно, что необходимость коренного изменения этих путей в целях развития торговли признавалась многими представителями русского купечества, общественными и административными деятелями, но практически положение оставалось без существенных перемен: железные дороги не строились и основным способом сообщения оставалось по-прежнему движение караванов.

---

[95] АВПР, Главный архив, I-9, 1870 г., д. 16, лл. 2—9; А. Л. Попов. Указ. соч., стр. 220.

Глава IV

АНГЛО-РУССКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО

Вопрос об англо-русском соперничестве в Средней Азии нельзя рассматривать в узко торговом плане, так как англо-русское политическое соперничество в общей системе международных отношений было одним из факторов, оказывавших отрицательное воздействие на русскую торговлю в Средней Азии, вызывая постоянные опасения среди русских купцов.

Угроза овладения англичанами рынками Средней Азии вызывала большое беспокойство в России и среди представителей царской администрации, и среди русских купцов и фабрикантов.

Еще в конце 40-х годов ростовский купец Пичугин, торговавший в Средней Азии, писал в «Северной пчеле» о том, что в Среднюю Азию через Мешхед и Кабул привезено много английских товаров, в особенности ситцев. Пичугин опасался, что Англия «упредит» Россию и займет Бухару и Хиву [1].

В 1852 г. оренбургский генерал-губернатор Перовский сообщал директору Азиатского департамента Сенявину, что, по сведениям ростовского мещанина Ключарева, бывшего приказчика компании Баранова, Зубова и Пичугина, посланного в Кокандское ханство и побывавшего в Ташкенте, туда через Бухару привозились английские ткани азиатскими комиссионерами английских купцов, которые вывозили из Средней Азии только золото и небольшое количество шелка [2].

Еще несколько ранее, в 1850 г., Г. Неболсин в своей книге «Статистическое обозрение внешней торговли России» писал, что английские ситцы стали проникать в Бухарское ханство через Мешхед, но в это время их сбыт был «весьма маловажен». Неболсин рекомендовал сбывать русские хлопчатобумажные изделия преимущественно в Средней Азии, так как в других

---

[1] М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.— Л., 1949, стр. 314, 315.

[2] Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 10, 1851 г., д. 6590б, лл. 63—78.

азиатских странах торговля этим товаром встречала соперничество западноевропейских хлопчатобумажных изделий [3].

По мнению генерала Хрулева, высказанному в 1856 г., русская торговля в Средней Азии не могла развиваться в необходимой степени из-за английской конкуренции. В своей записке о торговых и военных предприятиях в Средней Азии генерал Хрулев утверждал, что он «лично видел, что наши киргизы носят беспошлинно халаты с английской подкладкой» [4].

Позднее, в 1863 г., в связи с опубликованием им «Проекта устава товарищества для развития торговли со Средней Азией», генерал Хрулев, снова указывая на английскую конкуренцию как на препятствие для развития русской торговли в Средней Азии, выражал уверенность в преодолении этого препятствия устройством пути между Хивой и Каспийским морем, так как «товары русские по дешевизне везде проложат себе путь». «Немногим известно,— писал Хрулев,— [что] товары наши в Средней Азии до самого Афганистана ценятся выше английских. Довольно странно, что английские ткани, приготовляемые для Азии, так дурны, что не могут выдержать даже самого поверхностного сравнения с русскими. Все ситцы их и другие бумажные ткани жидки, редки, до невероятности только налощены и подклеены. Но если с нашей стороны не будет взято никаких мер, то и эти плохие ткани должны будут занять место наших и торговля наша упадет еще более» [5].

В очерках торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканд ом П. Небольсина, вышедших в 1856 г., автор отрицательно относится к возможности уменьшения сбыта русских товаров из-за английской конкуренции, указывая на дороговизну английских товаров [6].

В 1857 г. Горчаков докладывал Александру II, что в Бухару и Хиву приехал английский агент в целях разрушить там торговые связи с Россией. Это сообщение было одним из доводов для организации миссии Игнатьева в Хиву и Бухару в 1858 г. [7]

В инструкции Н. П. Игнатьеву поручалось изучить приемы английской торговли в ханствах и изыскать средства для удержания за Россией «необходимо нужного для нас первенства на среднеазиатских рынках» [8].

---

[3] Г. Небольсин. Статистическое обозрение внешней торговли России. СПб., 1850, ч. II, стр. 372.

[4] АВПР, Главный архив, I-9, 1856 г., д. 12, л. 87 об.

[5] «Проект устава товарищества для развития торговли со Среднею Азиею», сост. С. Хрулев. СПб., 1863, стр. 25—27.

[6] П. Небольсин. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканом со стороны Оренбургской линии. СПб., 1856, стр. 32.

[7] Н. А. Халфин. Политика России в Средней Азии (1857—1868). М., 1960, стр. 85.

[8] АВПР, Главный архив, I-9, 1857—1868 гг., д. 6, ч. II, л. 418.

Как видно из приведенных источников, уже в 50-х годах вопрос об английском торговом соперничестве в Средней Азии беспокоил царских чиновников и русских купцов. Беспокойство это усилилось в 60-х годах, когда царские войска начали продвижение в глубь территории Средней Азии. При этом различные источники по разному оценивали значение английской торговли для русской торговли в Средней Азии. Одни считали ее ничтожной и не имеющей будущего, другие, наоборот, рассматривали ее как серьезную угрозу развитию русской торговли в среднеазиатских ханствах.

По мнению Министерства иностранных дел, сравнение записки англо-индийского правительственного комиссара Дугласа Форсайта, составленной в 1868 г., с отчетом Дэвиса, представленным английскому парламенту и сообщенным русским послом в Лондоне в 1864 г., показывает удивительно значительные для такого короткого срока успехи англичан как в торговле, так и в изучении Средней Азии [9].

Автор многих статей, резко направленных против продвижения царских войск в Средней Азии, Вамбери, путешествовавший по Средней Азии под видом дервиша и чрезвычайно враждебно настроенный по отношению к России, также указывал в 1867 г. на торговые отчеты Дэвиса как на источник, показывающий усиление английской отпускной торговли в Среднюю Азию. Но будущее этой торговли Вамбери оценивал пессимистически, правда, это относилось не к возможностям английской торговой деятельности в Средней Азии, а к политике царского правительства России, войска которого в это время упорно продвигались в глубь Средней Азии, что Вамбери считал не менее значительным препятствием на пути английских товаров, чем произвол и деспотизм среднеазиатских ханов. Надежду некоторых англичан на рост английской торговли в связи с присоединением Средней Азии к России Вамбери называл несбыточной [10].

Среди русских публицистов были такие, которые не придавали значения влиянию английской конкуренции на развитие русской торговли в Средней Азии. К числу их принадлежал И. Янжул, писавший в 1869 г., что соперничество англичан в Средней Азии ничтожно, в то время как оно имеет большое значение для русской торговли в Персии, Турции и Китае. Главными причинами слабого развития английской торговли в Средней

---

[9] **АВПР**, Главный архив, I-9, 1868 г., д. 24, л. 2. Доклад Р. И. Дэвиса, который был секретарем управления Пенджаба, а затем вице-губернатором Пенджаба, опубликованный в 1862 г. в Лахоре, представлял библиографическую редкость уже в начале 70-х годов (Н. Б. Байкова. Англо-кашгарский торговый договор 1874 г. Ташкент, 1950, стр. 133, 259, 261. Канд. дисс. Хранится в Государственной публичной библиотеке им. В. И. Ленина).

[10] Г. Вамбери. Соперничество России и Англии в Средней Азии.— «Записки для чтения». СПб., 1867, декабрь, стр. 212—213.

Азии Янжул считал дороговизну английских товаров в сравнении с русскими, давность русской торговли в Средней Азии, знание русскими купцами вкуса азиатских народов. Янжул указывал, что и в будущем не следует опасаться соперничества Англии, которой в торговле со Средней Азией не поможет и открытие Суэцкого канала. Единственным условием успешного развития английской торговли в Средней Азии Янжул считал занятие англичанами Герата, но в таком случае, отмечал он, «нужно принять в расчет, что русские к тому времени не преминут забрать в свои руки всю Бухару» [11].

Н. Шавров в докладе, сделанном им в «Обществе для содействия русской промышленности и торговле» в начале 70-х годов, говорил, что отделение Средней Азии от Индии снеговыми недоступными горами, большим расстоянием и опасными путями помешало англичанам завладеть среднеазиатским рынком, поэтому этот рынок всецело принадлежит России. Однако Шавров предостерегал от возможности потери среднеазиатского рынка в случае, если правительство не улучшит там путей сообщения [12].

Первенство России на рынках Средней Азии из-за трудности путей туда из Индии признавал и автор статьи, опубликованной в «Вестнике Европы» в 1870 г. [13]

Еще в 1857 г. известный экономист Гагемейстер писал, что торговое господство России на «северной покатости Азиатского материка не может быть потрясаемо» [14].

Но среди многих представителей царской администрации и среди купечества очень распространенным было мнение об опасности английской конкуренции в Средней Азии.

Директор Азиатского департамента Игнатьев в своем особом мнении по вопросу о вывозе звонкой монеты по азиатской границе писал в 1864 г., что главная помеха развитию русской торговли в Средней Азии — «постепенное овладение англичанами среднеазиатскими рынками» [15].

Министр финансов в отчете за 1865 г. обращал внимание на то, что русские товары, сбывавшиеся в Средней Азии, «в последнее время встречали соперничество в английских изделиях» [16].

Полковник Залесов в письме из Оренбурга, возражая против секвестрования товаров азиатских купцов, писал, что этого де-

---

[11] И. Янжул. Исторический очерк русской торговли со Средней Азией.— «Московские университетские известия», 1869, № 5, стр. 348—351.

[12] Н. Шавров. О путях для торговли России с Азией. Доклад, представленный в «Общество для содействия русской промышленности и торговле». СПб., 1873 г., стр. 9, Туркестанский рынок, стр. 26, 27.

[13] Л. М—р. Новый шаг в Средней Азии.— «Вестник Европы», 1870, кн. VI, стр. 811.

[14] Ю. Гагемейстер. Взгляд на промышленность и торговлю России, «Русский вестник», т. 7, кн. 1. М., 1857, стр. 45.

[15] АВПР, Главный архив, II-3, 1863 г., д. 5, лл. 12—18.

[16] ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 38, д. 818, л. 67.

лать не следует «уже потому, что целые колонии наших фабрикантов, выделывающих дешевые ситцы, нанку и проч., сядут у нас же на шее, потеряв сбыт своим произведениям, и, кто знает, эти принудительные меры, доведенные до крайности, не заставят ли азиятцев броситься в руки английских купцов, что, конечно, не будет нам выгодно?» [17].

В 1866 г. подполковник Генерального штаба Глуховской, принимавший активное участие в русской торговле со Средней Азией, рекомендовал царскому правительству оказать там покровительство русской торговле: «Англия имеет на своей стороне все шансы, чтобы склонить эмира на свою сторону и чтобы сделать из него самого верного союзника. Иначе сказать, Англия легко приобретает то, в чем состоит весь среднеазиатский вопрос, для выгодного решения которого необходимо только дать возможность появиться британскому купцу в Бухаре. После этого для Англии все будет возможно». По сведениям, собранным Глуховским «от разных достоверных лиц»; на базарах Бухары стало много английских товаров (русских товаров все же несравненно больше), несмотря на трудности провоза (английские товары, следуя с берегов Инда к берегам Аму-Дарьи, проходили через владения кандагарского, кабульского, кундузского, балхского ханов, которые требовали пошлин и подарков). Отмечая, что торговля английскими изделиями находится в руках богатых индийских торговых домов, которые в свою очередь отдают эти товары на комиссию, Глуховской высказывает опасение, что в случае если сами английские купцы появятся на рынках Бухары, создастся угроза русской торговле [18].

Позднее, в 1873 г., в записке туркестанскому генерал-губернатору Кауфману Глуховской писал: «Ныне все препятствия, стеснявшие до сих пор торговлю со Средней Азией, устранены и вскоре успешная конкуренция с нею для нас будет невозможною без немедленного открытия каспийско-аму-дарьинских путей и без включения среднеазиатских ханств в таможенный союз с Россией. Только эти меры и могут уравновесить преимущества английской торговли перед нашею» [19].

В мае 1868 г. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщали, что по рассказам бухарских купцов, прибывших с караваном из Бухары, туда из Индии через Кабул пришел караван в составе 4 тыс. верблюдов, доставивший в основном английские текстильные изделия. «Теперь самый удобный момент,— продолжала

---

[17]. «Московские ведомости», 1865, № 47.

[18] Глуховской. Записка о значении Бухарского ханства для России и о необходимости принятия решительных мер для прочного водворения нашего влияния в Средней Азии. СПб., 1867, стр. 18, 20 (подчеркнуто в тексте).

[19] АВПР, Главный архив, I-9, 1873 г., д. 14, л. 22.

газета,— упрочить наше влияние на среднеазиатские дела и торговлю, и если не совсем уничтожить, то хоть замедлить развивающуюся в этой местности политику Англии».

Оренбургский генерал-губернатор Крыжановский писал министру иностранных дел о прибытии в Бухару каравана с английскими товарами: «Англичане, по всем вероятиям, стараются сделать подрыв торговле нашей с азиятцами», их товары продаются несравненно дешевле русских «и через это около 40 человек приказчиков наших торговцев, пребывающих в настоящее время в Бухаре, лишены всякой возможности сбыть как бы то ни было товар свой». Английские изделия охотно покупались в Бухаре, но не могли там быть целиком реализованы. Поэтому высказывалось опасение о возможности отправки их в Коканд, Ташкент и другие города, а это вызывало беспокойство [20].

Купец Хлудов, торговавший в Средней Азии, в записке на имя оренбургского генерал-губернатора Крыжановского, поданной в 1867 г., с тревогой писал, что на очень важном для России бухарском рынке значительно расширилась в последнее время торговля английскими изделиями, привозимыми через Кабул и Персию [21].

В 1869 г. «Общество для содействия русской промышленности и торговле», обращаясь к правительству с просьбой об открытии торгового пути от восточного берега Каспийского моря к Аму-Дарье, мотивировало свое ходатайство опасением наплыва в Среднюю Азию товаров из Индии в связи с открытием Суэцкого канала и торгового пути через Афганистан в Среднюю Азию. По сведениям «Общества», этим путем в Бухару пришли 6 тыс. верблюдов с чаем и 560 верблюдов с европейскими товарами [22].

В том же 1869 г. общество «Кавказ и Меркурий» высказывало опасение, что англичане вытеснят русские товары из Средней Азии, как они это сделали в Персии [23].

Против мнения о незначительности английской конкуренции на среднеазиатском рынке категорически возражал на страницах «Туркестанских ведомостей» в 1871 г. Л. Костенко. Он считал, что даже поверхностный взгляд на базары Ташкента, Ходжента и Самарканда показывает преобладание на рынках Средней Азии известных родов английских изделий над русскими. Бумажные изделия Манчестера и Бирмингама, писал Костенко, доведены «до высшей степени совершенства и дешевизны» и, «естественно», должны «превосходить наши изделия». Несмотря на продолжительность и дороговизну пути, английские хлопчатобумажные ткани доходили даже до Оренбурга. «Если английские ситцы по

[20] АВПР, Главный архив, I-9, 1852 г., д. 8, ч. II, лл. 235—235 об.; «Санкт-Петербургские ведомости», 1868, № 11, 121.
[21] АВПР, Главный архив, II-3, 1863 г., д. 4, лл. 10—18.
[22] АВПР, Главный архив, II-3, 1869—1871 гг., д. 3, л. 3 об.
[23] ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 29, д. 17, л. 5.

количеству привоза в Среднюю Азию уступали нашим, то кисеи их совершенно устранили наши». Кисея была тем материалом, из которого в Средней Азии делались чалмы. Отсюда ясен большой спрос на нее на среднеазиатском рынке. Английская кисея как один из высших сортов хлопчатобумажных тканей вытесняла русскую. Зато дешевые сорта материй русского происхождения, например ситец, предпочитались английским.

Хотя Костенко, как мы видели, резко возражал сторонникам оптимистического взгляда на английскую конкуренцию, он все же признавал: «Несмотря на соперничество англичан, русская торговля в Средней Азии все-таки была всегда первенствующею, и общею суммою оборотов далеко превосходила английскую».

Костенко обращал внимание еще на два факта, свидетельствовавшие об успешной торговле России в Средней Азии, несмотря на английскую конкуренцию. Он отмечал, что в течение 60-х годов стал уменьшаться вывоз в Среднюю Азию русской звонкой монеты и, наоборот, средне-азиатская звонкая монета «переходит в наши руки, заменяясь нашими кредитными рублями». Между тем просьбы о запрещении вывоза звонкой монеты связывались с вопросом о ввозе в Среднюю Азию английских изделий, так как они почти целиком покупались на звонкую монету. Поэтому уменьшение вывоза из России звонкой монеты показывает, что и сбыт в Средней Азии английских изделий не увеличивался.

Другим фактом, на который обращал внимание Костенко, было уменьшение ввоза хлопчатобумажных изделий из Средней Азии в Россию и замена снабжения этими изделиями пограничного населения России русскими хлопчатобумажными тканями [24].

Тем не менее одновременно с «высочайше» утвержденным мнением Государственного совета от 22 апреля 1868 г. об упразднении Оренбургской и Сибирской таможенных линий был запрещен ввоз иностранных товаров в Туркестанский край [25].

Английский посол в Петербурге выражал директору Азиатского департамента в беседе с ним осенью 1869 г. неудовольствие английского правительства мерами, стеснившими английскую торговлю в Средней Азии. Посол отстаивал идеи свободы торговли. В ответ директор Азиатского департамента сказал, что Англия стала применять свободу торговли, достигнув промышленного «совершенолетия», а «мы еще до сих пор далеки от такого возраста, и ...как ни приятно нам делать угодное Англии и ее торговле, но... требования нашей собственной торговли и промышленности должны стоять на первом для нас плане». О происходившем разговоре мы узнаем из письма директора Азиатского департамента русскому послу в Лондоне от 1 ноября 1869 г.

---

[24] «Туркестанские ведомости», 1871, № 5, стр. 21—23.
[25] Там же, стр. 22.

В другом письме от того же числа русскому послу директор Азиатского департамента объяснял, что принятая мера носит временный характер, что русской торговле необходимо было оказать «хоть на первое время» «исключительное покровительство». Поэтому «туркестанское начальство вынуждено было прибегнуть к чрезвычайной мере, а именно — временно запретить ввоз всех товаров индийского происхождения, за исключением индиго и кисеи» как предметов, необходимых населению, ввоз которых был разрешен с 50%-ной пошлиной [26].

Изложенный материал приводит к следующим выводам. Англо-индийское правительство и купечество прилагали старания к тому, чтобы вытеснить русские изделия из Средней Азии и овладеть среднеазиатским рынком. Эти стремления англичан вызывали беспокойство царской администрации и русских купцов. Мнения об успешности английской конкуренции противоречивы, но и наиболее пессимистически настроенные представители русского общественного мнения опасались английской конкуренции в будущем; для 60-х же годов и они признавали, что английские изделия не могли удачно соперничать с русскими на рынках Средней Азии.

Указания на вытеснение русскими изделиями среднеазиатских тканей среди пограничного русского населения и уменьшение вывоза русской монеты в ханства являются показателями сравнительно успешной торговли русскими товарами на среднеазиатских рынках.

Что же касается вывоза звонкой монеты, здесь имеются официальные данные департамента внешней торговли: в 1850 г. по среднеазиатской границе (через таможни Астраханскую, Оренбургскую, Петропавловскую и Семипалатинскую) вывозилось звонкой монеты на 218 тыс. руб., а в 1867 г.— на 219 тыс., в то же время товаров из России в Среднюю Азию вывозилось в 1850 г. на 2583 тыс. руб., а в 1867 г.— на 16 634 тыс. руб. Таким образом, в то время как экспорт товаров вырос в шесть раз, вывоз звонкой монеты не увеличился. Это показывает, что английская конкуренция не могла нанести серьезного удара русской торговле в Средней Азии, что ясно видно на примере вывоза из России хлопчатобумажных изделий: в 1850 г. их было вывезено на 1243 тыс. руб., а в 1867 г.— на 10 797 тыс. [27], т. е. в 8,5 раза больше.

Как неоднократно указывалось, английские изделия покупались в Средней Азии на звонкую монету, которая в основном привозилась из России. Поэтому цифровые соотношения между вывозом в Среднюю Азию звонкой монеты и изделий русской

[26] АВПР, Главный архив, II-3, 1869 г., д. 2, лл. 17, 26.

[27] «Государственная внешняя торговля» за 1850 г., стр. 82—83; «Виды внешней торговли России» за 1867 г., ч. II, стр. 29, 100.

промышленности показывают, что в то время как русская торговля в Средней Азии в 60-х годах росла, английская торговля не развивалась.

Об этом свидетельствует и английский источник. Правительственный комиссар Дуглас Форсайт, направленный в Северную Индию в 1866 г. для изыскания нового пути в Туркестан, представил в 1867 г. меморандум, в котором писал, что «мы (т. е. англичане.— *М. Р.*) сможем занять командное положение во всей среднеазиатской торговле» и что «против этого было выдвинуто лишь одно возражение, а именно, что торговля эта имеет слишком незначительную ценность. Однако с тех пор многое серьезно изменилось»[28]. Эту перемену Форсайт видел в том, что царскими властями в 1866 г. был запрещен пропуск в Россию бухарских купцов по той причине, что бухарский эмир задержал русское посольство, посланное в Бухару генералом Черняевым. Указывая на то, что этим актом русско-бухарская торговля парализована, Форсайт возлагал большие надежды на рост английской торговли. Однако запрет, наложенный на бухарские товары, был вскоре отменен и, таким образом, надежды Форсайта не оправдались.

Важным источником для изучения английской торговли в Средней Азии является свидетельство А. К. Гейнса, совершившего в 1866 г. путешествие в Туркестан и бывшего впоследствии (с 1867 г.) правителем канцелярии туркестанского генерал-губернатора. Собрать сведения о торговле стоило, по словам Гейнса, напряженных усилий с утра до вечера в дни пребывания его в Ташкенте. Свое мнение об ост-индской торговле в Средней Азии Гейнс основывал на рассказах Хаджи-Юнусова — лучшего маклера ташкентского базара, побывавшего в Индии, двух индусских и одного афганского купцов, сообщивших, что причина успехов английской торговли в Азии заключается в приспособлении к вкусам потребителей, но товары, приходившие из Англии в Среднюю Азию, не нравились ее населению: товары, привозившиеся в Среднюю Азию через Кабул, были рассчитаны на индийский вкус, а привозившиеся через Мешхед — на персидский. По словам Хаджи-Юнусова, англичане желали проникнуть со своими изделиями в Среднюю Азию, но не могли этого сделать, и поэтому английские фабрики не готовили изделий, соответствовавших вкусу населения Средней Азии[29].

Более поздние источники также говорят о небольших успехах англичан в торговле на среднеазиатских рынках. Так, в «Туркестанских ведомостях» были опубликованы цены на некоторые английские и русские изделия в Самаркандском отделе Зерав-

---

[28] Н. Б. Байкова. Англо-кашгарский торговый договор 1874 г., стр. 132, 142—143.

[29] «Собрание литературных трудов А. К. Гейнса», т. II. СПб., 1898, стр. 528—529, 535.

шанского округа, существовавшие весной 1871 г.[30] По этим данным, аршин лучшего русского ситца стоил 22, английского — 70 коп., среднего русского ситца — 20, английского — 50 коп., низшего русского ситца — 15, английского — 25 коп.

Отсюда видно, что подавляющая часть английских хлопчатобумажных тканей была значительно дороже русских. Правда, в 1868 г. привоз иностранных товаров в Туркестанский край (за исключением индиго и кисеи) был запрещен и английские ситцы, таким образом, проникали в Самарканд нелегально, что, естественно, способствовало повышению их цен, но все же огромная разница в ценах на русский и английский ситцы говорит о трудности проникновения английских изделий в Туркестанский край.

Это подтверждают еще более поздние данные. Русский агент в Бухаре доносил туркестанскому генерал-губернатору весной 1889 г. (в это время в Туркестанский край был запрещен ввоз кисеи низшего достоинства, индийской парчи, кашемира и других товаров), что лучшей английской кисеи, привоз которой в Туркестанский край разрешался, было доставлено туда только 108 пудов ценностью в 4339 руб. В то же время в Бухару, куда английские товары проникали свободно (запрещение 1868 г. относилось только к русским владениям в Средней Азии и не распространялось на ханства, находившиеся под царским протекторатом), английской кисеи высшего достоинства было привезено тоже не так много: около 2000 пудов, или 960 тыс. аршин, английской кисеи низшего сорта было привезено в Бухару в 1888 г. только 96 тыс. аршин[31], что не могло удовлетворить потребности бухарского населения.

Таким образом, можно констатировать, что англичане, несмотря на старания, не могли вытеснить русских изделий со среднеазиатских рынков[32]. Причина этого заключалась, с одной стороны, в географическом положении среднеазиатских ханств, отделенных от английских владений в Ост-Индии горным хребтом, что создавало почти непреодолимые трудности сообщения. К тому же этот путь шел через Афганистан, где англичанам сопутствовали неудачи в политических отношениях с этой страной. С другой стороны, большое значение имело то обстоятельство, что англичане сбывали свои изделия в Средней Азии почти исключительно в обмен на драгоценные металлы, вывозя только небольшое количество шелка, в то время как в Россию в обмен на изделия из Средней Азии вывозились хлопок, пряжа, ткани и другие товары. Вследствие этого население Средней Азии было больше заинтересовано в торговле с Россией, чем в торговле с Ост-Индией, поэтому и связи с Россией были более тесными.

---

[30] «Туркестанские ведомости», 1871, № 20.

[31] АВПР, Главный архив, II-3, 1867 г., д. 4, л. 18.

[32] С этим согласен и советский исследователь Н. А. Халфин («Политика России в Средней Азии (1857—1868)». М., 1960, стр. 49).

Серьезное значение имела также давность торговых отношений России и Средней Азии.

Тем не менее угроза английского соперничества была препятствием в развитии русской торговли в Средней Азии и занимала общественное мнение России. Русское купечество было обеспокоено угрозой английской конкуренции, несмотря на то, что практически проникновение английских товаров в ханства Средней Азии было ограничено. Беспокойство это питалось тем, что, во-первых, англо-индийское правительство активно стремилось овладеть рынком Китайского Туркестана, во-вторых, оно предпринимало меры к постройке сети железных дорог в Индии и проводило там другие мероприятия; в-третьих, на общественное мнение России воздействовала острота англо-русских противоречий в политическом плане.

Бессильные вытеснить русские изделия с рынков среднеазиатских ханств, англичане обратили специальное внимание на Кашгар, где их агенты развили энергичную деятельность.

В 60-х годах в результате восстания дунган западные провинции Китая оказались вне власти маньчжурской династии, в частности, в Кашгаре властвовал бывший правитель Ак-Мечети Якуб-бек, резиденцией которого был город Яркенд.

Английское правительство стремилось оказать давление на Якуб-бека, который был склонен поддерживать дружественные отношения с Англией хотя бы потому, что считал англичан друзьями турецкого султана — главы ислама.

Ост-индское правительство посылало в Кашгар политических и военных агентов и оказывало помощь в вооружении отрядов Якуб-бека.

Ездивший в Кашгар во главе посольства в 1870 г. Дуглас Форсайт еще в 1868 г. писал в своем заключении, представленном английскому вице-королю в Индии и британскому кабинету, о благоприятно сложившихся для активизации английской политики в Восточном Туркестане обстоятельствах[33].

В 1868 г. Форсайт, по сообщению «Таймс», созвал совещание купцов в Кашмире (в Лехе) по вопросу о торговле между Яркендом и Индией. На этом совещании присутствовал представитель Якуб-бека Умр-бай, по словам которого, Якуб-бек остерегается торговать с англичанами и получать от них помощь, так как боится русских. Представитель Якуб-бека говорил Форсайту о попытке русских торговать в Гумах, что связано с их стремлением пройти через Яркенд, Кашгар и через Каракорумский перевал в Индию, а также о попытке построить мост через Нарын, против чего Якуб-бек возражал, так как это его территория.

---

[33] А. Ахметжанов. Агрессивные устремления английского капитализма в Западном Китае в 60—70-х годах XIX в.— «Уч. зап. Алма-Атинского гос. пед. ин-та им. Абая», т. XI (I). Серия общественно-политическая. Алма-Ата, 1956, стр. 143—144.

Умр-бай спросил Форсайта, поможет ли Англия Якуб-беку остановить вторжение русских в Кашгар в случае возникновения такой опасности. Якуб-бек, по свидетельству Умра-бая, хочет, чтобы англичане гарантировали независимость его владения путем дружественного соглашения с русскими. Вамбери, по словам Форсайта, обращал внимание на опасность нападения царских войск на Индию со стороны Каракорумского перевала и через Кашмир. Форсайт указывает, что, где могут пройти верблюды, там могут пройти и армии, и что из Яркенда к Леху и Индии легкая дорога, а Гумы господствуют над этой дорогой и ее торговлей. Поэтому, по мнению Форсайта, необходима «бдительность».

Далее корреспондент «Таймс» обращает внимание на то, что вопрос торговый есть также и вопрос высокой политики, и затем переходит к описанию состояния английской торговли в этом районе. В результате деятельности Форсайта и пребывания политического агента в Лехе торговля на этом рынке в направлении Яркенда, с одной стороны, Кашмира и Пенджаба — с другой, удвоилась в течение года. Товары в Кашгар и Яркенд шли кружным путем из Пешавара, но даже при этой длинной дороге, по единогласному мнению торговцев, английские товары дешевле русских. Прибыли англичан были огромны. По подсчетам, сделанным на совещании в Лехе, они составляли 47—197%. Шалевая шерсть, например, стоила в Индии в пять-шесть раз дороже, чем в Яркенде, откуда она вывозилась. Торговля, по словам корреспондента газеты, не меньше, чем политические соображения, требовала помощи Якуб-беку прямо и при посредстве открытия ярмарок и дорог. Корреспондент выражал надежду, что новый вице-король будет поощрять деятельность Форсайта, как это до сих пор делало министерство [34].

Подробное изложение статьи показывает, во-первых, активную торговую деятельность между Индией и Кашгаром, во-вторых, экспансионистское стремление англо-индийских властей закрепить за собой рынок и политическое влияние в Кашгаре в ущерб русским интересам.

Упоминание в статье о Вамбери неслучайно. Этот известный руссофоб, автор (кроме упомянутого описания путешествия) многих статей, постоянно подстрекавший английское правительство к активизации антирусской политики в Средней Азии, опубликовал в «Таймс» статью под названием «Посланник Коканда в Петербурге». В этой статье Вамбери обращает внимание читателей на важность для Британской империи охраны территории за Каракорумским перевалом и призывает к быстрому установлению связей Англии с Китайским Туркестаном, что, по его мне-

---

[34] «Times», November 12, 1868.

нию, спасет Британскую империю в Индии от большой беды и больших расходов [35].

То обстоятельство, что редакция «Таймс» поместила эту статью Вамбери, а затем в следующем же номере большую статью о торговле и политике в Восточном Туркестане, свидетельствует о серьезном интересе, который Великобритания имела в Китайском Туркестане, а через него и в Средней Азии, так как из Кашгара туда лежал прямой путь через Коканд и Семиречье.

Через несколько дней, 17 ноября, «Таймс» опубликовала корреспонденцию из Калькутты, в которой сообщалось, что правительство Индии обратилось в Лондон с предложением заключить какое-либо соглашение с Россией о признании в качестве нейтральной зоны не только Афганистана, но и Восточного Туркестана. В связи с этим калькуттский корреспондент писал о желании царского правительства господствовать над путями в Индию и о столкновении с Якуб-беком из-за постройки моста через Нарын. Рассматривая намерения царского правительства как возможную угрозу Индии корреспондент советовал английскому правительству войти в сношения с Россией и предложить царскому правительству прислать консула в Лахор, с тем чтобы оно допустило английского агента в Ташкент [36].

Приведенные статьи свидетельствуют о желании англо-индийского правительства утвердить свое влияние в Кашгаре. Это настойчивое стремление англичан беспокоило русское общественное мнение и русское купечество. Об этом говорят частые отклики русской прессы на статьи английских и вообще западноевропейских газет и журналов о положении дел в Средней Азии, в частности, упомянутая заметка калькуттского корреспондента была подробно изложена в «Санкт-Петербургских ведомостях» [37].

«Туркестанские ведомости» отмечали, что англичане прилагали все усилия, чтобы сделать Кашгар и Яркенд своими рынками: «На явное утверждение английского торгового влияния в Яркенде и Кашгаре следовало бы обратить внимание». Называя англичан «всесветным народом — торговцем», нацией, которая «знает, что торговое могущество идет рука об руку с политическим могуществом страны», газета высказывала возмущение спокойным отношением правительства к тому, что Англия моно-

---

[35] «Times», November 11, 1868.

[36] «Times», November 17, 1868. Может быть, в связи с возбуждением этого вопроса в начале 1869 г. по инициативе английского министра иностранных дел Кларендона возникли переговоры между царским и английским правительствами о нейтральной зоне в Средней Азии, а в конце того же года в Петербург приезжал неоднократно упоминавшийся нами Форсайт для переговоров по тому же вопросу. Обе попытки были безрезультатными (А. Л. Попов. Из истории завоевания Средней Азии,— «Исторические записки», т. 9, М., 1940, стр. 228).

[37] «Санкт-Петербургские ведомости», 16 ноября 1868 г.

полизировала яркендский рынок[38]. Управляющий Министерства иностранных дел писал министру финансов в 1871 г., что на рынках Восточного Туркестана, «вследствие установившихся с Индиею сношений, начинают появляться в значительном числе английские товары»[39].

В заседании коммерческого съезда 25 ноября 1870 г. Раевский (производивший в Туркестане опыты по выращиванию американского хлопчатника) говорил о мерах предотвращения прилива английских товаров в Коканд в случае, если бы рынки Кашгара были монополизированы англичанами. В ответ на это выступление Раевского на съезде было указано «на необходимость водворения русского торгового влияния в Кашгаре как на средство более верное и энергическое». Участники съезда говорили о Кашгаре как о естественном рынке сбыта русских текстильных изделий, приобретение которого «благодетельно отзовется на русской промышленности», указывали, что «теперь именно пора действовать», иначе англичане «из-под нашего носа урвут весьма лакомую и обширную область», и что насколько это вредит русским государственным и торговым интересам «легко может понять каждый, у кого есть на плечах голова»[40].

Между тем соперничество английских товаров, а главное, давление английских агентов на Якуб-бека оказывало чрезвычайно отрицательное влияние на русскую торговлю в Кашгаре, несмотря на то, что Якуб-бек дал согласие на установление правильных торговых сношений с Россией.

В первое время он действительно выполнял обещание. В марте 1868 г. Михаил Хлудов — владелец одной из крупнейших бумагопрядилен в России, находившейся в Егорьевске Рязанской губернии,— отправился в Кашгар с караваном товара, который был благополучно распродан. Когда Хлудов возвращался обратно, Якуб-бек отправил с ним в Россию своего племянника, который вел переговоры с Кауфманом в Петербурге.

Однако через некоторое время попытки русских купцов торговать в Кашгаре встретили серьезные затруднения[41].

Позднее, в начале 70-х годов, побывавшие в Кашгаре русские купцы Кузнецов, Немчинов и др. также жаловались на притеснения Якуб-бека.

Весной 1870 г. в «Туркестанских ведомостях» была помещена заметка, в которой говорилось, что, несмотря на внешнее доброжелательное отношение, действия Якуб-бека в отношении русской торговли не внушают доверия: русские караваны содержатся в Кашгаре под присмотром, русские товары закупает сам Якуб-бек

---

[38] «Туркестанские ведомости», 1870, № 12.
[39] АВПР, Главный архив, II-3, 1871 г., д. 3, л. 4 об.
[40] «Туркестанские ведомости», 1870, № 15.
[41] А. Л. Попов. Указ. соч., стр. 234.

по низким ценам, им самим назначаемым, в результате чего купцы остаются не только без барыша, но часто возвращаются с убытком. Далее в заметке сообщалось, что Якуб-бек ищет торговых и политических связей с Кульджей и что кульджинский хан, рассчитывая на поддержку кашгарского хана, не разрешает русским купцам из Семиречья торговать с его подданными [42].

Между тем английское правительство, стремясь подчинить своему влиянию Кашгар, действовало не только путем установления торговых связей. В 1870 г. в Кашгар прибыло английское посольство во главе с Форсайтом, который привез Якуб-беку в подарок артиллерийскую батарею и 10 тыс. ружей [43].

В 1872 г. «Русский Инвалид» сообщал о «лихорадочном характере» английской политики в Восточном Туркестане. Остиндское правительство посылало в Кашгар военных агентов или инструкторов, в числе которых было до 60 разных специалистов и техников для помощи в вооружении армии Якуб-бека. Кроме того, ему было послано до 3 тыс. ружей [44].

Барон Каульбарс, посланный царским правительством в Кашгар весной 1872 г., описал устроенный в честь прибывшего посольства смотр войск: действовавшую «по английским сигналам и командам» батарею, вооруженных «английскими винтовками со штыками» пехотинцев. «Нам было странно слышать в Кашгаре английские команды»,— писал Каульбарс [45].

Царское правительство летом 1871 года оккупировало Илийский край (Кульджинский район). Местное семиреченское начальство при поддержке Кауфмана намеревалось после оккупации Кульджинского района начать военные действия против Якуб-бека. Но царское правительство, как и прежде, в вопросах дальнейшего продвижения в глубь Азии опасалось английской агрессии и высказалось против наступления. Посланный в апреле 1872 г. в Кашгар во главе посольства Каульбарс заключил с Якуб-беком торговый договор [46].

Со своей стороны и англичане в 1874 г. заключили с Якуб-беком торговый договор [47].

В 1877 г. Якуб-бек умер, и вскоре в Кашгарии и вообще в западных провинциях Китая восстановилась власть китайского правительства, которому в 1881 г. Россия возвратила Кульджу.

Английские мероприятия в Кашгаре помешали русским купцам завязать там торговые связи. Между тем среди русского

---

[42] «Туркестанские ведомости», 1870, № 2.

[43] А. Л. Попов. Указ. соч., стр. 235.

[44] «Туркестанские ведом.», 1872, № 21 (сообщение «Русского инвалида»).

[45] «Туркестанские ведомости», 18 июля 1872.

[46] А. Л. Попов. Указ. соч., стр. 236—237.

[47] Этому договору специально посвящена работа Н. Б. Байковой «Англо-кашгарский торговый договор 1874 г.». Рукопись. Хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина.

купечества существовало мнение, что Туркестан, и в частности Ташкент, а также Коканд в целом и другие ханства Средней Азии служили как бы складочным местом для русской торговли с Кашгаром, который рассматривался как выгодный рынок[48].

Английская экспансия в Кашгар и настойчивое воздействие английских агентов на Якуб-бека оказывали отрицательное влияние и на русскую торговлю в ханствах. Укрепление англичан в Кашгаре создавало угрозу наводнения кокандского и других рынков Средней Азии английскими изделиями. Хотя английские товары не могли в больших количествах проникать в Туркестан и в ханства, находившиеся под царским протекторатом, не могли овладеть этими рынками и вытеснить оттуда русские изделия, тем не менее русское купечество, торговавшее в Средней Азии, находилось в постоянной тревоге, что не могло не отражаться отрицательно на русской торговле в Средней Азии.

Беспокойство вызывали и другие мероприятия англо-индийского правительства.

Еще в 1858 г. (после подавления восстания в Индии) был учрежден специальный комитет для развития английской торговли в Средней Азии, состав этого комитета утвердил английский парламент 22 марта 1858 г.[49]

Специальное внимание уделялось чайным плантациям. В начале 1865 г. из Калькутты сообщалось, что в Восточных Гималаях крестьяне под влиянием англичан стали успешно культивировать чай и что в будущем этот чай найдет широкий рынок как внутри страны, так и во всей Центральной Азии[50]. Через некоторое время из Калькутты писали, что владельцы чайных плантаций решили послать своего агента в Среднюю Азию, чтобы он открыл там рынки для гималайского плиточного чая, который будет переправляться через Гималаи кашмирскими и афганскими торговцами[51]. Производство гималайского плиточного чая, по мнению корреспондента из Калькутты, имеет большие перспективы, что видно из продажи одним купцом чая в Лехе по 6 шиллингов за фунт, в то время как в Кашмире он стоил почти 10 шиллингов[52].

Русское купечество как раз было очень озабочено проблемой чая, так как привоз чая по западноевропейской границе отрицательно влиял на торговлю в Кяхте[53]. В связи с этим кяхтинское купечество было заинтересовано в развитии чайной торговли в Средней Азии и послало туда своего представителя, купца Труб-

[48] См. записку Михаила Хлудова и статью Василия Хлудова в гл. VI настоящей работы.

[49] Н. А. Халфин. Указ. соч., стр. 58.

[50] «Times», February 16, 1865.

[51] «Times», April 22, 1865.

[52] «Times», August 24, 1868.

[53] См., например, В. Л — в. Торговые задачи России на Востоке и в Америке.— «Вестник Европы», 1871, кн. 2, стр. 757.

чанинова [54]. Понятно поэтому, что перспектива ввоза в Среднюю Азию гималайского чая не могла быть приятной русскому купечеству. По сообщению «Санкт-Петербургских ведомостей», «все рынки Средней Азии завалены зелеными чаями, привезенными через Индию... Есть слухи, что вместе с бухарскими евреями участвует в этой чайной торговле сильная английская компания». Корреспондент газеты советует обратить на это внимание [55].

В 1865 г., по сообщению газеты «Morning Herald», ставился вопрос об усилении флотилии на Инде и об открытии ярмарки в Пешаваре в связи с отчетом Форсайта о посещении им Нижегородской ярмарки, которая произвела на него большое впечатление, в частности, торговлей со Средней Азией [56]. В письме из Калькутты летом 1865 г. говорилось о предположении продлить восточно-бенгальскую железную дорогу в северо-западном направлении, что, с точки зрения корреспондента, имело не только политическое, но и коммерческое значение, так как на этой дороге будет находиться торговый центр, который представит собою индийский Новгород, что даст возможность свободно торговать с Тибетом и Китайским Туркестаном [57].

Приблизительно в это же время в «Таймс» был опубликован доклад о состоянии хлопчатобумажной промышленности в России и о положении рабочих на русских мануфактурах. Вопрос о русской хлопчатобумажной промышленности связывался в докладе с вопросом о сбыте хлопка из Средней Азии и из Пенджаба. В докладе рассматривались возможности конкуренции английских товаров с русскими. В качестве английских торговых агентов предполагалось использовать местных купцов. Выдвигалось также предложение открыть ярмарку в Пешаваре [58].

К 1865 г. относится открытие ряда телеграфных линий: между Индией и Багдадом, между Индией и Европой (через Карачи, Персию и Турцию), а также новой телеграфной линии на территории самой Индии [59].

Особенное беспокойство в России вызывали проекты постройки железных дорог и прокладки других путей в Индии.

В 1868 г. в «Записках для чтения» была напечатана статья под названием «Железные дороги в Индии как противодействие русской политике в Средней Азии», представляющая изложение английского источника. В статье в основном шла речь о проекте постройки железной дороги между Лахором и Пешаваром, но в то же время высказывались опасения, связанные с возможностью

---

[54] См. гл. VI настоящей работы.
[55] «Санкт-Петербургские ведомости», 1868, № 257.
[56] «Московские ведомости», 1865, № 47.
[57] «Times», June 6, 1865.
[58] «Times», June 13, 1865.
[59] «Times», February 2, March 3, 11, 1865.

проведения сети железных дорог царским правительством в Средней Азии [60].

Неоднократно упоминавшийся нами подполковник Генерального штаба Глуховской в своей записке, вышедшей в 1867 г., с беспокойством обращал внимание на то, что Англия «не дремлет», проводит железные дороги в Индии, строит крепости на берегах Инда, думает об английских поселениях на склонах Гималаев, старается захватить горные проходы из Индии в Китайский Туркестан [61]. «Санкт-Петербургские ведомости» излагали статью «Кельнской газеты», высказывавшей мнение о том, что англичане, благодаря своим пароходам и железным дорогам, «раньше успеют приготовиться к бою в Ост-Индии, чем русские достигнут Афганистана» [62]. «Туркестанские ведомости» также обращали внимание на проект железной дороги от Лахора до Пешавара [63]. В «Вестнике Европы» печаталось о выгодном для Англии пути из Персии через Мешхед и Мерв и среднее течение Аму-Дарьи [64]. Шавров в докладе в «Обществе для содействия русской промышленности и торговле», сделанном им в ноябре 1872 г., также дал описание английских торговых путей, которые, по его мнению, задуманы с целью устранить Россию от непосредственной торговли с Индией [65].

И позднее в русской литературе обращалось внимание на то, что «Англия построила магистральную линию железной дороги чрез всю Индию как противодействие русской политике в Средней Азии» [66].

Естественно, что беспокойство, вызывавшееся английскими агрессивными действиями, оказывало отрицательное влияние на русскую торговлю в Средней Азии, заставляя русских купцов действовать более осторожно.

Помимо мероприятий англо-индийского правительства, имевших специально торговый характер, отрицательное влияние на русскую торговлю в Средней Азии оказывало и общее напряжение в англо-русских отношениях, которое вызывало постоянные беспокойства в прессе и среди торгового сословия России.

В Англии еще в 20-х годах XIX в. было распространено мнение, что присоединение к России Кавказа, а позднее и Средней Азии имело целью завоевание Индии. Особенно агрессивно настроенные руссофобы Уркварт, а позднее Вамбери, Раулинсон и др. всячески стремились воздействовать на английское прави-

---

[60] «Записки для чтения», 1868, март и апрель, стр. 18—29.
[61] Глуховской. Указ. соч., стр. 30.
[62] «Санкт-Петербургские ведомости», 1868, № 160.
[63] «Туркестанские ведомости», 1870, № 7.
[64] Л. М—р. Указ. соч., стр. 811.
[65] Н. Шавров. О путях для торговли России с Азией, стр. 52.
[66] С. И. Идаров. Значение Индии в политике России с Турцией и Англией.— «Русский вестник», 1884, № 6, стр. 550.

тельство и общественное мнение Англии постоянным указанием на существовавшую будто бы угрозу русского похода на Индию.

В современной нам английской литературе взгляд на угрозу Индии завоеванием Средней Азии часто принимается как нечто само собой разумеещееся. Так, например, один из английских авторов, Морисон, говорит, что у Великобритании было такое великолепное владение в Азии, ценность которого нелепо было уменьшать прибавлением к нему новой территории, кроме той, которая была необходима для защиты, в то время как Россия продвигалась в малонаселенную Среднюю Азию, что производило впечатление скорее пространственного расширения, чем хозяйственного укрепления. Морисон считает, что это стало так очевидно в девятнадцатом веке, что даже умеренные люди вынуждены были ставить вопрос, не является ли рациональным концом такой экспансии овладение цветущей Индией. Морисон не видит причины, почему бы России не мечтать об Индии, если бы не дорого стоящая цена победы и риск поражения. При лондонских политиках — руссофобах, по мнению Морисона, было естественно и оправдано для русских стратегов использовать каждое преимущество, которое давала им ситуация в Средней Азии в великой борьбе между Англией и Россией. Предприимчивые русские военные вроде Скобелева, по словам Морисона, признавали ту же идею в теории, если не на практике [67].

Другой современный нам автор, индийский историк Прасад, останавливая свое внимание на заключении русского договора с Кашгаром в 1872 г., пишет, что русские планы в этом направлении были расстроены, но не может быть сомнения, что Кашгар был объектом, против которого должны были быть направлены дипломатия и сила, чтобы расширить зону русского политического и торгового влияния прямо к границам Индии [68].

Русская экспансия к границам Афганистана делала невозможной, по мнению Прасада, принятую англо-индийским правительством политику невмешательства даже для «великого поборника невмешательства» Джона Лоуренса [69].

Однако не все современные зарубежные авторы оценивают продвижение в Среднюю Азию как стремление царского правительства к завоеванию Индии. Индийский историк Менон в книге, которую он прямо озаглавил «Русское пугало и британская агрессия в Индии и за ее пределами», высказывает убеждение в том, что агитация в Англии вокруг вопроса о стремлении царского правительства захватить Индию была средством, при помощи

---

[67] J. L. Morison. Releigh lecture on history from Alexander Burnes to Frederick Roberts. A survey of imperial frontier policy (Read 15 July 1936).— «Proceedings of the British Academy». London, 1936, p. 191—193.

[68] Bishewar Prasad. The Foundations of India's Forein Policy. Volume one. 1860—1882. Bombey — Calcutta — Madras, 1955, p. 22.

[69] Ibid., p. 254.

которого английское правительство оправдывало свою агрессивную политику [70].

По мнению Менона, наиболее активное распространение версии о русском походе на Индию относится к периоду с половины 30-х до половины 40-х годов. Менон считает, что визит Николая I в Англию в 1844 г. послужил поводом к ослаблению руссофобской кампании в Англии. В дальнейшем, по мнению Менона, до начала 70-х годов, несмотря на Крымскую войну, взятие царскими войсками Ташкента и овладение другими частями среднеазиатской территории, массовая истерия по поводу возможности завоевания царским правительством Индии не культивировалась ни в Англии, ни в Индии.

Новый взрыв руссофобской кампании Менон относит к периоду между 1873 и 1905 гг., когда распространение версии о походе в Индию из России достигло своего кульминационного пункта. Затишье в период продвижения царских войск в Среднюю Азию в 50-х и 60-х годах XIX в. Менон объясняет тем, что вице-король Индии Джон Лоуренс принужден был бездействовать (не мог вмешиваться в афганские дела, не мог откликнуться на просьбы о помощи против России со стороны кокандского хана в 1864 г. и бухарского эмира в 1867 г.), так как в Индии в это время английское правительство не чувствовало себя твердо, вследствие народных волнений, в частности, в связи с восстанием 1857 г. [71]

Менон правильно отметил, что англо-индийское правительство опасалось активизации освободительного движения в Индии под влиянием царского наступления в Средней Азии [72]. Как в русской, так и в английской прессе обращалось внимание на то, что «Англия опасается вовсе не того, чтобы Россия вздумала простирать свое завоевание через Афганистан до пределов английских владений в Ост-Индии. Но она, видимо, страшится того, чтобы местные беспокойные элементы не воспользовались близостью русских, чтобы сделать новую попытку к свержению великобританского ига» [73].

«Таймс» неоднократно обращается к этому вопросу. В одном из сентябрьских номеров 1868 г. печаталось сообщение из Калькутты от 14 августа о тяжелом положении на северо-западной границе Индии из-за столкновений с племенами, населявшими этот район, и из-за наступления царских войск в Средней Азии [74]. Через неделю газета снова обращается к волнениям на северо-западе Индии и более отчетливо высказывается о влиянии русского наступления в Средней Азии на население Индии: в письме

---

[70] K. S. Menon. The Russian bogey and British agression in India and beyond. Calcutta, 1957.

[71] Ibid., p. 5, 28, 31, 32.

[72] Н. А. Халфин. Указ. соч., стр. 10.

[73] «Санкт-Петербургские ведомости», 1868, № 174.

[74] «Times», September 15, 1868.

из Калькутты от 21 августа 1868 г. говорилось о начале войны с пограничным населением на северо-западе Индии, о том, что продвижение России в Среднюю Азию взбудоражило население и что, если наступление царских войск в Средней Азии будет продолжаться, оно толкнет пограничные племена к движению против Англии.

Далее корреспондент из Калькутты сообщает, что, по слухам, Шир Али захватил Кабул с помощью русского золота и поддержки Персии. По мнению автора письма, если эти слухи и не обоснованы, следует учитывать, что местное население им верит и недовольные английским управлением используют их в своих целях [75].

В последующих номерах газеты постоянно отводится место волнениям на северо-западной границе Индии и связи их с завоеванием царским правительством Средней Азии. Этому вопросу посвящена передовая «Таймс» от 7 октября, в которой говорится о выступлении горных племен на северо-западной границе Индии против англичан, вызванном подстрекательством афганцев или русских. В передовой указывается на необходимость пересмотра английской политики в этом районе в связи с продвижением русских в Среднюю Азию. По словам автора статьи, у англичан есть сильный враг, который находится уже в Бухаре [76]. 12 октября «Таймс» продолжает выражать опасение, что горные племена северо-западной Индии могут оказаться орудием в руках русских. А в передовой от 13 октября «Таймс» снова связывает волнения на северо-западной границе Индии с действиями царских войск в Средней Азии и призывает быть начеку [77].

Приведенные примеры не оставляют сомнения в том, что англо-индийское правительство настороженно относилось к занятию среднеазиатской территории царскими войсками и в связи с этим не было уверено в твердости своей позиции в Индии.

Однако опасения эти были необоснованны. На самом деле царское правительство в период своего наступления на Среднюю Азию не стремилось к завоеванию Индии. Правда, наступление царских войск в Среднюю Азию предпринималось с целью воздействия на Англию, чтобы заставить английское правительство быть более уступчивым в вопросах Ближнего Востока и вообще международных отношений, об этом свидетельствуют как русские, так и иностранные источники. Это наступление в правящих кругах царской России рассматривалось именно как мера воздействия на английское правительство, а не как действительное средство осуществления хотя бы в отдаленном будущем похода на Индию.

[75] «Times», September 22, 1868.
[76] «Times», October 7, 1868.
[77] «Times», October 13, 1868

В 50-х и 60-х годах был представлен ряд проектов завоевания Индии или демонстраций в этом направлении (Бларамбергом, Чихачевым, Торнау, Хрулевым и др.), но все эти проекты отвергались царским правительством [78]. Это показывает, что, хотя в некоторых кругах русского общества (главным образом в военной среде) были сторонники похода на Индию, правительство отвергало такого рода проекты. Генерал Черняев в обращении к бывшему командующему войсками на Кавказе А. И. Барятинскому в 1867 г. так охарактеризовал отношение царского правительства к индийской проблеме: «Нельзя ни к чему так хорошо применить пословицу „гром не грянет, русский не перекрестится", как к нашим действиям в Средней Азии. Каждый раз, как только нам грозил разрыв с Англией, неуязвимой в Европе, был возбуждаем вопрос об диверсии к стороне Индии чрез пустыни Средней Азии; но как ничто не было подготовлено, то и предположение оставалось мертвою буквою, а по миновании беды все забывалось и погружалось в прежний застой» [79].

Торговых отношений России с Индией через Среднюю Азию в рассматриваемое время также почти не существовало. Советский историк Е. А. Люстерник, специально исследовавшая этот вопрос отметила, что русская торговля с Индией развивавшаяся в XVII в., постепенно сокращалась и, хотя она даже во второй четверти XIX в. «временами значительно возрастала», но была так невелика, что официально не фиксировалась [80]. Учрежденная в 1872 г. правительственная комиссия по делам «Русского общества пароходства и торговли» констатировала: «Привоз ост-индских товаров в Россию, хотя и ограничен малою развитостью потребностей нашего населения, однако медленно прогрессивно растет с каждым годом. Число этих товаров весьма велико. Список их заключает более ста названий, но большинство этих колониальных продуктов привозится в ничтожном количестве и служит предметом одной лишь раздробительной продажи» [81]. Сказанное относится к непосредственной торговле России с Индией сухопутным путем через Среднюю Азию. Морским путем из Индии в Россию привозились в значительном количестве хлопок, индиго и другие товары, но они приходили главным образом к петербургскому порту. Торговля эта находилась в руках западноевропейских купцов [82].

---

[78] Е. Л. Штейнберг. Английская версия о «русской угрозе» Индии в XIX—XX веках,— «Исторические записки», т. 33, М., 1950, стр. 53—55.

[79] Государственный исторический музей (далее — ГИМ), Отдел письменных источников, ф. 208 (Черняева), св. 1.

[80] Е. Я. Люстерник. Русско-индийские экономические связи в XIX в. М., 1958, стр. 18, 26—27.

[81] Там же, стр. 45.

[82] Там же, стр. 28—31.

В 60-х годах XIX в., очевидно, в связи с хлопковым кризисом, вызванным гражданской войной в Соединенных Штатах Северной Америки, вновь встал вопрос о важности русской торговли с Индией. В русской периодической печати появились статьи, в которых излагались различные проекты. Торговые, технические и научные общества занимались проектами постройки железной дороги между Россией и Индией через Среднюю Азию. Комитет «Общества для содействия русской промышленности и торговле» отправил даже своего представителя К. А. Скальковского на торжества открытия Суэцкого канала для выяснения возможности прямой торговли между Россией и Индией[83]. Скальковский представил подробное описание своей поездки[84]. Шавров в докладе о путях из России в Азию, сделанном на заседании «Общества для содействия русской промышленности и торговле» 29 ноября 1872 г., отстаивал целесообразность транзитного пути через Россию в Индию и Китай[85].

К этому же приблизительно времени относится возникновение проекта Лессепса — Котарда о проведении железной дороги из Оренбурга через Среднюю Азию в Индию. На письме Лессепса Александр II написал на французском языке: «Нужно будет подумать об этом серьезно, прежде чем отвечать»[86].

Проект Лессепса обсуждался в русской печати и в заседаниях многих обществ. Он нашел некоторое количество сторонников, но были и противники. Тот же Шавров, который в 1872 г. считал целесообразным проведение путей через Среднюю Азию в Индию, отрицательно отнесся к проекту Лессепса. По его мнению, преждевременно соединять железной дорогой Москву с Индией, так как можно повернуть течение Аму-Дарьи в Каспийское море и создать таким образом в пределах России оазис, который заменит американский и индийский рынки сырья. Железная дорога в Индию через Среднюю Азию не нужна, «когда эта самая Индия, насколько она может быть нужна собственно для России, может быть образована в пределах самой же России». Шавров находил важнее проведение дороги в Среднюю Азию[87]. Цель предложения Лессепса о строительстве железной дороги от Оренбурга до Пешавара Шавров видел в том, чтобы примирить русские и английские торговые и политические интересы в Средней Азии. Шавров называл идею Лессепса «колоссальной, возвышенной, человечной», но сам считал, что «не лучше

---

[83] Там же, стр. 35, 38.

[84] К. Скальковский. Суэцкий канал и его значение для русской торговли. СПб., 1870.

[85] Н. Шавров. О путях для торговли России с Азией, стр. 49.

[86] ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 29, д. 86, лл. 1—15.

[87] «Из доклада Н. А. Шаврова о пути в Туркестан через Акмолы по проекту Е. К. фон Шульмана».— «Труды „Общества для содействия русской промышленности и торговле“», ч. V. СПб., 1874, № 19, стр. 130.

ли, вместо приуготовления теплых братских объятий между грядущими поколениями разных национальностей, позаботиться о том, чтобы настоящие живущие русские люди могли улучшить свое положение».

Шавров подвергал критике также и другие проекты строительства железной дороги от Оренбурга до Пешавара, в частности проекты Краевского и Соболева, напечатанные в «Голосе». Он считал, что гораздо важнее строить железные дороги в самой России, где их так мало, чем создавать всемирную сеть в Азии. Указывая, что «задушевное желание англичан — завладеть нашими среднеазиатскими рынками», Шавров высказывал мнение, что проведение в жизнь проекта Лессепса оправдывалось бы в том случае, если бы проект имел целью завоевание Индии, но Лессепс предлагал мировой торговый путь. «Военным людям,— писал Шавров,— свойственно мечтать о далеких победах в Индии», но сила Англии — не в войсках, а в высоко развитой промышленности и торговле. Россия не может заменить Англию в мировой торговле, ей нужно иметь собственные недоступные иностранцам рынки сырья и сбыта изделий. «И в этом отношении,— продолжал Шавров,— нельзя не благодарить всевышнего, что, с одной стороны, Средняя Азия отделена от британских владений Гиндукушем», а с другой стороны, страх русского влияния удерживает англичан от проведения железной дороги к среднеазиатским рынкам [88].

Правительство Александра II также высказалось против проекта Лессепса. 3 января 1875 г. Д. А. Милютин записал в своем дневнике: «Совещание у государственного канцлера по поводу предложенного Лессепсом химерического проекта соединения Индии с Европой железной дорогой через Гималайский хребет и среднеазиатские степи... Все единогласно признали этот проект неосуществимым и самую мысль соединения Индии с европейской железнодорожной сетью — более вредной, чем полезной для России. Один ген[ерал] Кауфман попытался поддержать предположение о соединении Туркестанского края с Европейской Россией, а ген[ерал] Мельников заговорил о несбыточных мечтах судоходства по старому руслу Аму-Дарьи, но оба эти вопроса были устранены как выходящие из задачи совещания» [89].

Все это свидетельствует о том, что ни в стратегическом, ни в коммерческом плане Россия не угрожала Индии.

Против проекта Лессепса высказывались не только в России. Английское правительство ему также не сочувствовало, так как

---

[88] «Доклад комитету „Общества содействия русской промышленности и торговле" по вопросу о пути в Туркестан чрез Акмолы члена комитета Н. А. Шаврова».— «Труды „Общества для содействия русской промышленности и торговле"», ч. V, приложение, стр. 2, 3, 4, 8, 9, 12—13.

[89] «Дневник Д. А. Милютина 1873—1875 гг.», т. I. М., 1947, стр. 181.

английским купцам было выгодно сохранять в своих руках монопольные права в посреднической торговле между Россией и Индией[90].

Выше указывалось, что индийский историк Менон отмечал «бездействие» вице-короля Индии Джона Лоуренса. Это не совсем верно. Лоуренс все же посылал своих агентов-индусов в Бухару, Самарканд и Коканд[91]. Но вообще в общественном мнении Англии в 60-х годах существовали различные течения и разные оценки положения, создавшегося в Средней Азии. Одни видели в движении царских войск опасность для Индии, другие даже приветствовали это движение как проникновение цивилизации в среднеазиатские ханства.

Даже на страницах «Таймс» высказывались различные мнения по этому вопросу. В начале января 1868 г. «Таймс» выражает опасения по поводу возможного утверждения России в Герате, что создало бы угрозу русской агрессии в отношении Индии[92]. В передовой «Таймс» от 20 января Россия называется вероятным врагом, намерения которого в отношении Индии неясны, и это дает основание предполагать возможность агрессии с ее стороны[93]. А в передовой от 2 марта говорится о страхе, который испытывают многие англичане от продвижения России к Индии[94]. В сообщении из Калькутты от 30 июля 1868 г. содержатся угрозы России по поводу движения царских войск в Средней Азии и советы индийскому правительству в связи с этим[95]. Корреспондент из Калькутты от 7 августа выражает несогласие с выжидательной политикой индийского правительства[96]. В письме из Калькутты от 23 сентября сообщается о будто бы открытой уже для России дороге на Пешавар и выражается сожаление о том, что английское правительство в свое время не помогло Дост Магомеду захватить территорию Средней Азии[97]. Подобного же рода корреспонденции помещались и в последующих номерах «Таймс»[98].

В передовой «Таймс» 30 декабря подводились итоги важнейших событий 1868 г. и отмечалось, что Россия оказывает давление на европейские страны завоеваниями в Азии, политикой в Польше и на Кавказе[99]. В той же газете высказывались мнения

[90] «Доклад комитету „Общества содействия русской промышленности и торговле по вопросу о пути в Туркестан чрез Акмолы члена комитета Н. А. Шаврова“».— «Труды „Общества для содействия русской промышленности и торговле“», ч. V, стр. 8; Е. Я. Люстерник. Указ. соч., стр. 31.

[91] Н. А. Халфин. Указ. соч., стр. 204.

[92] «Times», January 2, 1868.

[93] «Times», January 20, 1868.

[94] «Times», March 2, 1868.

[95] «Times», August 31, 1868

[96] «Times», September 7, 1868.

[97] «Times», October 30, 1868.

[98] См., например, «Times», December 9, 22, 31, 1868.

[99] «Times», December 30, 1868.

и о том, что наступление царских войск в Средней Азии не угрожает Индии, что, если бы царское правительство и имело такое намерение, его осуществление нереально [100].

Имелись и такие статьи, которые положительно оценивали завоевание Средней Азии. Такая оценка царской политики в Средней Азии помещена в передовой «Таймс» от 28 сентября 1865 г. [101] О взятии царскими войсками Самарканда «Таймс» писал в спокойном тоне. Передовая «Таймс» предостерегает против оккупации Афганистана, считая этот акт безрассудным и дорого стоящим; население Афганистана, по мнению редакции, будет считать врагом всякого, кто совершит такой акт, и союзником того, чьего нападения оно не будет опасаться, а если русские и приближаются к Индии, то еще неизвестно, будут ли они плохими соседями [102].

В январе 1865 г. корреспондент «Таймс» из Калькутты, выражая некоторые опасения в связи с занятием царскими войсками части территории Коканда, в то же время говорил, что границы Индии на севере достаточно укреплены и бояться России особенно нечего. Корреспондент даже желал России успеха в выполнении в Средней Азии той же «благородной» миссии, которую англичане выполняли в Индии, так как любое правление в Средней Азии было, по его мнению, лучше, чем анархия в Коканде или жестокость Бухары [103]. Через несколько месяцев «Таймс» высмеивал панику в Индии и в Англии в связи с завоеваниями России в Средней Азии и характеризовал продвижение России в Средней Азии как действие цивилизованного правительства против «полудиких» ханов [104].

Интересно отметить следующие слова из передовой «Таймс»: «Д-р Вамбери поднял всю эту тревогу, а в Калькутте ее подхватили. Столица Британской империи, обыкновенно столь невозмутимая, полна теперь страха» [105].

Из приведенных выдержек видно, что в печати Англии, наряду с постоянным беспокойством вызванным продвижением царских войск в Средней Азии, высказывались и другие мнения, авторы которых приветствовали завоевание царским правительством Средней Азии «как миссию цивилизатора».

Последнее направление английской публицистики вызвало тревогу в русском обществе тем более что не только «Таймс», но и другие английские газеты выражали подобные мнения.

---

[100] См., например, «Times», June 18, 1865; January 17, April 15, September 2, 1868.

[101] «Times», September 28, 1865.

[102] «Times», June 10, 1868. Эта статья «Таймс» была изложена в «Московских ведомостях» (1868, № 121).

[103] «Times» March 1, 1865.

[104] «Times», April 13, 1865.

[105] Цитировано по переводу статьи, опубликованному в «Московских ведомостях» (1865, № 75).

«Московские ведомости» в 1865 г. обратили внимание на то, что Англия «рукоплещет недавним успехам нашего оружия в Центральной Азии и устами главных органов своей журналистики приветствует нас в этом отдаленном и диком крае как распространителей европейской цивилизации и европейских идей». Этот факт заслуживает «особенного внимания по самой неожиданности своей», так как Англия до сих пор тревожилась русскими успехами на Востоке, а теперь сама как бы завлекает Россию в этом направлении, не опасаясь за свои владения в Индии: там будет построена сеть железных дорог раньше, чем в России киевская линия и железная дорога до Черного моря. Англичане, по мнению редакции «Московских ведомостей», выиграли бы, если бы Азия «поглотила значительную долю внимания и нравственных и материальных средств России, которыми мы и без того вовсе не богаты». Редакция предупреждает правительство, что если бы оно пошло по линии выполнения советов английской периодической печати и стало распространять цивилизацию в Средней Азии (проводить там железные дороги, искусственно создавать множество разнообразных интересов), это ослабило бы Россию на ее европейской территории [106].

Не только редакция «Московских ведомостей», но и другие представители русского общественного мнения обратили внимание на перемену в направлении некоторой части английской периодической печати. Подполковник Генерального штаба Глуховской писал, что английская пресса от устрашения общественного мнения русскими успехами в Средней Азии перешла к выражению радости по поводу того, что Россия примет на себя распространение культуры среди среднеазиатских народов, к проповеди, что Англии выгоднее граничить с образованным государством. По словам Глуховского, общественное мнение не только Англии, но и Европы увидело в этих рассуждениях «сладкие речи с целью усыпить Россию» [107].

И хотя практически англичане не могли мешать русской торговле в Средней Азии, так как их товары, вследствие затруднений географического и политического характера, не могли проникать туда в больших количествах, но мероприятия англо-индийского правительства в Кашгаре, проекты постройки в Индии железных дорог, а также англо-русские противоречия в целом, вызывая опасения в русском обществе, создавали трудности на пути развития русской торговли в Средней Азии. Поэтому англо-русское соперничество в целом (а не в узко торговом смысле) было тем фактором, который, наряду с другими, задерживал рост торговых связей России со Средней Азией.

---

[106] «Московские ведомости», 1865, № 47.
[107] Глуховской. Указ. соч., стр. 30.

Глава V

СОСТАВ КУПЦОВ, ТОРГОВАВШИХ ПО СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ ГРАНИЦЕ в 40 — 60-х ГОДАХ

Изучение вопроса о составе торговавших по среднеазиатской границе затруднено для исследователя вследствие состояния источников. Основной источник для изучения данного вопроса — таможенные ведомости о купцах, проехавших через границу,— имеет следующие недостатки. Во-первых, в нашем распоряжении есть ведомости только по Оренбургской таможенной линии; во-вторых, сообщаемые ими сведения о проехавших через таможни Оренбургской линии не всегда полны: они или охватывают не весь год, или сохранились в черновых списках, в которых точно не указаны таможни, из которых получены сведения, или не всегда позволяют отличить самостоятельного купца от торгующих по чужому поручению [1].

К числу недостатков таможенных ведомостей можно отнести и то, что в них не всегда вполне точно можно отделить купцов, торговавших в Казахской степи, от купцов, ездивших в ханства Средней Азии, хотя обычно в ведомостях и указывается, куда или откуда прибыл торговец — из Казахстана, Ташкента, Хивы, Бухары и т. п., но на эти сведения не всегда можно положиться, так как купцы уже в пути могли изменить направление. Однако последний недостаток не столь важен, так как эти ошибки могут быть только единичными.

Другой источник, на основании которого можно частично осветить вопрос о составе купечества, торговавшего по среднеазиатской границе,— списки лиц, производивших заграничную торговлю на суммы свыше 50 тыс. руб. Они печатались ежегодно до 1863 г. в официальном издании «Государственная внешняя торговля в разных ее видах»; из самого названия списков ясно, что в них даются сведения только о сравнительно крупных торговцах.

Оба источника — таможенные ведомости и списки купцов — сообщают сословную принадлежность купца и его местожитель-

---

[1] Указанные недостатки источника отмечены далее в тексте в каждом отдельном конкретном случае.

ство, в списках указываются также суммы торгового оборота каждого торговца.

Кроме этих источников в распоряжении исследователя имеются просьбы и жалобы купцов, донесения и проекты местной администрации, переписка министерств, законодательные акты, периодические и отдельные издания, подтверждающие или опровергающие тот или иной вывод, к которому приводят статистические источники.

Первый вопрос, который может интересовать исследователя при изучении состава торгующих,— крупные или мелкие капиталы употреблялись в торговле по азиатской границе.

Крупным капиталом мы считаем такой, когда оборот составлял более 50 тыс. руб., что устанавливается на основании упомянутых списков. Хотя источник не позволяет четко определить понятия «крупные» и «мелкие» купцы, все же можно полагать (принимая во внимание небольшие размеры торговли со Средней Азией), что по тем временам оборот торговли в 50 тыс. руб. являлся крупным.

В отношении количества купцов мы имеем следующие более или менее сопоставимые данные. В 1863 г. купцов, обороты которых по среднеазиатской границе превышали 50 тыс. руб., было 39[2]. В 1866 г., по ведомости Оренбургской таможни, всех купцов, выехавших в Казахстан и в среднеазиатские ханства, было 770 человек, а приехавших оттуда — 847[3]. Хотя данные эти относятся к разным годам, но разница в количестве крупных и мелких торговцев так велика, что можно сделать вывод, что торговля в основном находилась в руках мелких торговцев. Но важнее количества купцов размеры их оборотов, об этом мы имеем прямые и сравнительно достоверные данные (см. табл. 26).

Как видно, по среднеазиатской границе преобладала мелкая торговля: обороты сравнительно крупных капиталистов, даже в 1863 г., когда в связи с мировым хлопковым кризисом торговля России по среднеазиатской границе значительно выросла, составляли немногим более 30%, а большей частью они колебались между 10 и 20%. Таким образом, в Казахстане и ханствах Средней Азии действовали в основном владельцы небольших капиталов.

Об этом свидетельствуют и другие источники. В августе 1824 г. купцам второй и третьей гильдий Оренбургской губернии было дано право торговли с «азиатскими областями» наряду с купцами первой гильдии[4].

---

[2] «Государственная внешняя торговля в разных ее видах за 1863 г.», ч. 2, табл. XV.

[3] Госархив Оренбургской области, ф. 153, оп. 1, д. 262, лл. 1—51.

[4] АВПР, Главный архив, II-3, 1852 г., д. 6, л. 3.

Таблица 26

*Удельный вес торговых оборотов крупного купечества, торговавшего в Казахстане и ханствах Средней Азии**

Годы	Общий оборот торговли России по Оренбургской и Сибирской пограничным линиям в тыс. руб.	Оборот купцов, торговавших на сумму более 50 тыс. руб.	%	Годы	Общий оборот торговли России по Оренбургской и Сибирской пограничным линиям в тыс. руб.	Оборот купцов, торговавших на сумму более 50 тыс. руб.	%
1841	6 565	1945	29,6	1853	7 894	1076	13,6
1842	5 437	933	17,1	1854	8 408	777	9,2
1843	4 769	648	13,6	1855	7 313	982	13,4
1844	4 958	893	18,0	1856	8 034	1155	14,4
1845	4 987	495	9,9	1857	9 886	2191	22,1
1846	5 492	876	16,0	1858	11 083	1052	9,5
1847	5 338	1197	22,4	1859	12 764	2601	20,4
1848	5 031	848	16,9	1860	12 954	2924	22,6
1849	5 862	619	10,6	1861	14 254	3040	21,3
1850	6 482	1135	17,5	1862	14 903	3418	22,9
1851	6 266	694	11,1	1863	14 666	4483	30,6
1852	6 150	1181	19,2				

* Таблица основана на тех ведомостях «Государственной внешней торговли в разных ее видах», которые содержат данные об общих оборотах русской торговли по азиатской границе и обычно называются «Общий вид отвозной торговли» и «Общий вид привозной торговли». Данные этих ведомостей приводятся не по странам, с которыми производилась торговля, а по отрезкам границы России.

Между 1824 и 1850 гг. был издан ряд указов, дававших льготы купцам второй и третьей гильдий Оренбургской губернии и Западной Сибири и крестьянам, торговавшим по свидетельствам третьего рода по среднеазиатской границе [5].

В 1852 г. возник вопрос о правах отдельных групп по торговле со Средней Азией. Исполнявший должность генерал-губернатора Западной Сибири возражал против продления льгот мелким торговцам, мотивируя это тем, что они торгуют без системы, продают товары низкого качества и тем подрывают доверие к русским товарам и «вредят правильным оборотам капиталистов». Директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел Сенявин в ответ на отношение министра финансов Брока 3 ноября 1852 г. высказал противоположное суждение, мотивируя его тем, что «людей капитальных еще весьма мало участвует в сей торговле со Среднею Азиею и, следственно, без мелких торговцев обойтись в оной еще трудно» [6].

[5] АВПР, Главный архив, II-3, 1852 г., д. 6, л. 4.
[6] Там же, лл. 6 об.—7.

И позднее оренбургский генерал-губернатор Крыжановский в рапорте военному министру от 24 апреля 1867 года писал: «...мне положительно известно, что в Оренбург и Троицк ежегодно приезжает большое число торговцев средней руки, а не крупных, число коих, напротив, весьма ограничено бывает»[7].

Указом 7 декабря 1852 г. западносибирским, оренбургским и астраханским купцам второй и третьей гильдий и крестьянам, торговавшим по свидетельствам второго и третьего родов, был разрешен провоз товаров в Азию на правах купцов первой гильдии, без личных привилегий. Указ этот был издан на срок до 7 февраля 1857 г.[8] 9 июня 1857 г. действие указа по положению Сибирского комитета было продлено «впредь до усмотрения»[9]. Законодательство в пользу мелких торговцев имело целью расширение торговли со среднеазиатскими ханствами и с казахской степью.

Купцы, имевшие торговый оборот на суммы не менее 50 тыс. руб., происходили из следующих районов (см. стр. 124):

Прежде всего обращает на себя внимание небольшое количество купцов, торговавших на более или менее значительные суммы. За многие годы их было меньше 10. Здесь следует еще принять во внимание, что в число купцов включены торговавшие в Петропавловске и Семипалатинске, часть которых вела операции в Кяхте, выделить этих купцов нет возможности. Таким образом, численность крупных купцов в нашей таблице несколько преувеличена. Во-вторых, из таблицы видно, что и среднеазиатские купцы были в основном мелкими торговцами, среди крупных купцов их очень мало, а в некоторые годы они отсутствуют вовсе. В-третьих, обращает на себя внимание тот факт, что сравнительно большое количество крупных капиталов, обращавшихся по среднеазиатской границе в самом начале 40-х годов, затем уменьшается (в 40-х и 50-х годах, когда торговые отношения с ханствами Средней Азии ослабели). С конца 50-х годов и в начале 60-х годов, с подъемом торговли со Средней Азией[10], количество владельцев крупных капиталов растет, этот процесс касается не только купцов — русских подданных, но и среднеазиатских купцов. Наконец, в-четвертых, можно заключить, что подавляющее большинство русских купцов проживало в городах пограничной линии: Оренбурге, Троицке, Петропавловске и Семипалатинске[11].

---

[7] Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 6, д. 8149, 1867 г., л. 8 об.

[8] ПСЗ, 2-е, т. XXVII, № 26842.

[9] Там же, т. XXXII, № 31964.

[10] См. табл. 26 настоящей работы.

[11] Этот вывод, может быть, несколько не точен, так как некоторые купцы, приписанные к указанным городам, происходили из внутренних губерний России и по временам вновь приписывались к своему старому местожительству.

Таблица 27

*Численность крупного купечества, торговавшего по среднеазиатской границе**

Годы	Всего купцов	В том числе					
		среднеазиатских	троицких, петропавловских, оренбургских и семипалатинских	центральных губерний	Пермской губернии и Западной Сибири	казанских, царевококшайских и арских	торговавших крестьян
1841	30	8	15	1	2	3	1
1842	17	1	14	1	—	1	—
1843	8	1	5	—	1	1	
1844	12	1	8	—	1	2	—
1845	7	1	5	—	—	1	—
1846	10	1	6	2	—	1	—
1847	14	4	6	3	—	1	—
1848	11	1	6	3	—	1	—
1849	13	1	5	2	4	1	—
1850	5	—	4	1	—	—	—
1851	5	—	3	1	—	1	—
1852	12	—	5	2	—	5	
1853	9	—	6	2	—	1	
1854	8	—	5	1	—	1	1
1855	9	—	6	1	—	2	—
1856	11	—	10	1	—	—	—
1857	17	1	10	1	2	3	—
1858	8	—	6	1	—	1	—
1859	24	1	17	1	4	1	—
1860	30	2	19	3	4	2	—
1861	31	6	15	3	5	2	—
1862	34	11	16	2	3	2	
1863	39	17	17	2	1	2	—

* Таблица составлена на основании списков купцов, торговавших за границей на суммы не менее 50 тыс. руб., публиковавшихся в „Государственной внешней торговле"; После 1863 г. такие списки не печатались.

Торговля с Казахстаном не входит непосредственно в тему исследования торговых отношений со Средней Азией, однако здесь существует тесная связь, тем более, что в отдельных случаях не всегда с уверенностью можно сказать, что торгующий в степи не выехал за ее пределы (в одно из среднеазиатских ханств). Внимание к торговле с Казахстаном важно в данном случае и потому, что Казахстан был рынком сбыта не только русских, но

и среднеазиатских и даже отчасти английских товаров [12]. К тому же основная масса купцов и их приказчиков, торговавших по Оренбургской пограничной линии, ограничивала свои операции казахской степью. Так, по данным 1866 г., из 847 торговцев, прибывших к Оренбургской таможенной линии, из степи приехало 556 человек, а из 770 лиц, выехавших по Оренбургской линии, в степь отбыло 671 [13].

Таким образом, торговые отношения русского купечества с Казахстаном были развиты более, чем с ханствами Средней Азии. Это объясняется тем, что Казахстан к 60-м годам XIX в. в подавляющей части был фактически включен в пределы Российской империи, и это, при наличии в степи ряда русских укреплений, ограждало торговцев от вооруженных нападений, создавало более благоприятные условия для торговли с Казахстаном. Торговля же по среднеазиатской границе встречала значительные препятствия.

Но и в степи торговали по преимуществу мелкие торговцы. В 1858 г. [14], например, единственным купцом первой гильдии, торговавшим в степи, был оренбуржец Николай Деев. Деевы давно торговали в Оренбурге. Торговый оборот Николая Деева по Оренбургской пограничной линии равнялся к 1855 г. 133 тыс. руб., а в 1857 г.—191 тыс. [15]

Кроме Деева в 1858 г. в степи торговало несколько купцов второй гильдии, но купцы третьей гильдии явно преобладали. Кроме того, торговали и лица, не имевшие купеческого звания: крестьяне и мещане — русские, татары, башкиры. Наш источник — списки лиц переезжавших Оренбургскую пограничную линию в ту или иную сторону, составленные оренбургским таможенным ведомством,— не всегда позволяет судить о том, является ли то или иное лицо самостоятельным торговцем или торгует по поручению какого-либо купца. Возможно, что часть самостоятельно торговавших ошибочно принимается нами за приказчиков или работников купцов и наоборот.

---

[12] См. гл. III настоящей работы.

[13] Госархив Оренбургской области, ф. 153, оп. 1, д. 262, лл. 1—51.

[14] Данные 1858 г. взяты из таможенной ведомости этого года о проехавших через границу (Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 10, д. 7405, св. 455, лл. 9—116).

[15] Настоящая фамилия этих купцов Зайчиковы. Один из Зайчиковых в 30-х годах был сослан в Сибирь на каторгу за продажу в рабство русских подданных казахам и в среднеазиатские ханства. Но с дороги Зайчиков бежал, переменил фамилию на Деев, вернулся в Оренбург и спокойно продолжал там торговать. Деевы были одними из первых купцов, которые появились в Казалинске (форт № 1) одновременно с его возникновением в 50-х годах (А. И. Добросмыслов. Города Сыр-Дарьинской области. Казалинск, Перовск, Туркестан, Аулие-Ата и Чимкент. Ташкент, 1912, стр. 38). См. также «Государственная внешняя торговля в разных ее видах» за 1855 г., табл. XLII; за 1857 г.— табл. XLIII.

Среди самостоятельных торговцев, кроме купцов, в 1858 г. встречаем: мещанина Хайбуллина, выехавшего из Орска в Средний жуз; крестьянина Владимирской губернии Степана Иванова, торговавшего на Новой линии и возвратившегося в Троицк в апреле; крестьянина Матвея Шишкова, торговавшего в степи по торговому свидетельству третьего рода (здесь интересно отметить, что крестьянин Шишков торговал не один, а с работником); казанского татарина Муратова, у которого приказчиком был купец второй гильдии; хвалынского мещанина Григория Владимирова; Антыскарова из Малмыжского уезда Вятской губернии; 14 русских крестьян, торговавших в Аргынском и Чумекеевском родах; татарина Салихова, торговавшего по торговому свидетельству третьего рода и державшего 5 работников; татар Мустафина и Абдул-валия Абдухалитова; крестьянина Курской губернии Павла Сучкина; челябинского мещанина Евдокима Загуменного; отставного казака Алексея Бычкова, «малолетка» Дерденова, крестьян Максима Бухарова и Якова Шестакова; чиновника 14-го класса Оренбургского казачьего войска Люсюкова, 6 русских крестьян Челябинского уезда, отставного рядового Егора Батакова, 16 русских крестьян Пермской губернии, крестьянина Ванюшина, торговавшего по свидетельству третьего рода и имевшего работника — татарина Ибрагима Тамранеева из Чебоксарского уезда Казанской губернии, и целый ряд казанских татар.

Как видно, состав торговавших в степи был чрезвычайно разнообразен как по географическому, так и по национальному и социальному признакам.

Специальный интерес представляет состав посетивших весной 1851 г. ярмарку в Нарын-Песках, близ ставки хана Внутренней орды.

В общей сложности на ярмарку приехали 10 138 человек, из них 7000 составляли казахи Внутренней орды; в числе остальных крестьян было 1518, армян — 1113, мещан — 240, купцов третьей гильдии — 131; казаков (астраханских, уральских и донских) — 36, татар — 52, калмыков — 21, купцов второй гильдии — 8, почетных граждан — 4. Купцы первой гильдии не были представлены [16]. Приведенные данные показывают, что даже во Внутренней орде, включенной в пределы империи и не отделенной от нее пограничной таможенной линией, торговля велась главным образом мелкими торговцами; крупные капиталы не обращались в этой торговле.

Данные о составе торговавших на весенней ярмарке в Нарын-Песках в 1851 г. не случайны. Если обратимся к сентябрьской ярмарке того же года, также встретим относительно большое количество крестьян, приехавших на эту ярмарку. Осенняя ярмарка во Внутренней орде была значительно меньше как по

[16] Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 10, д. 6522, св. 385, лл. 2—3.

количеству ее участников, так и по своим торговым оборотам. Всего на осеннюю ярмарку прибыло 2840 человек, из них 2457 казахов Внутренней орды; из остальных 383 человек крестьян было 237 (т. е. свыше 60%), татар 94, мещан — 20. Другие общественные прослойки были представлены единицами [17].

Иным был состав купцов, торговавших в Ново-Петровском укреплении, построенном на восточном берегу Каспийского моря во второй половине 40-х годов. Здесь среди торговцев в середине 50-х годов (сведения за 1856 г.) преобладали астраханские купцы третьей гильдии и, по терминологии источника, астраханские «армяне», которые, по-видимому, также не владели крупными капиталами. В Ново-Петровское укрепление приезжали хивинские купцы (обычно по пути из Астрахани в Хиву) и туркмены. В списках торговавших в Ново-Петровском укреплении значились туркмены Бузачинского рода Джумухамед Имралиев и Тачан Ахмаметов. В торговле Ново-Петровского укрепления участвовали также казаки и крестьяне: крестьянин графов Орловых-Денисовых из села Рыбкова, Вольского уезда Саратовской губернии; житель Николаевской станицы Петр Ломакин; казаки Михаил Севреткин и Степан Медведев. В середине 50-х годов упоминается ново-петровский купец третьей гильдии Герасим Турпаев [18]. Как видно, торговавшие здесь были жителями близлежащей округи. В Ново-Петровском укреплении торговали астраханские жители, туркмены и хивинские купцы; самая отдаленная (в глубь России) торговая связь простиралась до Саратовской губернии: Волга здесь была естественным торговым путем.

Более подробные сведения о купцах, торговавших в Казахстане и в ханствах Средней Азии, имеются в списке лиц, выехавших «за границу» и приехавших «из-за границы» в 1866 г. [19] Этот список имеет в известной степени ограниченное значение. Ввиду того что он дошел до нас в черновике и без сопроводительных бумаг, в нашем распоряжении нет точных сведений о том, к какой части азиатской границы он относится. Список исходит из оренбургского таможенного ведомства и в него включены только те купцы, которые торговали по Оренбургской линии; купцы же, торговавшие по Сибирской линии, в этот список не вошли. Но остается неясным, ограничен ли этот список торговавшими только через Оренбург или он охватывает торгующих и через другие города — таможни Оренбургской линии. Так как среди торгующих значатся троицкие и орские купцы, можно думать, что список включает торговавших по всей Оренбургской линии. Однако если в списке были исключительно те торговцы, которые везли свои

[17] Там же, л. 8.

[18] Там же, д. 7204/л., св. 444, лл. 2, 3 об., 5—13 об., 24—29; ф. 6, оп. 6, 1859 г., д. 13632, л. 2.

[19] Госархив Оренбургской области, ф. 153, оп. 1, д. 262, лл. 1—51.

товары только через Оренбург, то и в таком случае он представляет важный источник, потому что Оренбург был несравненно более значительным пограничным торговым центром, чем другие таможенные пункты Оренбургской линии.

Всех купцов — русских подданных, торговавших в казахской степи лично или при посредстве своих работников, было в 1866 г. 49 человек, из них 32 человека были оренбургскими купцами, 5 купцов принадлежали к Центральному промышленному району (московские купцы Хлудов и Акулов, вязниковский — Шапин, муромский — Третьяков, воскресенские купцы Веснины в компании с ростовскими купцами Дюковыми[20] и Дегтярев, местожительство которого нам неизвестно); остальные 11 купцов были нерусской национальности (вернее всего, это были башкиры и татары); 1 был казанским купцом, 6 — оренбургскими, 4 — касимовскими (Рязанской губернии).

С казахами, как видно, торговали главным образом купцы русской национальности (38 из 49), а по месту жительства — оренбургские купцы (38, включая сеитовских). Таким образом, можно сказать, что даже во второй половине 60-х годов торговля в Казахстане находилась в руках оренбургских пограничных купцов. Купцы Центральной России были слабо представлены в этой торговле. Но необходимо принять во внимание, что они были обладателями крупных капиталов и, хотя их было мало, среди них встречаются такие известные имена, как Хлудов — собственник крупного промышленного предприятия[21].

Кроме указанных 49 купцов в Казахстане торговали другого рода купцы и представители разных сословий.

К сожалению, имеющийся в нашем распоряжении список лиц, выехавших за границу и приехавших из-за границы по Оренбургской линии в 1866 г., составлен таким образом, что он не дает возможности точно отделить самостоятельных торговцев (кроме лиц купеческого сословия) от работников купцов, поэтому будем рассматривать всю массу торговавших как нечто единое.

В число отмеченных 49 купцов, торговавших лично или при посредстве своих работников в казахской степи в 1866 г., вошли только те купцы, которые имели работников для торговли с Казахстаном. Но кроме этих крупных купцов были еще две категории: купцы, торговавшие исключительно лично и не имевшие работников, и купцы, торговавшие не своим товаром, а по пору-

---

[20] Веснины и Дюковы названы в источнике оренбургскими купцами, но из других источников видно, что они происходили из Центрального промышленного района (об этом см. ниже).

[21] К сожалению, в «Государственной внешней торговле» с 1864 г. отсутствуют списки купцов, торговавших на крупные суммы, и поэтому мы лишены возможности узнать суммы оборотов купцов Центрального района.

чению других купцов, у которых они часто состояли работниками или приказчиками.

Во избежание недоразумений, необходимо сделать еще одно замечание: когда речь шла об этих 49 купцах, имелись в виду как приехавшие, так и выехавшие в казахскую степь. Теперь же мы будем рассматривать отдельно список выехавших и приехавших, так как при сличении сотен имен однофамильцев можно принять за одно и то же лицо (поэтому цифры совпадать не могут).

После этих предварительных замечаний приступим к рассмотрению списков.

Выехавших в 1866 г. в степь торговцев можно разделить на следующие группы [22]:

Купцы, торговавшие самостоятельно, но без работников	35
Купцы, бывшие работниками или приказчиками у других купцов	56
Мещане	136
Крестьяне разных категорий	341
Башкиры (без указания сословий)	61
Казаки Оренбургского войска и отставные военные	10
Без указания сословия	13
Всего	652

Как указывалось выше, среди более крупных купцов (имевших работников) большинство было русской национальности и проживало в Оренбургской губернии. Более мелкие купцы, торговавшие самостоятельно, но не имевшие работников, были большей частью башкиры (сеитовские, т. е. оренбургские) и татары Рязанской и Тамбовской губерний (касимовские и елатомские): из 35 мелких купцов, отправившихся в степь, их было 26 человек. Остальные купцы (в количестве 9) были русской национальности и в основном принадлежали к оренбургскому купечеству, только один купец происходил из Владимирской губернии (муромский) и один — из Московской.

Таким образом, для мелкого купечества характерны, с одной стороны, еще более, чем для крупного, принадлежность к пограничному — оренбургскому купечеству, а с другой стороны — преобладание в его рядах мелкой национальной (татарской и башкирской) буржуазии.

Среди купцов-работников или приказчиков более крупных купцов большинство были башкиры и татары. Из 56 этих купцов было 16 русских и 40 представителей национальной буржуазии. По географическому признаку нерусские купцы-работники

[22] За исключением указанных выше 49 купцов.

распределялись следующим образом: башкиры из Оренбургской губернии — 25, татары из Казанской — 1 (арский), Рязанской — 3 (касимовских) и Тамбовской губернии — 7 (елатомских); о 4 сведений нет. Все 16 русских купцов-работников принадлежали к оренбургскому купечеству.

В числе 136 мещан было 60 башкир Сеитовского посада, 8 башкир или татар из Оренбурга, 2 татарина (елатомский и спасский) и 66 русских, из которых к мещанству Оренбургской губернии принадлежали 58, Самарской — 4, Казанской — 1, центральных губерний (Московской и Ярославской) — 2, а место происхождения одного неизвестно. Кроме указанных 60 мещан Сеитовского посада в этой торговле принимал участие еще 61 башкир (уфимские, самарские, оренбургские, сеитовские и др.), сословная принадлежность которых не указана. Весьма возможно, что они в большей части также были мещане: 48 из них проживали в Сеитовском посаде Оренбургского уезда.

Большинство выехавших в степь для торговли принадлежало и крестьянам разных категорий. 288 из 341 были крестьянами государственными. Среди них самую многочисленную группу (272 человека) составили татары (частично, может быть, башкиры, удмурты и др.) Казанской, Тамбовской, Рязанской, отчасти Вятской и других губерний. Государственных крестьян русской национальности было только 16 человек, 10 из них были из Нижегородской и Владимирской губерний, остальные — из Пензенской (1), Оренбургской (1), Самарской (2), Симбирской (1) и Казанской (1) губерний. Из удельных крестьян встречается только один, проживающий в Симбирской губернии (с нерусской фамилией). Временнообязанных крестьян насчитывалось 12; все они принадлежали к крестьянам русской национальности Владимирской (11) и Симбирской (1) губерний. Крестьяне-собственники также были русскими из Симбирской (15 человек), Нижегородской (1) и Казанской (1) губерний. Кроме того, в списке встречается 20 крестьян без указания разрядов, из них 17, по-видимому, татары Казанской (15), Рязанской (1) и Уфимской (1) губерний, остальные 3 — русские из Ярославской, Тверской и Нижегородской губерний. Из общего числа крестьян (341) на долю русских приходился 51 человек, остальные (290) были по преимуществу татары, главным образом Казанской губернии.

Из табл. 28 видно, что большинство представителей мелкой буржуазии, в отличие от крупных купцов, принадлежало к национальным меньшинствам, составляя более 70% всех торговавших.

По месту происхождения (см. табл. 29) больше всего было жителей Оренбургского края, а также из губерний Поволжья. Те и другие вместе составляли более 80% всех торговавших.

Таблица 28

Национальный состав выехавших в степь для торговли

	Русские	Татары, башкиры и др.	Всего
Самостоятельные купцы без работников	9	26	35
Купцы-работники	16	40	56
Мещане	66	131 *	197
Крестьяне	51	290	341
Казаки и отставные военные	10	—	10
Без указания сословия	3	10	13
Итого	155	497	652

* Сюда включен 61 башкир, сословие которых не указано и из которых 48 проживало в Сеитовском посаде.

Таблица 29

Местожительство купцов, выехавших в степь для торговли

	Из Центрального промышленного района	Из Центрального черноземного района	С Поволжья	Оренбургской и Уфимской губерний	Неизвестных	Всего
Крестьяне	25	58	253	5	—	341
Мещане	2	2	6	187	—	197
Купцы без работников	2	5	—	28	—	35
Купцы-работники	—	10	1	41	4	56
Казаки и отставные военные	—	—	—	—	10	10
Без указания сословий	2	—	1	—	10	13
Итого	31	75	261	261	24	652

Приехавшие в 1866 г. по Оренбургской пограничной линии из степи (за исключением купцов, у которых были работники) разделяются на следующие группы:

Купцы, торговавшие самостоятельно, но без работников	11
Купцы, бывшие работниками или приказчиками у других купцов	62
Мещане	110
Крестьяне разных категорий	271
Башкиры (без указания сословий)	62
Казаки Оренбургского войска и отставные военные	7
Неизвестные	3
Всего	526

Мелкие купцы, торговавшие самостоятельно, но без работников, были или сеитовскими (оренбургскими) башкирами, или елатомскими (тамбовскими) татарами. Здесь, таким образом, как и среди выехавших в 1866 г. в степь мелких купцов, преобладали представители мелкой башкирской и татарской буржуазии.

Что же касается купцов, служивших в работниках у других купцов, то среди них больше других было башкир и татар (34 сеитовских башкира и 14 елатомских, касимовских и арских татар); русских было только 14 человек (8 — из Оренбургской губернии, 1 — из Московской, 1 — из Тамбовской и 4 неизвестно откуда).

Из 110 мещан было 37 русских и 73 принадлежали к национальным меньшинствам. Из 37 мещан русской национальности 29 принадлежали к оренбургскому мещанству, 3 происходили из Самарской губернии и только 2 (1 ярославский и 1 московский) представляли мещан Центрального промышленного района. Из представителей национальных меньшинств 57 мещан были, очевидно, сеитовские башкиры, 6 — башкиры или татары из Оренбурга, 2 — из Стерлитамака, 7 — казанских и 1 спасский татарин. Кроме указанных 110 мещан к этой группе, вероятно, правильно было бы причислить 62 самарских, уфимских, оренбургских и сеитовских башкир.

Среди самой многочисленной группы приехавших из степи в 1866 г.— крестьян — большинство принадлежало к национальным меньшинствам, русских было только 27 человек (11 государственных крестьян, 13 крестьян-собственников и 3 крестьянина неизвестных категорий), в основном они происходили из поволжских губерний (13 — из Симбирской, 2 — из Самарской, 1 — из Казанской), 1 — из Оренбургской губернии, остальные 10 — из Центральной России (6 — из Нижегородской губернии, 3 — из Владимирской, 1 — из Тверской). Остальные крестьяне в подавляющем большинстве были татары[23] Казанской (161), Вятской (21), Тамбовской (34), Рязанской (22), Пензенской (2) губерний, по 1 крестьянину происходило из Оренбургской, Уфимской и Симбирской губерний. Были ли эти крестьяне татары, башкиры или других национальностей — неясно, можно только сказать, что они были нерусские, так как носили восточные имена. Табл. 30 показывает национальный состав торговцев, а табл. 31 — их местожительство.

Сделанные наблюдения над составом торговавших по Оренбургской пограничной линии и, в частности, в казахских степях приводят к выводу, что торговля находилась преимущественно в руках крестьян или мещан, происходивших в основном из Оренбургской (пограничной) и приволжских губерний.

[23] Может быть, частично удмурты.

Таблица 30

Национальный состав приехавших из степи в 1866 г.

	Русские	Татары, башкиры и др.	Всего
Купцы, торговавшие самостоятельно без работников	—	11	11
Купцы-работники	14	48	62
Мещане	37	135 *	172
Крестьяне	27	244	271
Оренбургские казаки и отставные военные	7	—	7
Неизвестные по сословию и месту жительства	—	3	3
Итого	85	441	526

* Сюда включены 62 башкира, сословие которых не указано.

Таблица 31

Местожительство приехавших из степи

	Из Центрального промышленного района	Из Центрального черноземного района	С Поволжья	Из Оренбургской и Уфимской губерний	Неизвестных	Всего
Крестьяне	10	58	199	3	1	271
Мещане	2	1	11	158 *	—	172
Башкиры без указания сословия	—	—	—	—	3	3
Казаки и отставные военные	—	—	—	—	7	7
Купцы без работников	—	2	—	9	—	11
Купцы-работники	1	14	1	42	4	62
Итого	13	75	211	212	15	526

* Сюда включены 62 башкира.

Сохранившийся список купцов, торговавших в самом Оренбурге в 1867 г.[24], позволяет установить и их состав. Список этот имеется в черновом виде и можно думать, что он составлен оренбургским таможенным ведомством, так как находится в деле, носящем название «Годовые отчеты таможни и заставы за 1867 г.», хранящемся в фонде оренбургской таможни. Черновик списка непосредственно следует за ведомостью оренбургской таможни, содержащей сведения о лицах, переехавших границу в 1867 г. Имеются все основания считать, что оба документа исходят из данных, собранных таможенными чиновниками.

[24] Госархив Оренбургской обл., ф. 153, оп. 1, 1867 г., д. 284, лл. 55—132 об.

По данным чернового списка, в Оренбурге — самом крупном пограничном торговом пункте по среднеазиатской линии — в 1867 г. торговали 205 русских купцов, 186 бухарских, 304 хивинских и 4 западноевропейских. По местожительству русские купцы распределяются следующим образом:

Оренбургская губерния	112	Неизвестные	28
Губернии Поволжья .	36	Разные	4
Центральная Россия .	25	Всего	205

Из приведенных данных видно, что основной контингент торговавших в Оренбурге состоял из жителей самого Оренбурга и Оренбургской губернии, т. е. из жителей пограничной полосы, а второе место занимали торговцы поволжских губерний. Центральная Россия была представлена сравнительно слабо. Интересно отметить, что из 8 торговцев Центрального промышленного района 6 были купцами (причем, в их числе представители известных торговых фирм, как например, Хлудовы, Веснины и Дюковы) и 2 были крестьянами, а из 17 выходцев из центрально-черноземных губерний здесь было 6 купцов, 2 мещанина и 9 крестьян.

Труднее всего дать анализ торговавших в Оренбурге по их классовому признаку, так как используемый источник, во-первых, придерживается сословного признака, во-вторых, иногда смешивает сословный признак с национальным. Так, например, в списке перечислено шесть башкир, которых нет возможности причислить к той или иной классовой группе.

Если из 205 торгующих исключить 23, в число которых входят упомянутые 6 башкир, а также чиновники, казаки, отставные военные и 4 неизвестных сословий, то среди оставшихся 182 человек купцов было 112 (из них 78 русских), 37 мещан (из них 34 русских) и 33 крестьянина (из них 21 русский).

Если купцы и мещане в значительной степени принадлежали к жителям Оренбургской и соседних губерний (первые — 77 из 112, вторые — 31 из 37), то крестьян Оренбургской губернии было только 4. Остальные пришли из поволжских (11), центральных промышленных (2) и центральных черноземных губерний (12) [25].

В противоположность торговавшим в степи, которые в подавляющем большинстве принадлежали к татарам или башкирам, в Оренбурге торговали большей частью русские, что касается сословного состава, то, в то время как в Казахстане торговали в первую очередь крестьяне, в Оренбурге торгующих крестьян было меньше всего, а на первом месте стояли купцы.

До сих пор говорилось о торговавших в пограничной полосе или в казахской степи и было отмечено, что торговля по сред-

[25] У 4 крестьян из 33 не указано место происхождения.

неазиатской границе производилась главным образом обладателями небольших капиталов.

В то же время замечено, что большинство торгующих по среднеазиатской границе вели свои операции в степи: так, из 839 торговцев, приехавших в 1866 г. на Оренбургскую пограничную линию, 547 прибыло из Казахстана и только 292 — из ханств Средней Азии; из 749 выехавших в этом году по Оренбургской линии 657 отбыло в казахскую степь и только 92 — в ханства Средней Азии. Таким образом, даже после взятия в 1865 г. Ташкента, большая часть торговавшего населения производила свои операции с казахами. Однако разница между прибывшими (292) и выехавшими (92) в ханства Средней Азии показывает, что завоевание царскими войсками отдельных частей Кокандского и Бухарского ханств способствовало привлечению в Россию значительной части купцов из Средней Азии.

Теперь обратимся к вопросу о составе купечества, ведшего торговлю между Россией и ханствами Средней Азии.

До 40-х годов XIX в. вся торговля России со Средней Азией находилась в руках среднеазиатских купцов. Русские купцы, крестьяне и мещане, торговавшие в это время сравнительно широко в казахской степи, в ханства Средней Азии не ездили и не посылали туда с товарами своих работников. Среднеазиатские купцы сами приезжали в Россию, торговали на ярмарках Нижегородской и Ирбитской, а также вели торг на меновых дворах Оренбурга и Троицка и в других пунктах Оренбургской и Сибирской пограничных линий.

В начале 40-х годов три русских купца впервые отправили своих приказчиков в Хиву. Один из этих купцов, Михаил Деев, принадлежал к оренбургскому купечеству первой гильдии и беспрерывно торговал по среднеазиатской границе[26]. Другой, Путолов[27], был тоже оренбургским купцом. Третьим купцом, отправившим приказчика с товарами в Хиву, был ростовский купец второй гильдии Федор Пичугин. В 1844 г. фабриканты Владимирской губернии И. Ф. Баранов и П. С. Зубов вместе

---

[26] О Михаиле Дееве говорилось выше.

[27] В списках купцов, печатавшихся в «Государственной внешней торговле», встречаются два Путолова: один из них, Путолов А.— оренбургский купец третьей гильдии — упоминается в списках в 1841 и 1844 гг. Другой, Путолов Иван, торговал за пределами Оренбургской линии почти непрерывно, имя его встречается и в 60-х годах; в списках он числился то оренбургским, то горбатовским купцом второй гильдии. Очевидно, в зависимости от тех или иных практических соображений Иван Путолов, будучи горбатовским купцом, по временам приписывался к оренбургскому купечеству. Можно думать, что именно Иван Путолов был из тех купцов, которые начали торговать в Средней Азии, так как он принадлежал к более состоятельному разряду — ко второй гильдии — и торговля его за пределами оренбургской линии была более устойчивой (его имя встречается в упомянутых списках «Государственной внешней торговли» на протяжении нескольких десятилетий).

с Пичугиным образовали товарищество для торговли с ханствами Средней Азии [28].

Компаньоны начали свою торговую деятельность с Хивы, предприняв попытку торговать в Бухаре, и распространили свои операции на Ташкент и Коканд. В первые годы деятельности обороты товарищества в Средней Азии увеличивались. Однако условия торговли там были затруднительны, а правительство не оказывало компании просимого ею покровительства. С этими неблагоприятными обстоятельствами совпала смерть в 1848 г. одного из компаньонов — Баранова. В 1848 г. компания распалась, только Пичугин еще продолжал на свой страх и риск торговлю в Средней Азии, но и он прекратил ее в 1850 г. В дальнейшем, как и до 40-х годов, русские купцы не ездили в Среднюю Азию [29].

---

[28] Подробности о деятельности этой компании см. М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.— Л., 1949, стр. 358—368.

[29] Однако фабриканты Владимирской губернии не сразу отказались от торговых операций в Средней Азии. Это видно из писем их приказчика Ключарева оренбургскому военному губернатору Перовскому и председателю Оренбургской пограничной комиссии генерал-майору Лодыженскому. Перовский в письме Сенявину от 20 июля (по-видимому, 1851 г.) сообщал, со слов Ключарева, что его хозяева, фабриканты Зубов и Барановы, коммерческие обороты которых в России доходят до 8 млн. руб., интересуются главным образом приобретением красительных веществ, из которых больше всего внимания уделяют марене, которую получают из Хивы, Ташкента и Астрабада. Поэтому фабриканты предпочитали торговлю с Хивой, где они в течение четырех лет содержали на оброке участок земли, на котором сеяли марену, и этим опытом убедили население Хивинского ханства в пользе производства этого растения, хотя, по словам Ключарева (со слов Перовского), выгоду распространения посевов марены в большом количестве местное хивинское население поняло не очень давно.

Что же касается Коканда, то там, по сообщению Ключарева, марена растет только в районе города Намангана и почти вся отправляется в Кашгар и во внутренние районы Китая. Попытка Баранова и Зубова, по свидетельству Ключарева, способствовать посевам марены в Коканде не увенчалась успехом. Из текста упомянутого отношения Перовского видно, что в указанное время (по-видимому, в 1851 г.) хозяева Ключарева поручили ему отправить товары, привезенные с последними караванами из Хивы и Ташкента, на Нижегородскую ярмарку и заготовить русские товары, которые предположено отправить в Среднюю Азию с осенними караванами. Хотя Ключарев, по словам Перовского, категорически отрицал возможность поездки в Хиву, а о Ташкенте говорил уклончиво, не зная, найдут ли хозяева выгодными для себя торговые операции в Коканде, которые, по мнению Ключарева, не принесли убытков. Все же фабриканты Зубов и Баранов еще колебались в своем решении прекратить торговлю со Средней Азией.

Из отношения председателя Оренбургской пограничной комиссии Лодыженского от 27 сентября 1851 г. видно, что в это время Ключарев был занят разделом товаров между компаньонами в связи с нежеланием наследницы Баранова продолжать торговлю в ханствах Средней Азии.

В своем письме Перовскому от 25 декабря 1852 г. Ключарев известил его, что он сдал отчет о своих торговых операциях в Ташкенте Зубову, который в ответ сообщил, что он не находит для себя выгодной торговлю со Средней Азией, главным образом потому, что там нет достаточного количества марены и хлопка, вывоз которых взамен привозимого в Среднюю Азию товара Зубов

Между 1850 и 1855 гг. имя Пигучина в списках не указано, так как он уже не торговал в среднеазиатских ханствах. В последний раз имя Пичугина, который назван петропавловским купцом второй гильдии, встречается в 1856 г.[30]

Данные о купцах (или их приказчиках и работниках), торговавших в Средней Азии в 50-х годах, содержатся в ведомостях, составленных пограничными таможнями. К сожалению, эти ведомости не представляют собой компактного материала. Имеющиеся для более позднего времени таможенные ведомости о купцах, приезжавших и выезжавших по оренбургской пограничной линии, часто охватывают не все таможни. Поэтому в нашем распоряжении имеется только часть сведений.

Для 1850 г. имеются две ведомости. Одна из них в основном содержит донесения Троицкой таможни с 25 марта по 21 декабря 1850 г.— за весь период караванной торговли, которая почти прекращалась в зимние месяцы. Вторая ведомость содержит сведения с 26 апреля по 19 октября, т. е. опять-таки приблизительно за весь период караванной торговли (отдельные местности и годы разнились друг от друга временем караванной торговли, зависевшим от погоды). Этой ведомостью учтены караваны из Бухары, Ташкента, Хивы и Чугучака, пришедшие в Оренбург, Троицк и Орск, в общем по всей Оренбургской пограничной линии[31].

считал своей главной целью. Поскольку же эта главная цель не может быть достигнута и расходы не оправдываются среднеазиатской торговлей, Зубов так же, как и Баранова, решил прекратить торговлю в Ташкенте.

Однако в марте 1853 г. Ключарев опять пишет Перовскому, что на Ростовской ярмарке того же года он виделся с Зубовым, сообщившим ему о своем намерении производить торговые операции в Ташкенте и о поисках для этой цели компаньонов, которых уже имел в виду. Барановы — наследники вдовы Барановой — также были на Ростовской ярмарке и «также изъявили свое ревностное желание производить свои торговые дела с азиятцами и занялись распоряжением приготовить свои товары для тамошнего края и с мая месяца намерены отправить оные товары в Оренбург».

В следующем письме Лодыженскому от 22 апреля 1853 г. Ключарев сообщает, что он поспешит принять в Оренбурге дела Зубова и Барановых по торговле со Средней Азией.

В письме тому же адресату от 6 мая 1853 г. Ключарев пишет, что Зубов отказался от торговых операций в Средней Азии, но Барановы «с удовольствием приняли мои услуги... и я решил с ними временно управлять от них ихними торговыми делами с азиатцами по Оренбургу в качестве их поверенного, а впоследствии они имеют намерение посылать свои товары в Среднюю Азию...».

Таким образом, после многолетних колебаний Барановы в конце концов решили торговать со Средней Азией в Оренбурге, а не на территории ханств Средней Азии (Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 10, д. 6590 б, лл. 2—3, 10, 81—83, 96—97, 100 об.).

[30] См. списки купцов, производивших заграничную торговлю на суммы свыше 50 тыс. руб. за 1841—1863 гг. в издании «Государственная внешняя торговля в разных ее видах».

[31] Указанные ведомости хранятся в Госархиве Оренбургской области (ф. 6, оп. 10, д. 6307, 6338).

В этих ведомостях мы еще встречаем фамилию Пичугина, который, как было сказано выше, именно в 1850 г. прекратил торговлю со Средней Азией. Но в списке купцов, отправлявших со своими приказчиками и работниками товары в среднеазиатские ханства, Зубова и Баранова уже нет. Всего же в 1850 г. самостоятельно (а не через посредство среднеазиатских купцов) отправляли свои товары в Среднюю Азию: три оренбургских купца второй гильдии (Ковалев, Баныкин и Дюков), четыре троицких купца (третьей и второй гильдий), четыре купца Казанской губернии (первой и второй гильдий) и один ростовский купец (Пичугин).

Оренбургские купцы, торговавшие в 1850 г., были русскими; один из них, Дюков, происходил, по-видимому, из ростовских купцов или крестьян [32].

Троицкие и казанские купцы были татары, некоторые из них, может быть, башкиры. Таким образом, торговые связи со Средней Азией волжских купцов объясняются не только тем, что Волга была удобным путем сообщения, но и тем, что татарам и башкирам было выгоднее торговать в Средней Азии, чем купцам русской национальности, так как они мусульмане платили в ханствах 2,5% пошлины.

В Государственном историческом архиве Оренбургской области хранятся списки купцов за 50-е годы и начало 60-х годов, которые подтверждают вывод о том, что в это время среди русских купцов, торговавших со Средней Азией по Оренбургской линии, преобладали купцы пограничных с Казахстаном городов [33]

---

[32] Вопрос о принадлежности Дюкова к купечеству Оренбургской или Ярославской губернии заслуживает специального внимания. Существовало два Дюковых. Один из них, Андрей, числился то оренбургским, то ростовским купцом второй гильдии. Другой Дюков, Василий Михайлов, был крестьянином села Угодич Ростовского уезда Ярославской губернии. По данным 1852 г., он в это время торговал в казахской степи, а может быть, и в ханствах Средней Азии, поскольку в Госархиве Оренбургской области имеется дело «О награждении крестьянина Ярославской губернии Василия Дюкова за производство торговли с областями Средней Азии».

В 1852 г. несколько казахов Чимкенского рода Кабакова отделения подали Перовскому прошение о награждении Дюкова: «С давних лет путеводительствуя хивинским караваном, приходим мы в город Оренбург и на меновом дворе производим торговлю, преимущественно же с 1833 г. постоянно производя торговлю, нашли одного свободного хлебопашца-крестьянина Ярославской губернии Ростовского уезда села Угодич Василия Михайлова Дюкова 2-го, известнейшего своею честностию и бескорыстием, которого мы за его похвальное поведение прозвали Байсалом...» Сам Дюков просил наградить его за то, что он, торгуя в глубине степи, старается настроить казахов против Хивы. В награде Дюкову было отказано.

По-видимому, крестьянин Дюков состоял в родственных отношениях с оренбургским или с ростовским купцом Андреем Дюковым, судя по тому, что оба они происходили из Ростовского уезда Ярославской губернии (Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 10, д. 6728, лл. 1—8).

[33] Среди русских купцов Пупышев называется то оренбургским, то елабужским (Вятской губернии), Путолов — то оренбургским, то горбатовским.

и приволжского района, являвшиеся по преимуществу татарами. Неполнота этих списков затрудняет исследование, но факт чрезвычайно слабого непосредственного участия купцов центральных районов России в среднеазиатской торговле подтверждается целым рядом других источников.

Небольсин, известный автор работы о торговле России со Средней Азией, вышедшей в 1856 г.[34], отмечал, что русские купцы редко бывают в Средней Азии, а доверяют торговлю своим приказчикам — казанским татарам и «ростовцам»[35]. При этом Небольсин имел в виду «коренных русских» купцов, отмечая, что татары-магометане находятся в лучшем положении в ханствах и поэтому принимают в среднеазиатской торговле более активное участие. Давая критическую оценку деятельности приказчиков и считая их недобросовестные действия одной (хотя и не главной) из причин «шаткого» положения русской торговли в среднеазиатских ханствах, Небольсин утверждает, что «гораздо более было бы успеха, если бы на среднеазиатском рынке явился истинный купец», т. е. оптовый русский торговец[36].

В краткой записке «О невыгодном для России положении торговли ее со Среднею Азией», исправленной рукой председателя Оренбургской пограничной комиссии В. В. Григорьева и относящейся к 1858 г., сказано, что с 1852 г. русские торговцы-христиане не ездят в Среднюю Азию «и совершенно прекратили торговлю с нею или ведут ее уже через комиссионеров-магометан — казанских татар и киргизов Зауральской орды»[37].

О том же свидетельствуют источники, относящиеся к первой половине 60-х годов. Автор писем «С Волги», писал, что бухарские купцы, «водворившиеся» в Троицке, Семипалатинске и Оренбурге, являются главными деятелями среднеазиатской торговли, а русские купцы почти не принимают в ней «личного» участия. Тут же автор отметил, что в связи с недостатком американского хлопка-сырца пять русских торговых домов «ведут дела свои в самой Бухаре, да и то посредством приказчиков из татар и киргизов»[38].

Подполковник Генерального штаба Глуховской в записке военному губернатору Туркестанской области в июле 1866 г. писал, что до самого последнего времени торговля России с Бухарой была в руках бухарских купцов. Ссылаясь на цитированное

---

[34] П. Небольсин. Очерки торговли России со странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканом со стороны Оренбургской линии. СПб., 1856.

[35] Имеются в виду уроженцы Ростовского уезда Ярославской губернии.

[36] П. Небольсин. Указ. соч., стр. 18—20.

[37] Залесов. Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 г.— «Русский вестник», 1871, т. 91, стр. 452—457 (приложение к статье); А. Л. Попов. Из истории завоевания Средней Азии.— «Исторические записки», т. 9. М., 1940, стр. 199.

[38] «Северная почта», 1863, № 193.

выше утверждение Небольсина о слабом участии русского купечества в торговле со Средней Азией, Глуховской высказывал мнение, что для развития среднеазиатской торговли надо всеми средствами содействовать ее переходу в руки русских купцов [39].

В журнале «Торговый сборник» в статье, посвященной вопросу о перенесении таможенной линии на Сыр-Дарью, говорится, что это перенесение необходимо «вовсе не в видах развития торговли нашей с Азией, а в видах обращения выгод от этой торговли, которыми пользуются почти исключительно азиатцы, на сторону нашего купечества...» [40].

Таково было положение до середины 60-х годов.

---

[39] Глуховской. Записка о значении Бухарского ханства для России и о необходимости принятия решительных мер для прочного водворения нашего влияния в Средней Азии. СПб., 1867, стр. 25—27.

[40] «Торговый сборник», 1864, № 46.

Глава VI

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКИХ КУПЦОВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В ПЕРИОД ЕЕ ЗАВОЕВАНИЯ

Развитие торговых оборотов в Средней Азии в 60-х годах XIX в. прошло два этапа. Первый этап имел место в начале 60-х годов и был связан с мировым хлопковым кризисом; второй этап связан с наступлением царских войск в 1864 г. и в особенности с взятием Ташкента в начале лета 1865 г. Эти события побудили некоторых крупных русских купцов и фабрикантов принять непосредственное участие в среднеазиатской торговле.

Но прежде чем перейти к описанию деятельности этих представителей крупной буржуазии, остановимся на общей характеристике купечества, торговавшего в Средней Азии в 60-х годах. О деятельности русских купцов в Средней Азии имеются разнообразные источники. К их числу принадлежит список лиц, выехавших «за границу» и приехавших «из-за границы» в 1866 г.[1]

Согласно этому списку, в 1866 г. в Хивинское ханство уехали из русских подданных только два купеческих работника. Из иностранных купцов вывозную торговлю из России в Хиву вели в том году 19 хивинцев, 9 ташкентцев, 11 персов (из них 2 — работники турецкого купца), 1 афганец. Из Хивы приехали торговавшие там 181 хивинец, 32 перса, 28 ташкентцев, 2 афганца, 2 казаха — подданные Хивы. Из русских подданных из Хивы возвратились в 1866 г. два оренбургских мещанина — работники оренбургского купца Степана Кобякова и торговавшие в Хиве самостоятельно два оренбургских и один стерлитамакский мещанин, один «государственный татарин» Казанской губернии и один житель Ярославской губернии. Всех приехавших из Хивы торговцев было 252 человека.

Из приведенных данных видно, что основная масса купечества, принимавшего участие в русско-хивинской торговле, состояла из азиатских, в первую очередь хивинских торговцев.

Из русских торговали один купец (два его работника) и пять мещан и крестьян, ведших дела на свой страх и риск. Только один из них приехал из Ярославской губернии, т. е. из Централь-

[1] Госархив Оренбургской области, ф. 153, оп. 1, д. 262, лл. 1—51. Характеристику этого списка см. в гл. V настоящей работы.

ной России, все остальные были жителями пограничной полосы или приволжских губерний.

Из Бухары в 1866 г. ни русские купцы, ни их работники не приехали. Прибыли 32 бухарца, 1 ташкентец, 2 афганца и 2 перса. Уехали же в том году в Бухару только три азиатских купца (один бухарец, один перс, один из неизвестного государства). Из русских же подданных купцов, хотя и не лично, а при посредстве приказчиков и работников (21 человек) в русско-бухарской торговле (в вывозе из России в Бухару) приняли участие 7 купцов, из них 4 оренбургских (Веснины вместе с Дюковыми, Иван Путолов[2], Удалаев и Вабуев), 2 казанских (Усманов и Мухтакимов) и 1 троицкий купец (Абдулкаримов). Подавляющее большинство работников этих купцов были татары (государственные крестьяне) Казанской губернии и несколько человек (также татары) были выходцами из Тамбовской и Рязанской губерний. Казанский купец первой гильдии Мухтакимов сам (со своими тремя работниками) ездил в Бухару. Наиболее крупные торговые операции в Бухаре производили, по-видимому, Веснины и Дюковы, судя по тому, что они послали туда в 1866 г. 12 работников (все они были государственными крестьянами, по-видимому, татарами из Казанской, Тамбовской и Рязанской губерний).

Из Ташкента в 1866 г. приехали только 2 ташкентца, зато выехали туда 17 ташкентцев и 1 перс. Из русских купцов, отправивших свои товары в Ташкент, были: московский купец Хлудов, купеческий сын Владимирской губернии (Вязниковского уезда) Н. Шапин, купеческий сын Вятской губернии (елабужский) Федор Пупышев, купец второй гильдии Нижегородской губернии (горбатовский) Иван Путолов, купеческий сын Пермской губернии (кунгурский) Иван Пиликин, оренбургский купец второй гильдии Иван Путолов. Как видно, в 1866 г. в торговле с Ташкентом принимали участие русские купцы разных районов России, начиная от пограничной Оренбургской губернии[3] и кончая губерниями Центрального промышленного района — Нижегородской, Московской и Владимирской, причем трое из них — Шапин, Пупышев и горбатовский купец Иван Путолов — поехали в Ташкент самолично.

Здесь следует обратить внимание на то, что из Ташкента в 1866 г. не приехало ни одного представителя русского купечества, выехали же туда представители шести русских купцов. Этот факт, безусловно, был связан с завоеванием Ташкента в 1865 г.

---

[2] Дюковы часто называются ростовскими купцами, Иван Путолов — горбатовским купцом.

[3] Единственный оренбургский купец Иван Путолов, вероятно, происходил из горбатовских купцов и недавно приписался к оренбургскому купечеству. Возможно, что горбатовский купец Иван Путолов и оренбургский купец Иван Путолов — одно и то же лицо.

Естественно, что в этом году торговля с городом не могла развернуться, но уже в следующем году русские купцы направили туда свои товары.

Характерно, что не только купцы, но и многие работники, выехавшие в 1866 г. в Ташкент, происходили из мещан и крестьян Центральной России. Так, оба работника купца Хлудова были московскими мещанами, два работника елабужского купца Федора Пупышева были мещанами Вятской губернии (елабужскими) и два — крестьянами Уфимской губернии. Из трех работников оренбургского купца Ивана Путолова один был из Вятской, а другой — из Владимирской губернии. В общем из 12 работников только 4 были татары или башкиры (да и то 1 из них был уроженцем Казанской губернии и 1 — Тамбовской), а остальные — русские, из которых 1 принадлежал к оренбургскому купечеству, а другие (кроме одного), были выходцами из внутренних губерний.

За 1867 г. имеются сведения о купцах, торговавших в Ташкенте. В июле, по данным заведующего караванным базарным сбором, в ташкентских караван-сараях было 26 лавок, принадлежавших 10 русским купцам [4], происходившим из разных местностей России. Двое из них были жителями губерний, пограничных с Казахской степью — оренбургский купец Деев, давно торговавший со Средней Азией, и троицкий купец Василий Пупышев [5], один был московским купцом (Хлудов), один — петербургским (Первушин), остальные шесть были жителями уездного города Елабуги Вятской губернии. Большинство торговало через своих доверенных и только Хлудов и Первушин лично находились в Ташкенте.

Завоевание царскими войсками значительной части среднеазиатской территории, а главное, одного из крупнейших торговых и административных центров Средней Азии, каким в то время был Ташкент, способствовало развитию русской торговли в среднеазиатских ханствах: русские купцы почувствовали бо́льшую уверенность, так как риск торговых операций в Средней Азии намного уменьшился. Поэтому в первые же годы после завоевания Ташкента там появляется сравнительно много русских купцов и их приказчиков.

Если до 60-х годов, как уже указывалось, торговля России со Средней Азией находилась в руках среднеазиатских купцов, то после взятия Ташкента положение изменилось. В 1872 г., например, туда было привезено русских и азиатских товаров на 11 647 тыс. руб., из них русские купцы привезли товаров на 5551 тыс. руб., т. е. почти половину всех товаров (около 48%).

---

[4] ЦГИА УзбССР, ф. 450, оп. 1, д. 33, лл. 1—4.

[5] Пупышев, как указывалось выше, числился то оренбургским, то елабужским купцом.

В подавляющей части эти товары были привезены из России: из Оренбурга, Троицка, Петропавловска и других городов. Вместе с тем русские купцы стали участвовать и в привозе в Ташкент товаров из среднеазиатских городов и областей — из Сыр-Дарьинской области, Коканда, Бухары, Зеравшанского округа, Семиреченской области. Оттуда ими было привезено товаров в Ташкент на 541 тыс. руб. В том же 1872 г. из Ташкента было вывезено товаров на 5602 тыс. руб., из них русскими купцами — на 2224 тыс. руб., т. е. около 40%, причем больше половины этих товаров они вывезли в города и области Средней Азии [6].

Не только торговля с Ташкентом, но и торговая деятельность русских купцов в ханствах Средней Азии, в особенности в Бухаре, продолжала развиваться в конце 60 — в начале 70-х годов XIX в. Русские купцы, почти не торговавшие в Средней Азии до начала 60-х годов, к 70-м годам торгуют не только в Ташкенте, но и за пределами Туркестанского края.

Сведения о русских купцах, торговавших в Средней Азии, мы можем извлечь из жалоб туркестанскому начальству на неуплату долгов среднеазиатскими купцами. Источник этот в известной мере случайный, это не список русских купцов, торговавших в Средней Азии; многие из русских купцов могли не торговать в долг или и в случаях неуплаты не обращаться с жалобами к туркестанскому или иному начальству. Таким образом, этот источник страдает неполнотой, но неполнота — его единственный недостаток. Большое достоинство его — достоверность сообщаемых им фактов о торговых операциях того или иного купца в Средней Азии.

На основании указанных источников в поле нашего зрения оказались 10 купцов [7]. В отношении четверых из них неясно,

---

[6] ЦГИА УзбССР, ф. 469, д. 189, лл. 38, 173, 248—255, 262.

[7] Торговые связи с ханствами Средней Азии завязала оренбургская купчиха первой гильдии Пелагея Онуфриевна Онуфриева (по другим источникам, Спиридонова), которая в 1873 г. подала прошение о взыскании долгов с бухарских и хивинских купцов. К этому ее побудила необходимость прекратить торговую деятельность в связи с хивинским походом, по причине которого среднеазиатские купцы перестали приезжать в Россию. По реестру копий векселей, приложенных к жалобе Онуфриевой, видно, что общая сумма задолженности ей со стороны среднеазиатских купцов составляла более 26 тыс. руб. Эти деньги ей были должны четыре бухарских и один хивинский купец. Все векселя получены в Оренбурге. Самый ранний из них датирован 19 ноября 1863 г. и выдан бухарским купцом. Хивинский купец, давший вексель в Оренбурге 27 октября 1867 г., обязался уплатить по нему на Нижегородской ярмарке 1868 г.

В конце 1867 г. «второстепенному» русскому купцу Михаилу Федорову было выдано свидетельство, так как он отправлялся в Коканд по торговым делам. К этому же времени относится выдача свидетельства приказчику первостатейного русского купца Колесникова Мухамеду. К сожалению, в обоих случаях нам неизвестны местожительства купцов. Купец Михаил Федоров ездил в Коканд сам, и это показывает новую фазу торговых отношений, когда

торговали ли они сами в средней Азии или сбывали товар среднеазиатским купцам, приезжавшим в русские города и на ярмарки. Остальные шестеро сами или в лице своих приказчиков торговали непосредственно не только в Ташкенте и в других городах, присоединенных к России, но и в ханствах, находившихся под царским протекторатом. Если судить по этим 10, то русские купцы меньше всего торговали в Хиве. И это понятно, так как Хивинское ханство в это время еще не было подчинено царскому правительству.

русские купцы стали брать в свои руки торговлю не только с Ташкентом, но и с ханствами.

Торговая деятельность русских купцов в ханствах зависела от заключения в 1868 г. договоров с Бухарой и Кокандом, принудивших, как было указано выше, бухарского эмира и кокандского хана к соблюдению определенных торговых правил (2,5% пошлины и т. д.), создававших для русских купцов благоприятные условия торговли.

В годы, непосредственно следовавшие за заключением русско-бухарского договора 1868 г., ряд русских купцов отправил караваны с товарами в Бухару. Об этих караванах мы узнаем из жалоб купцов или их приказчиков на несоблюдение в Бухаре условий трактата 1868 г.

Из жалобы Гавриила Степановича Игумнова, доверенного казанского купца первой гильдии С. И. Пчелина, Кауфману от 2 августа 1869 г. мы узнаем, что в Бухару были привезены товары, принадлежавшие купцу Пчелину: они состояли из 1500 кусков тика фабрики Мануйлова, из 11 400 фунтов зеленого чая, 346 кусков зона (коленкор или миткаль) фабрики Шишкина и 200 кусков сукна фабрики Ремизова. Значительная часть товара, не проданная в Бухаре (весь чай, 296 кусков зона, 200 кусков сукна), была отправлена в Коканд.

В том же 1869 г. в Бухару был послан караван крупного елабужского купца первой гильдии Д. М. Пупышева, который в Туркестанском крае торговал еще в 1866 г. и числился в указанном выше списке купцов, торговавших в Ташкенте в 1867 г. Караван Пупышева привез в Бухару товаров (текстильных изделий) на 46 165 руб. В дальнейшем Пупышев продолжал торговые операции не только в Бухаре, но и в Коканде. В 1871 г. приказчик Пупышева Комиссаров произвел в Коканде большую продажу, которая в источнике названа «выдающеюся». В марте 1872 г. мы встречаем в Коканде приказчика Пупышева Колесникова. В 1874 г. Пупышев подал жалобу на двух среднеазиатских купцов: одного бухарского и одного кокандского, которые должны были ему 3474 руб.

В 1870 г., а может быть, и раньше, в Бухаре торговала фирма Елизаветы Быковской с сыновьями (вероятно, как-то связанная с московским купцом второй гильдии Быковским, ездившим в Бухару еще в 1860 г.). Елизавета Быковская — почетная гражданка, временная московская купчиха первой гильдии — имела собственный дом в Казалинске, что указывает на крепкие торговые связи фирмы со среднеазиатскими рынками. Если верить сведениям, сообщенным доверенным торгового дома слободским купцом второй гильдии И. Н. Шмелевым, с товаров фирмы Быковских было взято в Бухаре пошлины 24 474 тенги, что было вдвое выше пошлины, установленной трактатом 1868 г., т. е. 5%. Таким образом, принимая во внимание, что тенга равнялась 25 коп. серебром, можно оценить доставленный в Бухару фирмой Быковской товар в 122 395 руб. серебром — в сумму довольно солидную для первых шагов торговой деятельности русских купцов в Бухарском ханстве.

В начале 70-х годов мы встречаемся с торговой деятельностью в Бухаре русского купца Громова: в 1872 г. он подал прошение о взыскании с бухар-

Из 10 купцов нам известно происхождение только 8: 2 были из Москвы, 2 — из Московской губернии (1 — из Бронниц и 1 — из Воскресенска Звенигородского уезда), 1 — из Кинешмы (Костромской губернии), 1 — из Казани, 1 — из Елабуги (Вятской губернии) и 1 — из Оренбурга. Отсюда видно, что большая часть

ского купца 2 тыс. руб. В начале 70-х годов с Бухарой торговал торговый дом бронницких купцов второй гильдии «Н. и Г. сыновья Федора Сергеева». Сергеевы в 1872 г. предъявили векселя бухарских купцов на сумму свыше 9 тыс. руб. с обязательством (по крайней мере, по одному векселю) уплаты на Нижегородской ярмарке. Векселя датированы 1872 г., выданы на Нижегородской ярмарке или в Москве. 1873 годом датирована просьба о взыскании долгов в сумме 5500 руб. с бухарских купцов временного московского купца Я. Д. Салтыкова, торговавшего металлическими изделиями.

В 1874—1876 гг. кинешемский купец второй гильдии К. И. Коновалов предъявил векселя на многих кокандских, бухарских, ташкентских, наманганских и других среднеазиатских купцов, датированных начиная с 1865 г. Векселя были даны в Оренбурге, на Нижегородской ярмарке и в других местах. Поверенный купца Коновалова крестьянин Гаврила Михайлов Беляков жил в Ташкенте. Таким образом, хотя векселя были выданы на русской территории, Коновалов через своего поверенного вел непосредственную торговую деятельность в Средней Азии (по крайней мере, из Ташкента).

Большую торговлю в Бухаре и Хиве производил потомственный почетный гражданин воскресенский купец первой гильдии Веснин. В 1875—1876 гг. имя Веснина упоминается в связи с взысканием долгов с бухарских подданных в пользу купца Коншина. В это время, между прочим, упоминается о продаже Весниным одному из бухарских купцов товаров в кредит на 1437 руб. (Иногда Веснин называется оренбургским купцом, о торговле Весниных и Дюковых см. выше). Подробности о торговле Веснина в Бухаре мы узнаем из письма его доверенного казанского мещанина Мухамедьяна Мусина Яхъина Кауфману из Казалинска от 27 мая 1875 г. Прося у Кауфмана помощи во взыскании долгов со среднеазиатских купцов, Яхъин сообщает, что Веснин «с давних времен ведет беспрерывную торговлю со среднеазиатскими владениями — преимущественно с Бухарой и Хивой на довольно значительную сумму...». Далее Яхъин приводит цифровые данные торговых оборотов Веснина в Бухаре: в 1869 г. было отправлено в Бухару товаров приблизительно на сумму в 1500 тыс. рублей, в 1870 г.— на 2 млн., в 1871 г.— на 1 млн., в 1872 г.— на 800 тыс., а с октября 1873 по октябрь 1874 г.— всего на сумму около 370 тыс. руб. Жалуясь на падение торговых оборотов Веснина в Бухаре, Яхъин писал, что торговля в Бухаре «до прошлого года, хотя и не представляла особенных дивидендов, но расчет был в том, [чтобы] сбывался товар без особенных остатков долгов и годичный оборот капитала покрывал расходы. Ныне же кроме понесенных от бухарской торговли убытков...» остались еще долги за бухарскими купцами. Таким образом, доверенный торгового дома Весниных (с сыновьями) признавал торговлю с Бухарой до 1873 г. выгодной. Как указывалось, письмо Яхъина было отправлено из Казалинска, а это говорит о том, что фирма Весниных сама, через свое доверенное лицо, торговала в Средней Азии, а не через среднеазиатских купцов (хотя доверенным лицом Веснина был казанский татарин, а не русский купец, мещанин или крестьянин). Факт этот подтверждается более ранним прошением Яхъина (от 5 марта 1875 г.) начальнику Зеравшанского округа из Самарканда. Прошение, поданное Яхъиным Кауфману в мае 1875 г., было, очевидно, написано в Казалинске после его возвращения из поездки в глубь Средней Азии (ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 29, д. 66, л. 38; д. 92, лл. 1—2, 20; д. 19, лл. 1, 11, 13—19, 29 об., 34; д. 60, лл. 1—2, 4; д. 115; д. 60; д. 66, лл. 5, 6, 8, 38; д. 90, л. 1; д. 111, лл. 1—62; д. 146, лл. 21—21 об., 32; оп. 20, д. 250, лл. 1—7, 19; д. 431, л. 1).

купцов происходила из Центрального промышленного района, двое — из поволжских губерний и один — из губернии, пограничной с Казахстаном.

Как уже указывалось, мы имеем в руках материал, страдающий неполнотой и не позволяющий поэтому сделать более широкие обобщения. Однако нет сомнений в том, что Среднюю Азию посещало для ведения торговых операций большее количество купцов, чем указано. По частным сведениям, относящимся к апрелю 1868 г. (т. е. до взятия Самарканда), только в Бухаре в это время находились 40 приказчиков русских купцов [8].

Как уже было видно, сверх 10 упомянутых купцов, участие в торговле в Средней Азии принимали и крупные фабриканты Центрального района: Хлудов, Морозов, Коншин [9].

* * *

В начале 1862 г., т. е. в то время, когда сказались последствия гражданской войны в Соединенных Штатах в отношении

[8] АВПР, Главный архив, I-9, 1852 г., д. 8, л. 235 об.

[9] К самому началу 60-х годов относится попытка вступить в непосредственные торговые сношения со Средней Азией московского купца второй гильдии Ивана Быковского. Быковский собирался в октябре 1860 г. лично поехать с товарами в Бухару и в связи с этим просил выдать ему особый билет, который бы охранял его и товары от притеснений бухарского правительства. Быковский получил отказ, который был мотивирован тем, что при отсутствии русского консульства в Бухаре выдача такого листа бесполезна, тем не менее караван Быковского благополучно прошел форт № 1 и достиг Бухары. В дальнейшем, по-видимому, торговые операции Быковского приобрели в Бухаре прочный характер, и в письме бухарскому кушбеги из Ташкента в феврале 1871 г. говорится о большом караване купца Быковского (во главе с его поверенным Василием Никитичем Никитиным), отправлявшемся в Бухару. (Возможно, что фирма Елизаветы Быковской с сыновьями, торговавшая в Средней Азии в 70-х годах, была тесно связана и в родственных отношениях с этим купцом Быковским).

В записке «Московского торгового общества», составленной Шиповым в 1862 г., говорится о купцах братьях Быковских, которые в 1845 г. впервые предложили бухарским купцам русскую пряжу. В начале 60-х годов эта пряжа употреблялась бухарцами для производства чалмы. В той же записке, составленной Шиповым, указано, что бухарец Сеид-Маруф по совету братьев Быковских заказал в Москве в 1858 г. 10 шелкомотальных станков, доставил их в Бухару вместе с мастером для обучения населения правильной размотке шелка. Таким образом, московский купец Быковский, общавшийся с бухарскими купцами в Москве в 40-х годах, а может быть, и ранее, решил в начале 60-х годов поехать в Бухару, что и осуществил.

По сведениям того же Шипова, торговый дом В. А. Быковского с братьями в 1859 г. послал в Бухару через того же бухарца Сеид-Маруфа 2 пуда семян американского хлопка. Семена были посеяны в 1860 г., а в 1861 г. из собранного урожая было привезено в Россию 10 пудов хлопка-сырца, из которого оказалось возможным прясть пряжу наиболее употребительных в России номеров. В 1861 г. в Бухаре посеяли около 20 пудов американского хлопчатника. Братья Быковские послали также в Бухару очистительные машины. Ездивший в Бухару Быковский сам установил там машины и научил пользоваться ими (АВПР, Главный архив, II-3, 1860 г., д. 7, лл. 3—6; I-9, 1852 г., д. 8, ч. II, лл. 86.—9; ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 29, д. 19, л. 24 об.).

снабжения Европы хлопком-сырцом, 15 московских купцов подали прошение управляющему Министерства финансов. Указывая на трудности в торговле с Западной Европой и на выгоды развития торговли со Средней Азией, особенно с Бухарой — центром среднеазиатской торговли, московское купечество указывало, что важнейшей помощью со стороны правительства в торговле с Бухарой может быть учреждение там русского консульства. В то же время, опасаясь подозрительности бухарского эмира, эти купцы считали целесообразным ограничиться пока учреждением торгового агентства, которое, находясь под покровительством русского и бухарского правительств, состояло бы из представителей русских и бухарских торговцев. При агентстве купцы предполагали иметь рисовальщиков для доставки в Москву (в отделение Мануфактурного совета) образцов материй, мастеров-машинистов и машины для усовершенствованной очистки и прессовки хлопка и марены, размотки шелка и первичной обработки других видов бухарского сырья. Средства агентства должны были составляться из взимания 1—1,5% с цены русских и бухарских товаров, а первоначальный капитал агентства — из казенной ссуды, выданной на 28 лет в размере 100 тыс. руб. из 5% годовых.

Агентству должно было быть позволено учредить склады при форте № 1 Казалы, но без монопольного права.

Министры финансов и иностранных дел сочли целесообразным учредить по этому вопросу комиссию под председательством оренбургского генерал-губернатора Безака. В своем ответе на запрос министра финансов Рейтерна от 5 мая 1862 г. Министерство иностранных дел сообщило, что оно еще в апреле внесло в Комитет министров записку об учреждении консульства в Бухаре [10].

Приблизительно к этому же времени относится «Записка о средствах к развитию нашей торговли в Средней Азии», представленная «Московским торговым обществом», а составителем ее был Шипов, автор известной книги «Хлопчатобумажная промышленность и важность ее значения в России». В этой книге, вышедшей в 50-х годах, Шипов отрицал, что Россия является будто бы страной чисто земледельческой [11]. Эта точка зрения отразилась и в составленной им записке. Доказывая, что нужно наконец убедиться в том, что Россия не земледельческое государство, что ей невыгодно вывозить сырые продукты и получать изделия, что в то же время в Западной Европе она не может выдержать соперничества в торговле и сырыми произведениями, Шипов призывал обратить внимание на Восток, преимуществен-

---

[10] АВПР, Главный архив, II-3, 1862 г., д. 4, лл. 3—7.

[11] Шипов. Хлопчатобумажная промышленность и важность ее значения в России. М., 1857—1858.

но на Среднюю Азию: «Здесь мы будем в отношении к азиатским народам в таком же положении, в каком находятся у нас иностранные негоцианты».

Указывая на то, что население Средней Азии нуждается в сбыте своих сырых продуктов, а ему некуда их сбывать, кроме России, и что многие изделия русской промышленности имеют в Средней Азии «верный сбыт», констатируя несомненную, на его взгляд, выгоду торговли со Средней Азией, Шипов задает вопрос, почему русское купечество оставляет эту выгодную торговлю в руках азиатских купцов. Шипов считает обвинения русского купечества в «недальновидности, небрежении и даже малой способности» несправедливыми. С его точки зрения, во всем виновато правительство, «хладнокровное нерадение» которого «о нашей внутренней торговле и подчинение ее свободному утеснению силою внешней торговли и внешних сношений наших истекают из тех принципов», которыми правительство руководствуется.

Отмечая энергичные меры оренбургских генерал-губернаторов Перовского и Катенина, приведшие к тому, что караванный путь от Оренбурга до Казалы и даже до Янги-Дарьи протяжением в 1300 с лишним верст стал безопасным, Шипов высказывает мнение, что эти меры, «как уверено русское купечество, могли бы последовать не в шестидесятых годах, а еще в тридцатых, если бы правительство русское смотрело не хладнокровно на развитие нашей восточной торговли». Русское купечество, по мнению Шипова, не находит «содействия правительства, но встречает одно хладнокровие и даже противодействие». В качестве примера Шипов приводит случай с купцом Быковским, упоминавшимся выше, который, отправляясь в июне 1860 г.[12] в Бухару, просил выдать ему охранный лист, но встретил «не только хладнокровный прием, а почти отказ и прямые возражения, что торговля с Бухарой дело неважное». А на обратном пути в Россию в апреле 1861 г. Быковский получил письменный отказ [13].

Указывая на недовольство русского купечества высокими пошлинами в ханствах Средней Азии, притеснениями при осмотре и оценке товаров, опасаясь разрешения транзита западноевропейских товаров в Среднюю Азию через Россию с возвратом пошлин, Шипов предложил ряд мер, необходимых, по его мнению, для успешного развития русской торговли в Средней Азии. Эти меры заключались в назначении консулов в Бухару, в

[12] Начальник оренбургского таможенного округа в донесении Департаменту внешней торговли писал, что московский купец второй гильдии Иван Быковский намеревается ехать с караваном в Бухару в октябре 1860 г., а не в июне, как сообщается в записке Шипова (АВПР, Главный архив, II-3, 1860 г., д. 7, лл. 3 об.— 6).

[13] АВПР, Главный архив, II-3, 1862 г., д. 5, лл. 2—3 об., 16 об., 19 об., 21—21 об., 26 об.— 27 об., 44.

учреждении склада товаров в Казалах при форте № 1, в применении к Средней Азии «идеи свободной международной торговли не по принципу, а на самом деле» (т. е. беспошлинной торговли) при строгом запрещении провоза западноевропейских товаров; в перенесении таможенной линии на Сыр-Дарью, в уничтожении беспошлинного транзита западноевропейских товаров через Россию в Среднюю Азию (что Шипов считал «существенно» необходимым), в выдаче консулом заимообразно денег русским купцам под залог товаров и в ряде других актов.

По мнению Шипова, принятие предложенных им мер через четыре года приведет к тому, что «Россия вовсе не будет узнавать своих прежних отношений со Средней Азией, до сего времени диких, стеснительных и подчиненных непонятному унижению». Тогда на этом «собственно русском базаре» появятся новые русские компании [14].

Записка Шипова так же, как и изложенная выше записка русского купечества, была составлена в годы мирового хлопкового кризиса. С этим связано особое внимание Шипова к среднеазиатской хлопчатой бумаге. В записке поставлен вопрос о замене американского хлопка бухарским, как этого требовала необходимость. Для замены американского хлопка бухарским Шипов рекомендовал принять меры для улучшения качества среднеазиатского хлопка (это, пожалуй, первый случай, когда официально указывалась необходимость повышения качества хлопка).

Как видно из изложенных документов, вопрос о среднеазиатском хлопке-сырце выдвинулся в мнении русского купечества на первый план.

Получив записку Шипова, Министерство иностранных дел обратилось к оренбургскому и самарскому генерал-губернатору с просьбой высказать свое мнение по содержанию указанной записки [15]. В делах Азиатского департамента сохранился черновик записки, в котором значительная часть текста зачеркнута карандашом. Это, без сомнения, ответ на записку Шипова, но был ли он кому-нибудь послан, остается неясным. Тем не менее сохранившийся документ представляет интерес, так как он выражает мнение некоторых кругов Министерства иностранных дел по вопросу о среднеазиатской торговле. Автор записки прежде всего заявлял, что Министерство иностранных дел всегда стремилось содействовать торговле на Востоке и признавало, что консулы в Бухаре нужны («этот вопрос неоднократно был обсуждаем»), соглашалось также с перенесением таможенной линии на Сыр-Дарью. Но в других пунктах Министерство иностранных дел не поддерживало Шипова и представляемое им купе-

[14] АВПР, Главный архив, II-3, 1862 г., д. 5, лл. 25 об.— 39 об.
[15] Там же, лл. 44—45.

чество и, в частности, считало трудным строительство сараев, амбаров и т. д. для склада при форте № 1, указывало на трудность займов купцам из-за отсутствия в Бухаре кредита и векселей и затруднительности перевоза наличных денег. По вопросу о транзите западноевропейских товаров через Россию в Среднюю Азию автор записки отвечал, что «свобода торговли — вопрос современный» и что «правительство может только иметь в виду интерес государства». Этот уклончивый ответ, без сомнения, таил в себе отрицательное отношение к запрещению транзита.

Отрицательное отношение Министерства иностранных дел к записке Шипова еще более отчетливо выявилось в утверждении автора черновика, что бухарские хлопок и шелк не могут соперничать с европейскими (к тому же марена успешно производится на Кавказе), а остальные среднеазиатские товары — второстепенные. Иными словами, торговля со Средней Азией не представляет интереса. Составитель изложенного документа писал: «...необходимо, чтобы в Среднюю Азию ездили купцы добросовестные, не довольствующиеся временною выгодою, а люди, заботящиеся о развитии торговли с Россиею вообще», «компания с большими денежными средствами могла бы преодолеть все препятствия» [16].

Отсутствие подписи, даты, и в особенности наличие зачеркнутого текста, заставляют осторожно относиться к цитированному документу. Однако из текста ясно, что его составитель скептически относился к русскому купечеству и возможностям развития среднеазиатской торговли и был против покровительственной политики в этой области. Если это мнение и одного чиновника Министерства иностранных дел, все же оно представляет интерес как определенное направление в политике.

По данным, содержащимся в купеческой записке 1863 г., в Петербурге под председательством оренбургского генерал-губернатора был учрежден комитет, который распорядился о выборе русским купечеством караван-баши и отправке его в Бухару. Соответственно этому распоряжению, в качестве представителя русского купечества в Бухару был отправлен казанский купец Муртаза Адамов с инструкциями и с обращением к бухарскому правительству. Но от эмира не было получено ответа [17].

В 1863 г., т. е. через год — полтора после записки, поданной 15 купцами, «торгующими со среднеазиатскими владениями»,

---

[16] Там же, лл. 40—43 об.

[17] АВПР, Главный архив, II-3, 1863 г., д. 5, л. 9. Согласно отношению оренбургского генерал-губернатора Бёзака от 8 ноября 1862 г., потомственный почетный гражданин, сын арского купца второй гильдии Муртаз Мухтаров Адамов был избран представителем по торговым столкновениям в Бухаре по примеру бухарских караван-баши в России пятью оренбургскими купцами, ведущими торговлю в Бухаре (АВПР, Главный архив, II-3, 1862 г., д. 3, л. 4). Министерство иностранных дел сочло этот акт «весьма полезным» (там же, л. 5 об.).

была составлена «Записка неравноправности международной торговли России с Хивою, Кокандом и Бухарою, подвергающей русскую торговлю большим затруднениям в совершенный ущерб нашего государства». В записке 1863 г. купцы жаловались на вывоз из России в Среднюю Азию звонкой монеты, на уменьшение сбыта русских товаров в Среднюю Азию, что привело «русских торговцев в крайне стеснительное положение» [18].

Это «стеснительное положение» купцы объясняли тем, что в то время как среднеазиатские купцы пользуются в России рядом льгот (беспошлинно торгуют в казахских степях до Оренбурга, т. е. на территории, принадлежащей России, затем, заплатив в Оренбурге за паспорт 5 руб., они торгуют по всей России, пользуясь покровительством начальства, в особенности в Москве, где они живут по нескольку лет и заводят там постоянную торговлю), русские купцы испытывают в среднеазиатских ханствах ряд стеснений. Купцы жаловались, что их приказчики — татары или казахи — могли оставаться (и бывали случаи, что оставались) на постоянное жительство в Бухаре и в других местах, присваивая себе имущество своих хозяев. Недоверие купцов к приказчикам приводило к тому, что русские купцы отказывались от торговой деятельности в Средней Азии, оставляя ее в руках среднеазиатских купцов. По словам авторов записки 1863 г., в Бухаре тогда находились приказчики только пяти русских торговых домов. При этом купцы подчеркивали, что такая ограниченность деятельности русских купцов в Средней Азии в те годы ощущалась особенно остро, так как русские хлопчатобумажные фабриканты, лишенные высококачественного американского сырья вследствие междоусобной войны в Соединенных Штатах Северной Америки, вынуждены были употреблять в производство среднеазиатский хлопок, мирясь с его недостатками [19]. Едва ли можно считать случайностью обращение купцов к правительству с просьбами об улучшении условий русской торговли в Средней Азии именно в годы хлопкового кризиса.

Податели прошения 1863 г. не только жаловались на неблагоприятные, с их точки зрения, условия торговли русского купечества в среднеазиатских ханствах, но и предлагали принять решительные меры, которые «действительнее всех военных угроз». Они указывали, что русская торговля в Средней Азии может господствовать «без всяких военных угроз, потому что мы встали уже на таких рубежах, что путь для торговли нашей сделался почти совершенно безопасен и со всяким годом совершенствуется». Купцы имели в виду, говоря о безопасности пути, тот факт, что казахские степи «ныне уже успокоены» [20].

---

[18] АВПР, Главный архив, II-3, 1863 г., д. 5, л. 5.
[19] Там же, лл. 5 об.— 6 об.
[20] Там же, лл. 7—7 об., 8 об.

Авторы записки 1863 г. предлагали правительству провести два мероприятия: запретить вывоз в Среднюю Азию звонкой монеты и учредить коммерческое агентство в Бухаре на тех условиях, которые предлагались купцами в 1862 г. [21] В качестве меры воздействия на бухарского эмира купцы предлагали объявить ему и ханам хивинскому и кокандскому о прекращении впуска среднеазиатских купцов за пределы Оренбургской и Сибирской линий до учреждения русского коммерческого агентства в Бухаре, а если эмир в течение двух лет не согласится учредить это агентство,— перенести таможенную линию на Сыр-Дарью (в форты Казалы и Перовский), лишив таким образом среднеазиатское купечество возможности беспошлинной торговли в казахских степях и въезда в Россию [22].

Сверх вопросов, возбужденных купечеством, Министерство финансов со своей стороны в октябре 1863 г. выдвинуло вопросы о восстановлении пошлин на бухарский хлопок, об учреждении таможенной линии на Сыр-Дарье и о транзите европейских товаров в Среднюю Азию. Для рассмотрения всех этих вопросов министр финансов Рейтерн распорядился учредить особую комиссию, под председательством товарища министра финансов, в составе директора Департамента внешней торговли, директора Департамента внутренней торговли и мануфактур, представителя кредитной канцелярии и начальника Оренбургского таможенного округа. Министерство иностранных дел со своей стороны командировало в комиссию директора Азиатского департамента генерал-адъютанта Н. П. Игнатьева, ездившего в 1858 г. с миссией в Бухару и Хиву. В качестве экспертов в комиссию были привлечены представители купечества [23].

По вопросу о запрещении вывоза монеты мнения членов комиссии разделились. Часть их высказалась за запрещение, ссылаясь на то, что вывоз русской звонкой монеты способствует развитию английской торговли в Средней Азии, а запрещение этого вывоза не может отрицательно отразиться на русской торговле в ханствах, так как их население зависит от торговли с Россией, потому что только русские купцы покупают среднеазиатские товары. Однако и эти сторонники запрещения вывоза монеты считали нужным отложить это мероприятие до того времени, когда из Америки будет доставляться хлопок.

Председатель и три члена комиссии высказались против запрещения вывоза монеты, мотивируя свое мнение тем, что несмотря на вывоз монеты, экспорт русских изделий в Среднюю Азию растет (хотя и медленно) и запрещение вывоза монеты в Среднюю Азию усилит ее вывоз в Персию. Противники

---

[21] Там же, л. 8—8 об.
[22] Там же, лл. 9 об.— 10.
[23] Там же, л. 1—1 об.

запрещения вывоза звонкой монеты в особенности обращали внимание на то, что Россия больше нуждается в азиатских товарах, чем население среднеазиатских ханств в русских, особенно в рассматриваемое время, когда привоз американского хлопка был затруднен. Генерал-адъютант Игнатьев подал особое мнение, датированное 11 марта 1864 г. Считая запрещение вывоза монеты в принципе полезным, Игнатьев видел практические трудности в осуществлении этой меры, в особенности в условиях хлопкового кризиса. Важнее вывоза монеты Игнатьев считал английское соперничество в Средней Азии и в связи с этим удешевление и улучшение качества русских изделий «до той степени, при которой они успешно могли бы соперничать с английскими» [24].

Комиссия, обсудив прошения купцов, приняла решение об учреждении в Бухаре коммерческого агентства, и Департамент внешней торговли сообщил об этом в Азиатский департамент 19 августа 1864 г. Азиатский департамент, после повторного напоминания, ответил 31 декабря 1864 г.: «...при тесной связи, которую имеет в настоящее время учреждение агентства в Бухаре с общим планом действий на новой Сибирско-Оренбургской линии, было бы необходимо отложить на некоторое время обсуждение вопроса об учреждении агентства в Бухаре до окончательного выяснения наших отношений к средне-азиатским ханствам» [25].

Из изложенного материала видно, что в начале 60-х годов, когда возник серьезный вопрос о недостатке сырья для русской хлопчатобумажной промышленности, русское купечество реагировало на это явление обращением к правительству с рядом жалоб и просьб.

* * *

Наряду с обращением к правительству об оказании содействия в торговле со Средней Азией, в 60-х годах купцы и фабриканты сами также предпринимают практические шаги для развития этой торговли.

Наиболее активно в этом направлении действовали фабриканты — владельцы одной из крупнейших в России бумагопрядилен в Егорьевске Рязанской губернии — Хлудовы.

Еще до взятия царскими войсками Ташкента, осенью 1863 г. Михаил Алексеевич Хлудов просил дать ему охранный лист для поездки в Бухару. Цель поездки Хлудова, по его словам, состояла в покупке хлопка и других изделий местного производства.

---

[24] АВПР, Главный архив, II-3, 1867 г., д. 2, лл. 12—18.

[25] Там же, д. 4, лл. 10, 13 об.— 14. Этот ответ Министерства иностранных дел был сделан в период разгара наступления на Среднюю Азию, когда уже были взяты Аулие-Ата, г. Туркестан, Чимкент, а до взятия Ташкента оставалось четыре с половиной месяца.

Хлудов хотел «лично изучить тамошнюю местную торговлю и изыскать средства возможно более направить ее к выгодам России». Еще не дождавшись ответа, Хлудов выехал из Москвы в Оренбург. Об этом факте мы узнаем из того, что ответное письмо директора Азиатского департамента Игнатьева от 2 октября было адресовано Хлудову в Оренбург. «Вполне сочувствую вашему предприятию и желаю полного успеха»,— писал Игнатьев и рекомендовал обратиться к оренбургскому генерал-губернатору Безаку. Последний в конце октября 1863 г. выдал Хлудову охранный лист [26]. Несомненно, главной целью поездки Хлудова в Бухару было намерение изучить возможности замены американского хлопка среднеазиатским.

В 1866 г., т. е. примерно через год после занятия Ташкента русскими войсками, заведующий сбором таможенных пошлин в Ташкенте сообщал, что «из русских купцов торгует с недавнего времени в Ташкенте купец Хлудов, преимущественно бумажными товарами на сумму до 500 тыс. руб. серебром». Таким образом, Хлудов стал производить торговые операции в Ташкенте непосредственно после его завоевания, причем они были довольно значительных размеров, доходя до 500 тыс. руб. серебром [27].

Позднее в «Народной газете» писали, что торговый дом Хлудовых «принял самое деятельное участие в торговле во вновь приобретенных нашим оружием местах Средней Азии» [28].

В 1867 г. Михаил Хлудов подал докладную записку оренбургскому генерал-губернатору Крыжановскому «О настоящем положении русской торговли в Средней Азии», в которой сообщал, что в начале 1866 г. он снарядил в Среднюю Азию большой караван и лично отправился в Туркестанскую область. Караван был разделен на три части. Одна из них (с товаром на 150 тыс. руб.) была направлена в Ташкент, другая (около 300 тыс. руб.) — в Бухару и третья (около 300 тыс. руб.) — в Коканд. «По сделанным операциям,— писал Хлудов,—

---

[26] Там же, лл. 2—7.

[27] ЦГИА УзбССР, ф. 450, оп. 1, д. 16, л. 29 об.

[28] «Народная газета», 1868 г. № 33. В 1867 г. (или в конце 1866 г.) фирма Хлудовых в составе братьев Ивана, Василия и Михаила — сыновей Алексея Ивановича Хлудова, сообщая об открытии отделения торгового дома в Ташкенте и о производстве оттуда торговли с Хивой, Бухарой, Самаркандом и Коканд ом при успешной конкуренции с иностранными текстильными товарами, привозимыми в Среднюю Азию английскими агентами — афганцами, подала прошение о разрешении ей беспошлинного вывоза до 20 тыс. пудов кантонского чая транзитом в Ташкент для продажи в различных городах Средней Азии, главным образом Хиве, Бухаре, Самарканде и Коканде. Директор Азиатского департамента в своем отношении министру финансов Рейтерну от 14 марта 1867 г. ответил отказом в удовлетворении просьбы Хлудовых, считая, что просимое ими «решительно противоречило бы нашим политическим видам и было бы вообще крайне пагубно для русской торговли в Азии» (АВПР, Главный архив, II-3, 1863 г., д. 4, лл. 9—11).

среднеазиатские рынки действительно оказались чрезвычайно выгодными для сбыта русских произведений». Поэтому он поручил брату в Москве сделать закупки и заказы для будущего года. Однако, по словам Хлудова, «настоящее положение нашей торговли в Средней Азии находится в... безотрадном положении». Для русских купцов возможным и безопасным является только рынок Ташкента и Туркестанской области, в Бухаре же и Коканде торговать опасно. Ташкентский рынок важен для России не как потребитель, а как складочное место для распространения товаров в более отдаленные области Средней Азии и китайского Туркестана.

Далее Хлудов описывал условия торговли в Бухаре и Коканде. То обстоятельство, что товары его были выгодно проданы в Бухаре, Хлудов объяснял своим знакомством с «главным начальником» Бухары Магомед-Ша-бием, который письменно поручился за целость приказчиков и каравана, и защитой приказчиков Хлудова бухарскими купцами, с которых Хлудов в Оренбурге взял клятву. По словам Хлудова, его приказчики в Бухаре едва избежали смерти. Пошлину формально взяли 5%, но оценили товар так высоко, что фактически пошлина оказалась втрое больше. Кроме того, «главному начальнику» Бухары была дана взятка в 8 тыс. руб. серебром. В Коканде приказчикам Хлудова велели одеть чалмы и халаты и запретили ходить на базары. Им разрешили только «под караулом» ходить к купцам смотреть хлопок и другие товары, и то только после того, как они дали взятку михтару. Расходы в Коканде, по приблизительным подсчетам, составили более 50 тыс. руб. серебром.

По сведениям, доставленным приказчиками Хлудова, на бухарском рынке оказалось очень много английских товаров, торговля которыми значительно увеличилась в последнее время через Кабул и Персию; англичане начали даже доставлять через Кабул чай, провоз которого из Китайского Туркестана прекратился из-за дунганского восстания. В обмен на свои товары англичане вывозили из Бухары звонкую монету, шелк и некоторые другие изделия Бухары. Коканд, по сообщениям приказчиков,— отличный рынок сбыта для русских текстильных изделий, имеющий также значение как путь в Китайский Туркестан, «на который теперь англичане обратили свое особенное внимание» [29]. Имея в виду опасные условия торговли в ханствах и английское соперничество, Хлудов обращался к царскому правительству с просьбой об охране торговых интересов русских купцов, так как без этой охраны «едва ли кто из русских купцов решится торговать» в Средней Азии и рынки ее тогда окажутся в руках англичан, «с которыми будет очень трудно соперничать даже при

---

[29] Об английской торговле в Средней Азии см. гл. IV настоящей работы.

покровительстве нашего правительства, а без него вовсе невозможно»[30].

Без сомнения, в связи с этой запиской Михаила Хлудова находится статья его брата Василия, помещенная в «Московских ведомостях»[31]. В этой статье подвергается критике мнение людей, преувеличивающих значение Средней Азии как рынка. По словам автора, «Центральная Азия, т. е. Ташкент, Бухара, Хива и Коканд, сама по себе, не может служить серьезным рынком для сбыта наших товаров», но она важна для торговли с Китаем. Описывая притеснения и неудобства в торговле, о которых сообщал Михаил Хлудов в своей записке оренбургскому генерал-губернатору, Василий Хлудов обращал внимание на то, что, хотя в Ташкенте потребителей оказалось значительно меньше, чем товара, привезенного Хлудовым, зато в Бухаре торговали лучше, чем в Ташкенте, а в Коканде еще лучше, так как там требовались товары для Китая. Тем не менее перспективы торговли в Средней Азии представлялись ему в мрачном свете.

Отмечая неблагоприятные внешние обстоятельства (участившиеся случаи нападений на караваны в Казахской степи, восстание сына Кенесары Садыка), Василий Хлудов писал: «Если бы можно было рассчитывать на то, что правители Ташкента будут пользоваться таким доверием и расположением населения, как было при завоевании его, то хоть со временем можно было бы надеяться на устройство правильных торговых сношений и количество вывозимых туда товаров увеличивалось бы с каждым годом прогрессивно. В настоящее же время, ввиду последних событий и при тех данных, какие мы имеем, торговое дело в Средней Азии можно считать почти потерянным». Автор статьи, таким образом, успешное развитие торговли в Средней Азии ставил в тесную связь с прочностью царского господства.

Директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел Стремоухов нашел в записке М. Хлудова «утрировку и противоречия». По его словам, никто не спорит против истины, что выгодно было бы сделаться «полными хозяевами Средней Азии», «но при рациональном решении этого последнего вопроса торговые виды могут входить только как одно из условий, хотя важных, но не первостепенных»[32].

Из приведенных записки Михаила Хлудова (и переписки по ней), а также статьи его брата Василия видно, что русские купцы были заинтересованы в том, чтобы царское правительство расширяло свое господство на территории Средней Азии, заставляя правителей среднеазиатских ханств создавать благоприятные условия русской торговле и ограждая ее от английской конкуренции. Включение в Российскую империю территории

[30] АВПР, Главный архив, II-3, 1863 г., д. 4, лл. 10—18.
[31] «Московские ведомости», 1867, № 138.
[32] АВПР, Главный архив, II-3, 1864 г., д. 4, лл. 13—14 об.

среднеазиатских ханств они считали важным условием для ведения там торговых операций.

В своей коммерческой деятельности в Средней Азии Хлудов не ограничивался одной торговлей. Он, а также петербургский фабрикант Первушин занялись, кроме того, улучшением качества среднеазиатского шелка. Хлудов (а за ним Первушин), очевидно, вскоре по прибытии в Ташкент, не позднее 1867 г., учредил шелкомотальную фабрику в Ходженте [33].

По словам Мозера, представившего в Азиатский департамент в конце 1869 г. записку по вопросу о вывозе семян шелковичного червя из Туркестана, связанного в своей деятельности с итальянскими купеческими домами, торговавшими шелком, среднеазиатское шелководство, мало известное в Европе, велось в обширных размерах, особенно в ханствах Кокандском, Хивинском и Бухарском, а также в долине Зеравшана, в Ходженте и его окрестностях. В Ташкенте население занималось шелководством «в весьма малом количестве». Отмечая обширные размеры среднеазиатского шелководства, Мозер в то же время обращал внимание на его низкое качество. Низший сорт шелка (каляба) вырабатывался женщинами между занятиями по хозяйству (т. е. здесь еще не было отделения промышленности от сельского хозяйства), вследствие чего он очень дешево ценился. Мозер отмечал большое распространение домашней выработки шелка. Более высокие сорта шелка обрабатывались на мелких предприятиях или странствующими мотальщиками (пыллякашами). Однако и эта сбработка была примитивной [34].

В объяснительной записке к проекту устава «Московского товарищества для содействия русской шелковой промышленности», составленной, по-видимому, в начале 70-х годов, дается ряд конкретных сведений о шелкомотальнях Хлудова и Первушина. Это были первые в Средней Азии шелкомотальные фабрики, на которых была введена новая усовершенствованная система размотки шелка. Шелк, размотанный на шелкомотальнях Хлудова и Первушина, продавался в Москве по 415—450 руб. за пуд «и даже дороже». И хотя этот шелк не вполне удовлетворял «фабричному требованию», он тем не менее имел «твердый сбыт»

[33] Это мы узнаем из прошения московского мещанина М. Н. Медведева Кауфману от 30 августа 1872 г. о пособии для учреждения шелкомотальной фабрики в Ташкенте. В этом прошении Медведев сообщает, что он учился шелкомотанию у известного кавказского шелковода помещика Реброва, от которого получил аттестат. Затем он продолжительное время занимался размоткой коконов в Москве (по-видимому, в качестве самостоятельного мелкого производителя, судя по тому, что он был награжден медалью и 100 руб. на сельскохозяйственной выставке в Москве). В 1867 г. Медведев приехал в Ходжент по приглашению Хлудова и поступил на его фабрику мастером. Отсюда ясно, что шелкомотальня Хлудова была учреждена не позднее 1867 г. Хлудов учредил свою шелкомотальню в Ходженте, Первушин — в Ташкенте (ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 20, д. 5437, лл. 2—3).

[34] АВПР, Главный архив, II-3, 1869 г., д. 6, лл. 1—6 об.

в Москве, вывозился за границу и заслужил «особое одобрение» на мануфактурной выставке 1870 г. Но это удачное, казалось бы, начинание в итоге успехом не увенчалось. Источник объясняет неудачу Хлудова и Первушина «новостью» дела, неопределенной политической обстановкой в отношениях со среднеазиатскими ханствами, недостатком коконов и повышением их цены в результате ажиотажа, раздуваемого русскими и итальянскими предпринимателями при скупке коконов для сбыта их в Западной Европе [35]. Как бы то ни было, фабрики Хлудова и Первушина закрылись [36].

Торговая деятельность Хлудова не ограничивалась территорией Средней Азии. В марте 1868 г. он с рекомендательным письмом из канцелярии туркестанского генерал-губернатора отправился с караваном в Кашгар. Якуб-бек, правитель Кашгара, указывал «на дружеский прием каравана купца Хлудова как на ясные доказательства своего доброго расположения к России». Однако поверенного Хлудова Решетникова долго не допускали к штабс-капитану Рейнталю, находившемуся по поручению царского правительства в Кашгаре в октябре 1868 г. При свидании с Рейнталем Решетников жаловался ему на притеснения Якуб-беком каравана Хлудова. Тем не менее Якуб-бек послал с караваном Хлудова к Кауфману своего племянника с письмом [37].

По сообщению «Биржевых ведомостей», М. А. Хлудов одновременно с приказчиком Первушина Шамшиным отправился в Кашгар через Коканд. У Шамшина, прибывшего в Кашгар раньше Хлудова, были отобраны все товары, а сам он был посажен в тюрьму, перед окнами которой для его устрашения казнили преступников. После продажи товаров, привезенных Шамшиным, его выпустили из тюрьмы, отдали вырученные за товар деньги и предупредили, что все русские, прибывающие в Кашгар, будут казнены. Среди оренбургских купцов прошел даже слух о том, что прибывший в Кашгар Хлудов убит [38]. Однако этот слух не соответствовал действительности.

В газете «Москва» было помещено письмо М. А. Хлудова из Верного, датированное 10 мая 1868 г. и адресованное в московскую контору фирмы. В письме М. А. Хлудов сообщал о своем возвращении в Верный и описывал путешествие с караваном

---

[35] ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 15, д. 89, лл. 56 об.— 58; АВПР, Главный архив, II-3, 1869 г., д. 7, лл. 203—205 об.

[36] Точная дата этого факта неизвестна. Но в конце 1871 г. фабрики, по-видимому, еще существовали. Об этом можно судить по письму Тимофея Морозова управляющему канцелярией туркестанского генерал-губернатора генерал-майору Гомзину от 5 декабря 1871 г., в котором упоминаются две существующие в Средней Азии русские шелкомотальни (ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 15, д. 89, л. 81 об.).

[37] АВПР, Главный архив, I-9, 1868 г., д. 24, лл. 6, 11 об.— 12.

[38] «Биржевые ведомости», 1868, № 167.

в Кашгар. На караван был совершен ряд вооруженных нападений, пришлось отстреливаться, а затем возвратиться на территорию, принадлежащую России, через Токмакский хребет по ледникам и снегам. Во время этих происшествий караван-баша был захвачен в плен, один киргиз (или казах) был убит, один был тяжело ранен после падения в обрыв вместе с лошадью. Сам Хлудов отморозил ноги, когда шел пешком через Токмакский хребет. В караване были убиты 9 верблюдов и 2 лошади, 10 лошадей были съедены во время пути. В примечании к опубликованному письму Хлудова газета «Москва» высказала свое возмущение тем, что русские пикеты и укрепления, расположенные на среднеазиатских дорогах, «не позволяют себе снисходить до провожания наших караванов даже по самым опасным дорогам и предприимчивые русские люди вполне предоставляются на волю божию. Такое внимание к русскому торгующему купечеству яснее всего свидетельствует о невозможности развития нашей торговли в среднеазиатских владениях» [39].

Хлудов и Первушин приняли также участие в проекте учреждения акционерного общества для среднеазиатского торгового пароходства.

Несколько позднее связался со Средней Азией представитель известной фирмы Тимофей Морозов. Имя Тимофея Морозова встречается в документах в конце 1871 г.: в письме управляющему канцелярией туркестанского генерал-губернатора Гомзину из Москвы он сообщает, что его поверенный Файзулин снаряжает в Семипалатинске караван в Кульджу. Морозов намеревался, не ограничиваясь торговлей в одной Кульдже, проникнуть и в другие области Китая, выгодные для торговли. Морозов был одним из самых крупных текстильных фабрикантов России, который также вскоре после завоевания Ташкента решил использовать завоеванный край для своих торговых операций, правда, для торговли с Китаем. Через некоторое время, в феврале 1872 г., Морозов сообщал Гомзину, что, следуя совету военного губернатора Семипалатинской области, он решил отправить свой караван не в Кульджу, как предполагал раньше, а в Монголию, так как здесь торговля представлялась более выгодной» [40].

В Средней Азии, после завоевания царскими войсками частей территории Кокандского и Бухарского ханств, начал торговые операции также московский и серпуховской купец первой гильдии, владелец одного из крупнейших текстильных предприятий Центрального промышленного района Коншин.

Нам точно не известно, в какое время Коншин начал торговать в Средней Азии. О деятельности Коншина там мы впервые узнаем из переписки по векселям, выданным Коншину бухар-

[39] «Москва», 1868, № 77.
[40] ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 15, д. 89, лл. 81, 84 об.

скими купцами. Один из них, задолжавший Коншину почти 12 тыс. руб., обанкротился. Брат другого должника выступил с протестом и, опровергая полученные доверенным Коншина три векселя на сумму 3656 руб., выданные будто бы в Бухаре в 1873 г., жаловался на арест имущества своего брата, на передачу его дома в Бухаре в распоряжение Коншина, вследствие чего семья его брата осталась без крова. По его словам, покупка у Коншина товара и выдача документов была совершена в Оренбурге. Однако из переписки видно, что доверенный Коншина Засыпкин, проживавший в Оренбурге, ездил, по крайней мере, для получения долгов в Бухару.

Благодаря этому можно установить, что Коншин начал торговлю в Бухаре не позднее 1873 г. и торговал там при посредстве своего доверенного лица, а не сбывал свой товар среднеазиатским купцам, приезжавшим в Россию. Скупивший векселя должников Коншина коллежский регистратор Конохов, требуя наказания неисправных должников, писал в начале 1876 г., что в противном случае московские фабриканты, имеющие, как Коншин, дела «со Средней Азией, вместо того, чтобы круг деятельности расширить», вынуждены будут вследствие неплатежей прекратить торговлю, «что в том крае поведет к страшной дороговизне» [41]. Однако то обстоятельство, что Конохов приобрел векселя, данные на имя Коншина, свидетельствует о том, что торговые дела русских купцов в Средней Азии были не так уж плохи, хотя еще и не достигли крупных масштабов, до которых развилась русская торговля в Средней Азии впоследствии.

Таким образом, видные фабриканты Центрального промышленного района России реагировали на завоевание Средней Азии учреждением коммерческих предприятий на завоеванной территории и установлением торговых связей с ханствами Средней Азии и прилегающими к ним районами Китая.

Среди купцов, торговавших в Средней Азии в 60-х годах, были также чаеторговцы. В 1867 г. в Среднюю Азию для собирания сведений о чайной торговле прибыл кяхтинский купец первой гильдии почетный гражданин С. Н. Трубчанинов, избранный кяхтинским купечеством для этой цели. Трубчанинов составил (в апреле, мае и июне 1867 г.) три записки, посланные им из укрепления Верного и Ташкента с описанием населения и торговли Сергиополя, Верного, Ташкента. В одной из своих записок Трубчанинов упоминает об омском купце Кузнецове, который имеет в «здешнем» округе (очевидно, в округе Верного) два винокуренных и один кожевенный завод и посылает в Москву образцы чая, купленного в Верном [42].

---

[41] ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 29, д. 146, лл. 3, 8, 10 об., 13, 19 об., 38 об., 39.
[42] АВПР, Главный архив, II-3, 1867 г., д. 2, лл. 3—11.

Торговля китайским чаем в Средней Азии обращала на себя специальное внимание правительства, считавшего, что транзит чая через Кяхту и Семипалатинск в Среднюю Азию хорошо отразится не только на торговле со Средней Азией, но и на торговле с Западным Китаем (прекратившейся из-за Дунганского восстания), а также и на кяхтинской торговле, пострадавшей от ввоза в Россию чая морским путем. По мнению министра иностранных дел, высказанному весной 1866 г., русское купечество путем чайной торговли вознаградит убытки, понесенные в азиатской торговле в последнее время из-за неблагоприятных политических обстоятельств [43].

Кауфман в 1868 г. представил Трубчанинова (как и Хлудова) к награде за то, что он (вместе с Хлудовым) «поддерживает купцов в их стремлении к открытию новых рынков для сбыта наших произведений» [44].

При осаде Самарканда, по свидетельству Кауфмана, Трубчанинов показал свою «неустрашимость»: лично участвовал в военных действиях и бесплатно раздавал солдатам водку и сигары. Одновременно с ним в этих действиях, по данным Министерства иностранных дел, принимали участие купцы Хлудов и Иванов, отбивавшиеся в Самаркандской цитадели от восставшего населения [45]. По сообщению «Народной газеты», все русские купцы и приказчики обороняли крепость Самарканда, участвуя непосредственно в военных действиях или занимаясь доставкой снарядов на линию боев. Трубчанинов участвовал в вылазке русского гарнизона. В происходивших боях был ранен приказчик Ф. М. Самарин. Во время самаркандских боев, по сообщению газеты «Москва», перепечатанному и в «Народной газете», погиб один из братьев Хлудовых (Иван Алексеевич). Однако причина его смерти осталась невыясненной: по сообщению газеты, он либо был убит, либо умер от «желтой горячки» [46]. Присутствие ряда купцов в Самарканде в период военных действий говорит о том, что эти купцы вступали на завоеванную территорию сразу вслед за войсками.

Трубчанинов принимал также активное участие в торговле семенами шелковичных червей и выполнял заказы итальянских фирм по закупке этих семян. Но в то же время он был сторонником запрещения иностранцам закупки грены (яичек шелковичных червей) в Средней Азии, чтобы все выгоды от этой торговли получали русские купцы. Для этой цели он предлагал

---

[43] АВПР, Главный архив, II-3, 1866 г., д. 1, лл. 7 об.—8 (отношение министра иностранных дел министру финансов от 4 апреля 1866 г.).

[44] АВПР, Главный архив, II-3, 1863 г., д. 4, лл. 22—23.

[45] А. Л. Попов. Из истории завоевания Средней Азии.— «Исторические записки», т. 9. М., 1940, стр. 220; АВПР, Главный архив, II-3, 1863 г., д. 4, лл. 22 об.—23.

[46] «Народная газета», 1868, № 33.

учредить акционерное общество. Свои взгляды по вопросу о торговле греной Трубчанинов выразил в письме от 20 сентября 1869 г. из Ташкента и в докладной записке от 24 сентября 1869 г., составленной им в Ташкенте совместно с М. А. Хлудовым, Г. Г. Мозером и А. Н. Хренниковым. В этом письме Трубчанинов писал: «При разрешении же иностранцам закупать семена в Средней Азии много последует вреда России в торговом и политическом отношениях, изучить тогда вкус азиатцев в мануфактурных изделиях легко, и мы потеряем надежды на выгоды от Туркестана, т. е. и богатый край будем иметь, да пользы мало».

Правительство разделяло точку зрения Трубчанинова и других русских купцов (Хлудова и др.). Так, например, директор Азиатского департамента Стремоухов писал Кауфману в феврале 1870 г.: «...правительству нашему нельзя терять времени и... следует принять немедленные меры, чтобы предупредить наплыв иностранных спекуляторов и искателей приключений в Туркестанском крае». В результате длительной переписки по указанному вопросу вывоз грены из Средней Азии был ограничен 3500—4000 пудами и право этого вывоза было предоставлено только пяти лицам: Хлудову, Первушину, Келлеру, Хренникову и Адамоли (агенту фирмы «Стукен и Шпис») [47]. Трубчанинов, таким образом, развивал в Средней Азии разнообразную и активную деятельность.

Деятельность как фабрикантов, так и вообще русских купцов в Средней Азии в период и непосредственно после завоевания ее территории стала, как видно, более активной. Фабриканты были в особенности заинтересованы в этой торговле. Об этом прямо свидетельствуют составители (известный ученый-зоолог Северцов и др.) проекта об устройстве среднеазиатского пароходства, которые в своей записке писали, что купцы, как русские, так и среднеазиатские, извлекающие выгоды из вывоза грены шелковичных червей, винокурения, виноделия, добычи нефти, подрядов, меновой торговли с казахами и других подобных операций, меньше заинтересованы в учреждении пароходства, чем фабриканты и рабочие внутренних губерний России [48].

Для начала 70-х годов в нашем распоряжении имеются данные, по которым можно судить о том, чьи изделия сбывались на среднеазиатских рынках. Правда, нельзя сказать, чтобы эти данные были исчерпывающими. Это не списки фабрикантов, чья продукция продавалась в Средней Азии, а таблицы цен на текстильные и прежде всего хлопчатобумажные изделия в Ташкенте и Бухаре, относящиеся к началу 70-х годов. Цены в этих

---

[47] АВПР, Главный архив, II-3, 1869 г., д. 7.
[48] АВПР, Главный архив, I-9, 1870 г., д. 16, л. 7 об.

таблицах даются обычно в сочетании с названием предприятия, где тот или другой товар производился [49].

Но так как именно указанные изделия составляли основной предмет русского сбыта в Среднюю Азию, приводимые данные имеют существенное значение.

Изучение этих источников показывает, что в 1871 г. в Ташкенте продавались хлепчатобумажные изделия (ситцы, миткаль, тик, пряжа и др.) и сукна 63 фабрикантов; 5 из них не указаны ни в «Атласе», ни в «Указателе». Только 1 предприятие находилось в Петербурге (фабрика, производившая хлопчатобумажную пряжу), остальные — в Центральном промышленном районе: 28 — в Московской губернии (из них 3 суконных), 24 — во Владимирской (из них 1 бумагопрядильная), 4 — в Костромской и 1 — в Тверской («Товарищество Тверской мануфактуры»).

Такова же примерно картина и в отношении русских хлопчатобумажных изделий, продававшихся в Бухаре. Из 19 фабрик, чьи изделия сбывались на бухарском рынке, 9 находились в Московской губернии, 8 — во Владимирской, 1 — в Костромской, местонахождения 1 фабрики установить не удалось. Что же касается Коканда, то имеются сведения о продаже там изделий только с трех фабрик Владимирской губернии (пряжа фабрики Морозова и ситцы двух ивановских фабрикантов) и одной петербургской бумагопрядильни.

Состав фабрикантов, чьи изделия продавались на среднеазиатских рынках, был довольно разнообразным.

Из московских крупных фабрик наши источники называют первоклассную по тем временам в техническом отношении фабрику Цинделя, известную Трехгорную мануфактуру Прохоровых, красильно-отделочную и ситценабивную фабрику Рабенека (село Соболево Богородского уезда). На этой фабрике в 1867 г.

---

[49] Например: ситец пунцовый Елагина 70 тенег; ситец пунцовый Баранова 65 тенег; тик первого сорта Морозова и др. штука в 40 аршин 12—14 руб. и т. п. (ЦГИА УзбССР, ф. 469, д. 12, лл. 61—62 об.; д. 49, лл. 3 об., 37 об. 44, 61 об.—63 об., 65 об., 73 об.). Сведения об упоминаемых в таблицах фабрикантах извлечены из двух источников: «Статистический атлас главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России с поименным списком фабрик и заводов», составленный Д. А. Тимирязевым (вышел в Петербурге в трех выпусках в 1869—1873 гг.), и «Указатель фабрик и заводов», составленный П. А. Орловым (первое издание вышло в Петербурге в 1881 г.). «Атлас» содержит данные за 1867 г., «Указатель» — за 1879 г. Таким образом, и те и другие сведения не совпадают точно во времени с таблицами цен на товары в Ташкенте и Бухаре, относящимися к самому началу 70-х годов. Однако то обстоятельство, что мы пользуемся двумя списками фабрикантов и заводчиков, помогает нам, так как, если то или иное предприятие открылось после 1867 г., у нас имеются шансы найти его в «Указателе» за 1879 г., и наоборот — если оно закрылось к 1879 г., сведения о нем можно получить в «Атласе» за 1867 г. Так, за редким исключением, нам удалось найти различные сведения о фабрикантах, чьи изделия продавались в Средней Азии в начале 70-х годов.

работали 284 рабочих [50], а в 1879 г.— 901 рабочий. Расширение предприятия шло параллельно с оснащением его новым оборудованием. Так, в 1879 г. на фабрике было уже четыре перротины (один из видов ситценабивных машин) и девять паровых машин [51].

К числу предпринимателей Московской губернии, чьи изделия находили сбыт на среднеазиатских рынках, принадлежали крупные фабриканты Третьяковы. В 1867 г. они имели две ситценабивные фабрики (200 и 1500 рабочих) в Серпухове и бумагопрядильню в Горенках под Москвой, на которой работали 961 рабочий [52]. В 1879 г. у Третьяковых осталась только горенская бумагопрядильня с 737 рабочими [53]. Со всех указанных предприятий в Среднюю Азию вывозился ситец. Бумаготкацкие изделия известной Вознесенской мануфактуры Лепешкина (село Муромцево, Дмитровского уезда, Московской губернии) также сбывались в Ташкенте. Вознесенская мануфактура принадлежала к числу крупнейших и в техническом отношении передовых предприятий. В 1867 г., когда ткацкая фабрика еще отделялась от прядильной, на первой работало 760 рабочих, на второй — 625 [54]. В 1879 г. Вознесенская мануфактура стала комбинатом, количество рабочих достигло 2371, а оборудование состояло из 90 мюлей, 61 824 веретен, 1255 механических ткацких станков и 8 паровых машин [55].

Из владимирских крупных фабрикантов, связанных со среднеазиатским рынком, имеются сведения о Гарелине, об известных шуйских промышленниках Посылиных, торговавших на Кавказе и в Персии еще в конце 20-х годов XIX в., об александровских фабрикантах Баранове и Зубове и об одном из Морозовых. Баранов и Зубов, как было сказано выше, еще в 40-х годах предприняли попытку самостоятельной торговли в Средней Азии. Относительно Морозова возникает вопрос, о ком из них идет речь — о наследниках Саввы или о Викуле Морозове. И те и другой имели фабрики в Орехове (в 1879 г. у наследников Саввы Морозова работало около 9 тыс., у Викулы Морозова — 2 тыс. рабочих) [56]. В связи с тем, что Тимофей Саввич Морозов известен нам как человек, который был непосредственно связан со Средней Азией, как член ряда обществ, торговавших или предполагавших торговать там, и как владелец каравана,

[50] Д. А. Тимирязев. Статистический атлас главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России с поименным списком фабрик и заводов. СПб., 1873, стр. 35.

[51] П. А. Орлов. Указатель фабрик и заводов Европейской России. СПб., 1881, стр. 79.

[52] Д. А. Тимирязев. Указ. соч., стр. 1, 9.

[53] П. А. Орлов. Указ. соч., стр. 50.

[54] Д. А. Тимирязев. Указ. соч., стр. 1, 6.

[55] П. А. Орлов. Указ. соч., стр. 51.

[56] Там же, стр. 49, 57.

отправленного на Восток, можно предполагать, что именно изделия его фирмы продавались в Бухаре и Ташкенте, хотя и не исключено, что там мог торговать и Викула Морозов.

Все перечисленные крупные владимирские фабриканты также сбывали на среднеазиатских рынках ситец. Сбывались в Среднюю Азию и ситцы такого крупного предприятия, как «Товарищество Тверской мануфактуры», на которой в 1879 г. работали 4650 рабочих [57].

Единственное исключение составляла Вознесенская мануфактура Лепешкиных, поставлявшая в Среднюю Азию изделия бумаготкацкого, а не набивного производства. Среди перечисленных предприятий были и такие, которые, помимо ситцев сбывали и другие ткани. Так, например, среди изделий Морозовых встречаем, кроме ситца, миткаль и пряжу (в Коканде), среди изделий Баранова — платки, миткаль, бязь, пряжу.

Указанные фабрики Московской и Владимирской губерний, а также и Тверская мануфактура были не только крупными, но и сравнительно хорошо технически оборудованными предприятиями, с паровыми и ситценабивными машинами или с механическими ткацкими станками (как например, Вознесенская мануфактура).

Продукция этих предприятий не была единственной, сбывавшейся на рынках Средней Азии. Туда шли товары и с предприятий другого типа. Хотя некоторые из них и были крупными, но зиждились на невысокой технической базе. Это в основном были бумаготкацкие, а не набивные фабрики. Как известно, введение и распространение ситценабивных машин началось значительно раньше и развивалось быстрее, чем введение механических ткацких станков, с чем было неразрывно связано отмирание капиталистической работы на дому. Но этот процесс не только в 60-х, но и в 70-х годах еще далеко не завершился. Даже многие крупные предприятия хлопчатобумажной промышленности работали на ручных станах и раздавали пряжу для тканья по домам. К числу таких предприятий, чьи изделия сбывались в Ташкенте, принадлежала крупная бумаготкацкая мануфактура Солодовникова в Москве. В 1867 г. на ней работали 580 рабочих [58], в 1879 г. — 291 рабочий. Предприятие было оборудовано ручными станами и имело в селах 800 женщин, занятых размоткой пряжи. В Ташкенте сбывался тик торгового дома сыновей Федора Сергеева, предприятие которого находилось в деревне Барановской, Бронницкого уезда, Московской губернии. Предприятие, по-видимому, было новое, по крайней мере оно не встречается в «Атласе» Тимирязева. В 1879 г. на нем было 208 рабочих и «360 станов частию на фабрике, частию по селам» [59].

[57] Там же, стр. 53.
[58] Д. А. Тимирязев. Указ. соч., стр. 4.
[59] П. А. Орлов. Указ. соч., стр. 62, 68.

Тик для Средней Азии шел также с фабрики братьев Овсянниковых и Ганшиных в г. Юрьеве-Польском Владимирской губернии. В 1867 г. в Юрьеве-Польском были 2 купеческие фабрики Ганшиных: П. И. Ганшина, на которой работали только 5 рабочих, и А. М. Ганшина — с 80 рабочими [60]. В 1879 г. у А. М. Ганшина было уже 768 рабочих, но «при фабрике станов не имеется, по селам же занято их до 750». Таким образом, это предприятие было раздаточной конторой. П. И. Ганшин в 1879 г. не упоминается, но есть предприятие братьев Овсянниковых и Ганшина с 91 рабочим. Кроме того, по селам для фабрики работали 1700 человек [61]. Мы, конечно, не можем сказать, тик которой из двух фабрик сбывался в Ташкенте, но и в том и в другом случае перед нами изделия ручной выработки, в значительной части, а может быть и целиком, выделывавшиеся ткачами на дому.

Свою долю в сбыте изделий в Среднюю Азию имели и мелкие предприятия. Так, например, купчиха И. А. Симагина, продукция предприятия которой сбывалась на среднеазиатском рынке, владела бумаготкацким заведением в селе Мыльнове Суздальского уезда, на котором в 1867 г. было занято всего четверо рабочих [62]. В «Указателе» Орлова (1879 г.) фамилии купцов Симагиных нет.

На среднеазиатских рынках сбывались изделия не только купеческих, но и крестьянских предприятий. Указанный список цен содержит имена нескольких таких крестьян-предпринимателей. В селе Озеры, Коломенского уезда, Московской губернии работали в 1867 г. две ткацкие фабрики крестьян Щербаковых. На фабрике одного Щербакова работали 75 рабочих, на фабрике другого — 65 [63]. Один из них и к 1879 г. остался крестьянином, хотя в это время имел уже порядочную ткацкую фабрику на 380 станков (350 рабочих) с паровой машиной [64]. В Ташкенте сбывался их миткаль. Крестьянин Шереметьев, владелец предприятия в деревне Алешино, Бронницкого уезда, Московской губернии, имел на своем предприятии в 1867 г. 100 рабочих [65], а в 1879 г.— всего 30, но зато раздавал пряжу по селам на 300 станов [66]. Тик, производившийся на фабрике Шереметьева, продавался в Ташкенте. В деревне Алешино в 1867 г. была также небольшая бумаготкацкая фабрика крестьянина Шинкова, на которой работали 50 рабочих [67]. К 1879 г. это предприятие, повидимому, закрылось (в «Указателе» Орлова оно не значится).

---

[60] Д. А. Тимирязев. Указ. соч., стр. 3.
[61] П. А. Орлов. Указ. соч., стр. 58.
[62] Д. А. Тимирязев. Указ. соч., стр. 3.
[63] Там же, стр. 6.
[64] П. А. Орлов. Указ. соч., стр. 70.
[65] Д. А. Тимирязев. Указ. соч., стр. 5.
[66] П. А. Орлов. Указ. соч., стр. 67.
[67] Д. А. Тимирязев. Указ. соч., стр. 5.

Вырабатывавшийся этим предприятием тик также вывозился в Ташкент.

Сукно, продававшееся в Ташкенте, производилось на трех крупнейших фабриках Московской губернии: на фабрике Ремезова в селе Константинове Подольского уезда, на которой в 1867 г. работали 831 рабочий [68], а в 1879 г. — 915 рабочих [69]; на московской фабрике братьев Носовых (в Лефортовской части) в 1867 г. работали 2 тыс. человек [70], а в 1879 г.— 1607 [71], и на фабрике Тюляева в селе Купавна Богородского уезда с 1044 рабочими в 1867 г. [72] и 1230 — в 1879 г. [73]

Таким образом, на рынках Средней Азии сбывались текстильные изделия и крупных и мелких, и передовых и отсталых, и купеческих и крестьянских предприятий, в основном Центрального промышленного района.

В итоге исследования как оборотов среднеазиатской торговли, так и деятельности русского купечества в Средней Азии мы приходим к выводу, что первым стимулом к расширению торговли со Средней Азией в 60-х годах XIX в. был недостаток сырья для русской хлопчатобумажной промышленности, вызванный гражданской войной в Соединенных Штатах Северной Америки. Увеличение оборотов и первые поездки купцов Центрального промышленного района в Среднюю Азию в 60-х годах относятся как раз к моменту наступления мирового хлопкового кризиса.

Окончание гражданской войны в Северной Америке и возобновление вывоза хлопка из Южных штатов не остановили роста торговли России со Средней Азией. Наоборот, эта торговля развивалась и дальше, но уже в связи с продвижением русских войск в Среднюю Азию. Торговые караваны купцов шли одновременно с войсками или вслед за ними. В. И. Ленин указывал, что экономическое завоевание Кавказа «Россией совершилось гораздо позднее, чем политическое» [74]. Также и в Средней Азии рост торговых отношений с Россией сопровождал ее политическое завоевание, а не предшествовал ему.

Однако можно заметить, что, хотя отдельные русские купцы и фабриканты после завоевания царскими войсками Ташкента и других кокандских и бухарских городов проявили интерес к этому краю и развили там и в соседних областях Средней Азии энергичную деятельность, купцов этих было небольшое количество. В то же время эти купцы постоянно обращались к прави-

---

[68] Там же, стр. 26.
[69] П. А. Орлов. Указ. соч., стр. 23.
[70] Д. А. Тимирязев. Указ. соч., стр. 25.
[71] П. А. Орлов. Указ. соч., стр. 20.
[72] Д. А. Тимирязев. Указ. соч., стр. 25.
[73] П. А. Орлов. Указ. соч., стр. 24.
[74] В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 520.

тельству с жалобами и просьбами, уверяя, что без покровительства правительства они действовать не могут. Такое поведение русских купцов, так же, как и незначительный удельный вес русской торговли в азиатском торговом обороте в целом, свидетельствуют о пассивности и слабости русского купечества, что соответствовало уровню русской промышленности. К тому же преобладание на среднеазиатских рынках русских хлопчатобумажных изделий и преимущественная активность там владельцев текстильных предприятий показывают, что в рынках сбыта изделий и в покупке сырья нуждалась именно эта наиболее передовая отрасль русской промышленности. «При свойственной капитализму неравномерности развития,— писал В. И. Ленин,— одна отрасль производства перегоняет другие и стремится выйти за пределы старого района хозяйственных отношений. Возьмем, напр., текстильную индустрию в начале пореформенной эпохи. Будучи довольно высоко развитой в капиталистическом отношении (мануфактура, начинающая переходить в фабрику), она вполне овладела рынком центральной России. Но крупные фабрики, которые росли так быстро, не могли уже удовлетвориться прежними размерами рынка; они стали искать себе рынка дальше...» [75]

* * *

Кроме единоличных предприятий в Ташкенте были учреждены торговые товарищества.

Ташкент был взят 17 июня 1865 г. И уже через полгода (в декабре 1865 г.) создается «Московско-ташкентское товарищество», первое собрание которого состоялось 7 декабря в Москве [76].

В проекте устава, составленном 3 декабря 1865 г., выражены основные черты организации будущего «Товарищества»: первоначальный капитал его составлял примерно 60—100 тыс. руб. и должен был расти по мере надобности; «Товарищество»

---

[75] Там же, стр. 519.

[76] АВПР, Главный архив, II-3, 1865 г., д. 3, л. 4; ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 16, д. 195, л. 1. Протокол собрания подписали: Савва Морозов с сыновьями, сыновья Ивана Хлудова, сыновья Автонома Мануйлова, Михаил Солодовников, Иван Лямин (городской голова Москвы), вдова В. Третьякова с сыновьями, Василий и Димитрий Ремезовы, генерал-майор Дмитрий Романовский, присланный в Москву из Ташкента для совещаний с купечеством по вопросу о русской торговле в Ташкенте и в других пунктах Средней Азии, и чиновник Виктор Бутовский. Как видно из последующих протоколов, в Товарищество кроме указанных лиц вошли Александра Каретникова с сыном, Семен Малютин и К°, Александр и Асаф Ивановы Барановы (очевидно, александровские фабриканты), Сергей Ширяев. Таким образом, «Московско-Ташкентское товарищество» составилось из наиболее видных и крупных представителей буржуазии Московского района (там же, л. 17).

предполагало снарядить пробный караван в Ташкент, сохраняя право продажи товаров по пути; послать уполномоченного и приказчиков для учреждения в Ташкенте и его окрестностях товарного склада, лавок и других торговых заведений, сельскохозяйственных угодий для разведения усовершенствованных сортов хлопчатой бумаги, для хлебопашества, для выкармливания шелковичных червей [77].

Делами «Товарищества» ведал Алексей Иванович Хлудов (председатель Московского коммерческого совета), делопроизводством — статский советник Виктор Иванович Бутовский, представлявший интересы казны. М. А. Хлудову было предложено составить план каравана. Общее собрание 13 декабря утвердило проект каравана и инструкцию уполномоченному М. А. Хлудову [78].

По приблизительному расчету пробному каравану должно было быть отпущено 24 400 руб. деньгами и товара на 65 600 руб., из них текстильных тканей и пряжи — на сумму около 49 тыс. руб., а на остальные деньги — медь, железо, сахар, чай, табачные изделия и другие товары [79].

«Московско-Ташкентское товарищество» было учреждено по инициативе правительства: в протоколе первого собрания товарищества (7 декабря 1865 г.) отмечено, что это «весьма важное и отменно полезное дело» началось «по вызову» правительства [80].

В своем отношении оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому из Петербурга от 8 февраля 1866 г. генерал-майор Романовский, командированный из Ташкента в Москву для организации «Товарищества», писал, что проект организации «Товарищества» выработался в Москве «после многих и долгих объяснений... и по осмотре привезенных мною из Ташкента образцов...» Романовский отмечал, что «Товарищество» составилось по преимуществу из фабрикантов и, таким образом, товары в Среднюю Азию должны были отпускаться из первых рук, а это при условии умеренной прибыли должно было дать возможность соперничать не только со среднеазиатскими, но и с английскими произведениями. По мнению Романовского, «важность дела» (а очевидно, не стремление к крупным барышам) было «главным двигателем» организации «Товарищества». Принимая во внимание, что члены «Товарищества» — владельцы миллионных капиталов и «имеют так много дела дома, что их решимость на отдаленное предприятие нельзя не оценить и нельзя не видеть также в этой решимости некоторого успеха в нашем

---

[77] АВПР, Главный архив, II-3, 1865 г., д. 3, лл. 5—6.
[78] Там же, лл. 9 об., 14 об.
[79] Там же, л. 15—15 об.
[80] Там же, л. 4.

торговом люде», Романовский противопоставлял «Московско-Ташкентское товарищество» «Астрабадскому торговому дому», организованному 30 лет тому назад [81] и не давшему никаких результатов, несмотря на серьезные льготы, так как «и надежные московские купцы предпочли оставаться на Варварке и Ильинке, где покупатели к ним сами приезжают и где они без всякого риску получают хорошие барыши». Романовский отмечал, что в противоположность «Астрабадскому торговому дому», «Московско-Ташкентское товарищество» не возбуждало вопроса о предоставлении ему монополии, или о содействии казны деньгами, или об отпуске по себестоимости казенных товаров [82].

Это отличие было правильно подмечено Романовским. Но нельзя в то же время не обратить внимания на то, что инициатором в деле учреждения «Товарищества» было правительство и что представители крупной русской, по преимуществу промышленной буржуазии, организовали «Товарищество», руководствуясь не соображениями выгоды, а желая удовлетворить предложение правительства. Этим, вероятно, объясняется ничтожная сумма капитала, вложенная купечеством в предприятие. Такая позиция буржуазии имела потом свои последствия.

Между тем правительство было чрезвычайно заинтересовано в учреждении «Московско-Ташкентского товарищества». Это видно из того, что уже 7 января 1866 г., т. е. всего через месяц после первого общего собрания организаторов «Товарищества». проект его устава был утвержден Александром II без каких бы то ни было возражений против условий его организации.

Стремление правительства поспешить с этим делом выразилось и в том, что министр финансов Рейтерн совместно с военным министром решили «неотложно» представить вопрос об учреждении «Товарищества» на усмотрение царя без предварительного его согласования с оренбургским генерал-губернатором [83].

Крыжановский, получив известие об организации «Товарищества», послал Алексею Ивановичу Хлудову — распорядителю делами компании — письмо с выражением благодарности за организацию «важного и полезного для России» предприятия. В ответ Хлудов в письме от 20 марта 1866 г. со своей стороны от имени членов «Товарищества» благодарил оренбургского генерал-губернатора за содействие и уверял его в стараниях «довести торговлю с Ташкентом и Среднею Азиею до возможной степени удовлетворительности» [84].

---

[81] Подробно бо «Астрабадском торговом доме» см. М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.— Л., 1949, стр. 249—265, 331—335.

[82] ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 16, д. 195, лл. 5—5об.

[83] Там же, лл. 1—4 (отношение министра финансов Рейтерна оренбургскому генерал-губернатору от 8 января 1866 г.).

[84] Там же, лл. 16—17 об., л. 18 (письмо от 28 февраля 1866 г.).

Хотя, как было сказано выше, «Московско-Ташкентское товарищество» не просило правительственной субсидии, впоследствии оказалось, что в его капитал было внесено 100 тыс. руб. казенных денег, что сохранялось в тайне [85]. Таким образом, товарищество (правда, без права монополии) все же очень напоминало проекты учреждения торговых компаний в 30-х и 40-х годах, когда инициатива их организации исходила от правительства и когда купечество осторожно и неохотно относилось к участию в такого рода предприятиях.

Результаты такого положения вещей не замедлили сказаться. Прошло почти три года со времени разрешения царя учредить «Московско-Ташкентское товарищество», а оно еще не начинало своей деятельности в Средней Азии. В ноябре 1869 г. представитель казны в комитете по организации «Товарищества» чиновник Бутовский доносил об этом одновременно Кауфману и министру финансов. Председатель комитета и московский городской голова, коммерции советник Лямин, по словам Бутовского, сообщил, что «Товарищество» не может организоваться до апреля 1870 г.— окончательного срока, который был ему дан. В беседе с Бутовским Лямин высказал «твердое убеждение» в необходимости учреждения компании для «водворения правильной торговли в Средней Азии» и в участии в этой новой компании многих крупных торговых домов при условии содействия правительства.

В то же время Бутовский сообщал, что петербургский торговый дом «Стукен и Шпис» также внес предложение об учреждении среднеазиатского торгового товарищества на основаниях, утвержденных для Московско-Ташкентского товарищества в 1866 г.

Однако фирма «Стукен и Шпис» условием учреждения товарищества ставила предоставление ему монопольного права на вывоз из Туркестана грены [86].

Нет сомнения в том, что это право и было главной целью, которую преследовала фирма «Стукен и Шпис»; учреждение торгового товарищества было для них только ширмой. Дело в том, что в рассматриваемые годы в Западной Европе шелковичные черви были поражены эпидемией, которая, распространившись по всей Европе, грозила уничтожением шелковой промышленности. Закупки яичек шелковичных червей в Закавказье привели и здесь к распространению эпидемии. Средняя Азия оказалась одним из немногих мест, которого эпидемия не коснулась. Поэтому в 60-70-х годах многие предприниматели, в особенности итальянские торговые фирмы, устремились в Среднюю Азию

---

[85] ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 16, д. 252, л. 7.
[86] Там же, лл. 1—2, 5—6.

для закупки грены, которую можно было сбывать в Западной Европе с большой выгодой.

Фирма «Стукен и Шпис» еще в 1868 г. закупила на Нижегородской ярмарке у бухарских купцов яички шелковичных червей, а в 1869 г. основала в Ташкенте торговый дом для торговли греной с Италией.

Однако туркестанские власти препятствовали торговле яичками шелковичных червей, так как такая торговля грозила распространением эпидемии на Среднюю Азию и в то же время могла, при безграничном вывозе грены, привести к упадку среднеазиатской шелковой промышленности и к сокращению производства шелка-сырца, который рассматривался, хотя и потенциально, как нужное сырье для русской шелковой промышленности. На вывозившиеся из Туркестана яички шелковичных червей была наложена пошлина в размере 20 руб. с фунта вместо взимавшихся раньше 2 руб. Впоследствии, в начале 1870 г., как говорилось выше, Кауфман ограничил вывоз грены. С 1872 г. Комитет министров запретил вывоз яичек шелковичных червей из Туркестанского края [87].

Нет сомнения в том, что затруднения в вывозе грены из Средней Азии побудили фирму «Стукен и Шпис» к желанию учредить среднеазиатское торговое товарищество, под прикрытием которого она предполагала заниматься экспортом яичек.

Как министр финансов, так и туркестанский генерал-губернатор отрицательно отнеслись к предложению торгового дома «Стукен и Шпис». Из Департамента мануфактур и торговли Бутовский получил отношение, в котором вывоз грены за границу признавался вредным в противовес пользе вывоза в Среднюю Азию изделий русской промышленности [88].

Кауфман, считая особое покровительство русской торговле в Средней Азии вообще излишним, так как торговля, по его мнению, представляла уже «весьма прочные выгоды», в особенности отрицательно отнесся к торговле греной [89].

В результате обсуждения предложения «Стукен и Шпис» им было отказано в просьбе; компания, таким образом, не организовалась [90].

Но если местное начальство Туркестанского края, а также и представители центральной власти были против не только поощрения, но и простого разрешения вывоза семян шелковичных червей из Средней Азии, то зато они относились весьма сочувственно к улучшению способа размотки шелка в Туркестане

---

[87] О торговле греной в Туркестане см. АВПР, Главный архив, II-3, 1869 г., д. 7.

[88] ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 16, д. 252, л. 7—7 об.

[89] Там же, лл. 19—20.

[90] АВПР, Главный архив, II-3, 1869 г., д. 7, л. 150 об.

в целях улучшения качества сырья, необходимого русской шелковой промышленности. Стремление к усовершенствованию шелкомотания в Средней Азии было одной из причин запрещения вывоза грены [91].

В начале 1871 г. состоялось собрание московских шелковых фабрикантов под председательством чиновника Бутовского. Командированный из Туркестана управляющий канцелярией Туркестанского генерал-губернатора генерал-майор А. И. Гомзин сделал доклад о состоянии шелководства в Туркестане и о проекте акционерной компании для производства шелкомотания. В протоколе собрания отмечено, что присутствовавшие «отнеслись к предприятию сему с полным сочувствием, как направленному на пользу отечественной шелковой промышленности»; причем проявили «готовность содействовать успеху этого дела». Протокол подписал ряд шелковых фабрикантов и среди них такие крупные, как А. Сапожников, Кондрашев и др. На следующем собрании шелковых фабрикантов собралось немного [92].

Устав «Московско-Ташкентского товарищества» для содействия русской шелковой промышленности был утвержден царем 21 мая 1871 г. [93]. В «Товарищество» вошли многие крупные фабриканты как шелковой, так и других отраслей. Многие из них были членами несостоявшегося «Московско-Ташкентского товарищества». Капитал «Товарищества» составил всего только 200 тыс. руб. [94] Председателем правления общества был избран Тимофей Морозов — глава одного из наиболее крупных текстильных предприятий России [95].

Туркестанский генерал-губернатор Кауфман принимал деятельное участие в организации «Московско-Ташкентского товарищества для содействия русской шелковой промышленности», за что летом 1872 г. получил благодарственный адрес от Комитета шелководства, подписанный среди других «славных», по выражению Кауфмана, имен также именами «августейших особ», принимающих самое теплое участие в деле развития одной из отраслей отечественной промышленности» [96].

---

[91] В начале 70-х годов в Туркестанском крае была учреждена школа шелководства (ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 15, д. 229, лл. 2, 3; д. 89, л. 39).

[92] Там же, д. 89, л. 18.

[93] Учредителями «Товарищества» были Т. С. Морозов, А. И. Хлудов, А. А. Морозов, Ф. В. Чижов, Д. П. Шипов, Н. П. Шипов, И. А. Лямин, А. и В. Сапожниковы, бр. Крестовниковы, Д. А. Морозов, В. Е. Морозов, К. А. Попов, К. Т. Солдатенков, Н. А. Шаблыкин, П. В. Давыдов, В. И. Якунчиков, П. Г. Губонин, И. А. Кононов, граф П. Комаровский, И. А. Катуар, И. С. Соловьев, А. Е. Залогин, А. П. Шелаев, М. А. Горбов, бр. А. и Н. Мамонтовы, А. Ф. Симонов, Л. Д. Лезерсон, Ив. Ив. и Ив. Анд. Первушины (ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 16, д. 2280, л. 3—3 об.; АВПР, Главный архив, II-3, 1869 г., д. 7, л. 202.).

[94] ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 16, д. 2280, л. 4.

[95] Там же, оп. 15, д. 89, л. 80.

[96] Там же, оп. 16, д. 2280, л. 24 об.

В устав «Товарищества» Комитетом министров было внесено дополнение о публикации отчетов «Товарищества» в «Правительственном вестнике, а также в «Петербургских ведомостях» и «Московских ведомостях». «Товарищество» в своей докладной записке в начале 1871 г. протестовало против этого, указывая на замкнутый характер предприятия, на то, что переход паев к посторонним лицам мог быть только отдельным случаем, притом с разрешения общего собрания, что акции «Товарищества» не могли продаваться на бирже, что оно имело «характер вполне частного промышленно-торгового предприятия». Публикация отчетов беспокоила членов «Товарищества» из-за возможных неудач в начале их деятельности. Заявляя, что они руководствуются желанием «развить богатую отрасль промышленности в новоприобретенном крае», а не заботой о своих выгодах, члены «Товарищества» писали: «Учредители настоящего «Товарищества» нисколько не смущаются ожиданием убытков, но обязанность объявления во всеуслышание о неудаче предприятия, начатого большей частью известными торговыми домами, может набросить на них тень в общественном мнении и этим самым отвратить их от участия в «Товариществе» [97].

Вокруг вопроса о развитии шелководства в Средней Азии и связанного с ним запрещения вывоза грены из Туркестанского края имели, по-видимому, место разногласия в русских общественных кругах. Об этом можно заключить из письма одного из наиболее деятельных членов «Товарищества» Ф. Чижова А. И. Гомзину от 2 марта 1871 г. из Москвы. Очевидно, Чижову было предложено опубликовать в «Московских ведомостях» статью о «Товариществе». Не отказываясь прямо от этого предложения, Чижов, однако, писал: «Но смотрите, я хорошо знаю редакцию: она поместит Вам статью, а потом в передовой статье [выступит] против запрещения вывоза (очевидно, грены.—*М. Р.*). И будет дружба горше вражды. Поверьте, что это я говорю не по предположению. Редакторы, особенно Леонтьев, который исключительно занимается областью экономическою (Катков в нее нисколько не мешается), ни за что не захочет отступить от своих теоретических взглядов и перепутает так выгоды шелкомотания с притеснительностью запрещения вывоза и отсталостию взгляда на торговлю и ее преуспеяние, что Вы будете не рады его защите. Поэтому едва ли не осторожнее прейти [98] газетным молчанием» [99].

Приведенный текст письма свидетельствует о разногласиях, существовавших в различных кругах русского общества во взглядах на методы экономического освоения недавно приобре-

---

[97] Там же, лл. 66 об.— 67 об.
[98] Так в тексте.
[99] ЦГИА Узб ССР, ф. 1, оп. 15, д. 89, лл. 60 об.— 61.

тенной окраины. Разногласия по данному вопросу связаны со спорами о свободной торговле и протекционизме [100].

История возникновения «Московско-Ташкентского товарищества для содействия русской шелковой промышленности» показывает, что это предприятие, как и «Московско-Ташкентское товарищество» 1865 г., возникло по инициативе правительства. Фабриканты и другие представители русской буржуазии вступили в «Товарищество» не по собственной охоте.

Тем не менее у вступивших в «Товарищество» была заинтересованность в предприятии. При этом они не выдвигали требования о монополии. Даже, наоборот, конкуренция представлялась им полезной для деятельности «Товарищества». Так, в конце 1871 г., т. е. в самом начале организации «Товарищества», председатель его правления Т. С. Морозов в письме Гомзину выражал мнение, что наличие в Туркестане двух шелкомотален [101] не только не опасно для предприятий компании, но и полезно «для края как некоторая конкуренция в производстве, а также и в применении способов размотки шелка» [102]. Но все же капитал компании был очень небольшим, и в дальнейшем деятельность «Товарищества» развивалась вяло. В марте 1872 г. Тимофей Морозов (председатель правления «Московско-Ташкентского товарищества») писал Гомзину из Москвы, что «Товарищество» озабочено медленностью, с которой подвигается дело. По словам Морозова, к весне 1872 г., т. е. через год после учреждения компании, деятельность предприятия ограничивалась покупкой земли, на которой строилась фабрика, и покупкой около 300 пудов сырых коконов, из которых получено пока только 5 пудов шелка [103].

Через четыре года, в январе 1875 г., Т. Морозов в ответ на письмо Кауфмана сообщал, что из-за понижения цен на шелк дела «Товарищества» «тихи и работать приходится без всякой пользы, даже в убыток, вследствие чего мы очень сократили его производство». «В настоящее время, по случаю зимы, оно совсем приостановлено. Коконы шелковые около Ходжента и Кокана настолько дороги, что не представляется никакого расчета их разматывать. Ввиду всего этого мы находимся теперь в выжидательном положении». На письме Морозова Кауфман сделал пометку: «Оч[ень] жаль, что направление дел «Товарищества»... другое, чем предполагалось сначала.— Я говорил о взгляде на барыши». В ответе Морозову от 24 апреля 1875 г. Кауфман выражал надежду, что так как во главе «Товарищества» стоят «представители наиболее уважаемых коммерческих

---

[100] См. гл. I настоящей работы.
[101] ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 15, д. 89, лл. 81 об.— 82.
[102] Имеются в виду шелкомотальни Хлудова и Первушина.
[103] ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 15, д. 89, лл. 90—91.

наших фирм», то «при известной настойчивости патриотические усилия и жертвы» будут вознаграждены [104].

Как видно из изложенного, если частные предприятия купцов имели известные, хотя и небольшие, результаты, то попытки организации товариществ, учреждавшихся по желанию правительства некоторыми из тех же купцов, были менее удачны.

* * *

В 50 — первой половине 70-х годов [105] внимание купечества и правительства было направлено не только на торговлю в Туркестанском генерал-губернаторстве и в ханствах Средней Азии, но и на юго-восточном побережье Каспийского моря, населенном туркменами, и рассматривавшимся в то время в качестве исходного пункта по пути в Хивинское ханство.

Вопрос о торговых отношениях на юго-восточном побережье Каспийского моря был непосредственно и тесно связан с вопросом об отношении с теми племенами и родами туркмен, которые обитали на побережье и кочевали в прилегающих степях.

Туркмены, обитавшие на юго-восточном побережье Каспийского моря и на близлежащих островах, занимались скотоводством, в некоторых местах земледелием, а также рыболовством, добычей соли и нефти. Продукты своего несложного хозяйства они сбывали главным образом в Персии или в Хиве в обмен на хлеб и другие необходимые предметы.

Задача открытия торгового и военного пути между Каспийским морем и Хивой возникла еще в 50-х годах и рассматривалась в двух направлениях: путем завязывания коммерческих связей с туркменами, обитавшими на юго-восточном побережье Каспийского моря и в его окрестностях, и путем экспедиций, целью которых было занятие Красноводского залива, что и осуществилось в самом конце 60-х годов.

Попытки войти в торговые сношения с туркменами юго-восточного берега Каспийского моря предпринимались и в предшествующее время, но эти торговые сношения не были прочными и постоянными.

Непосредственное отношение к освоению юго-восточного берега Каспийского моря имело учреждение «Московского для торговли с Азиею дома через Астрабад». Попытки основания этого торгового дома относятся к 30-м годам XIX в., но практически дом был учрежден в середине 40-х годов тремя фабрикантами Центрального промышленного района сроком на 10 лет. Через 10 лет — в середине 50-х годов — учредители выразили желание продлить срок существования торгового дома еще на 10 лет, но

---

[104] Там же, оп. 16, д. 840, лл. 1—1 об., 4—4 об.

[105] В данном разделе гл. VI трудно отделить 50-е годы от 60-х и начала 70-х годов.

представленный ими устав не был утвержден правительством. Торговый дом потерпел большой убыток, явившийся результатом мошеннических действий его приказчика. За время своего более чем десятилетнего существования Астрабадский торговый дом вел торговые операции в Персии, но они не достигали солидных размеров [106].

В марте 1856 г., когда обсуждался вопрос о продлении срока действия Астрабадского торгового дома, председателю Московских отделений Мануфактурного и Коммерческого советов Бутовскому рядом видных царских чиновников (Гагемейстером, бароном Торнау, бароном Фридрихсом и коллежским советником Новосельским) было подано прошение о разрешении учредить акционерное общество для торговли с Персией под названием «Азиатская торговая компания» с предоставлением ей тех же льгот, которыми пользовался «Московский для торговли с Азиею дом». На предложение соединить оба торговых дома авторы прошения об учреждении «Азиатской торговой компании» ответили отказом.

В то же время видные московские купцы Ананов, Молчанов и Малютин также заявили о своем желании учредить торговый дом для торговли с Персией и Средней Азией, принимая на себя обязательства и прося льгот, которые в свое время были дарованы «Московскому для торговли с Азиею дому». Ананов, Молчанов и Малютин представили проект устава, мало отличавшийся от устава «Московского для торговли с Азиею дома», утвержденного в 1845 г. Капитал нового товарищества предполагался, правда, значительно больше старого: 500 вместо 200 тыс. руб., но компаньоны по-прежнему просили у правительства денежного участия казны в форме взятия паев на 100 тыс. руб., отпуска определенного количества казенного железа по себестоимости и некоторых других льгот. В то же время они соглашались слиться с «Астрабадским торговым домом», два члена которого переходили в новое товарищество.

Наконец, возник и проект учреждения товарищества на паях для торговли в Персии и Азии под названием «Закаспийское торговое товарищество». Учредителями этой компании были известный крупный коммерческий деятель В. А. Кокорев, барон Н. Е. Торнау и коллежский советник Новосельский. Устав «Закаспийского торгового товарищества» имел заметные отличия от ранее представленных уставов: во-первых, капитал «Товарищества» определялся в 2 млн. руб., в 4 раза больше капитала «Азиатской торговой компании» и в 10 раз больше капитала «Московского для торговли с Азиею дома»; во-вторых, «Закаспийское товарищество» не только совершенно отказывалось от денежного участия казны в предприятии, но и обязывалось воз-

[106] М. К. Рожкова. Указ соч., стр. 249—264, 331—335.

вратить правительству тот капитал, который оно в свое время внесло в «Московский дом». «Товарищество» отказывалось также от льгот по несению гильдейских повинностей и желало только, по примеру «Московского дома», получать на льготных условиях казенное железо. Таким образом, «Закаспийское товарищество» представлялось как частная торговая фирма. Однако ему не было чуждо стремление к монополии: «Товарищество» требовало от правительства гарантии в том, что в течение 25 лет, а может быть, и долее, оно не будет разрешать другим компаниям вести торговлю в тех местах, где к моменту учреждения «Закаспийского товарищества» не существовало русской торговли. Здесь прежде всего имелся в виду юго-восточный берег Каспийского моря и прилегающий к нему район. Особой чертой проекта устава «Товарищества» было то, что в нем было обращено специальное внимание на побережье Каспийского моря и на его связь с Хивой: «Закаспийское товарищество просило», в случае возникновения надобности, предоставить ему исключительное право устройства пароходства на Аральском море и железной дороги между Каспийским и Аральским морями.

Дело рассматривалось в Кавказском комитете. По мотивам, высказанным министром иностранных дел, Комитет отдал предпочтение «Закаспийскому торговому товариществу», устав которого был утвержден Александром II 7 июня 1857 г.[107]

Из сказанного можно сделать вывод, что идея завязывания торговых связей на юго-восточном побережье Каспийского моря была во второй половине 50-х годов довольно популярна среди русских предпринимателей.

С другой стороны, в политических планах правительства развитие русской торговли на юго-восточном Каспийском побережье вообще и учреждение «Закаспийского торгового товарищества» в частности занимали заметное место[108].

На «Закаспийское торговое товарищество» возлагались большие надежды при обсуждении вопроса о действиях экспедиции во главе с полковником Дандевилем к юго-восточному побережью Каспийского моря, имевшей место в 1859 г. с целью занятия Красноводского залива.

Как известно, экспедиция под начальством полковника Дандевиля, предпринятая летом 1859 г., потерпела неудачу, вследствие оказанного ей сопротивления туркмен в районе о. Челекен[109]. В последующих переговорах Дандевиля с туркменами

---

[107] ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 9, д. 256, 1857—1858 гг., лл. 15—89; ф. 560, д. 684, 1857, лл. 62—76; «Экономический указатель. Еженедельное издание по государственному хозяйству и вспомогательным наукам», вып. 22, № 74, 1858, стр. 501—502.

[108] Подробно о торговой политике правительства на юго-восточном побережье Каспийского моря см. в гл. VII настоящей работы.

[109] А. Л. Попов. Указ. соч., стр. 205—206.

о возмещении нанесенных ими экспедиции убытков посредником был перс Дадаш — приказчик «Закаспийского торгового товарищества», находившийся в этом районе с судном «Товарищества», нагруженным товарами [110].

Главным действующим лицом «Закаспийского торгового товарищества» был известный коммерции советник Кокорев, который после закрытия своего солеваренного завода в Солигаличе был, по его собственным словам, «вытеснен из рамки уездной жизни в Петербург для приискания откупных занятий» [111]. Во время наместничества князя Воронцова Кокорев был откупщиком в Ставропольской губернии и, по его словам, был увлечен рассказами барона Н. Е. Торнау о выгодности торговли с Персией, «где за пуд нашего полосового железа дают пуд хлопка» [112].

С самого начала учреждения «Закаспийского торгового товарищества» Кокорев выступает как его главный распорядитель: новые пайщики могли приниматься в «Товарищество» «с согласия только Кокорева», сроки внесения паев определялись Кокоревым и т. д. [113]. Другие два члена «Товарищества» в последующие годы (до 1861 г.) оставили это дело. Вместо них в «Товарищество» вступили Мамонтов, также выбывший в 1862 г., и приглашенный Кокоревым, по-видимому, в 1861 г. московский купец первой гильдии Медынцев, с согласия которого Кокорев в 1864 г. представил новый устав «Товарищества», которое теперь должно было именоваться «Каспийским торговым домом под фирмою Василий Кокорев и К°». В 1869 г. выбыл и Медынцев и Кокорев остался единоличным владельцем капитала «Закаспийского торгового товарищества» и распорядителем всех его предприятий [114].

Среди разнообразных дел, в которые Кокорев вкладывал свои капиталы, «Закаспийское торговое товарищество» занимало заметное место. Так, например, из 7394 тыс. руб., заключавшихся в откупах, в акциях железных дорог и торговых компаний, в имениях и заводах, в домах в разных городах, в долговых обязательствах разных лиц, в драгоценностях и т. п., в «Закаспийское торговое товарищество» к 1 октября 1860 г. было вложено 942 тыс. руб. [115] — приблизительно восьмая часть всего капитала.

---

[110] АВПР, Главный архив, I-9, 1858 г., л. 205.

[111] В. А. Кокорев. Экономические провалы по воспоминаниям с 1837 г. СПб., 1887, стр. 11.

[112] В. А. Кокорев. Указ. соч., стр. 104, 107. Барон Н. Е. Торнау — автор нескольких работ по мусульманскому праву, был сенатором и позднее (в 70-х годах) некоторое время членом Государственного совета.

[113] ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 38, д. 684, лл. 71—72; ЦГИАМ, ф. Кокорева, 1861 г., д. 59, л. 5.

[114] АВПР, Главный архив, I-9, 1864 г., д. 6, лл. 7—9; ЦГИАМ, ф. Кокорева, 1869 г., д. 86, л. 2.

[115] ЦГИАМ, ф. Кокорева, 1860—1861 гг., д. 11, лл. 6—8.

Круг деятельности «Закаспийского торгового товарищества» был довольно широким: во-первых, «Товарищество» продолжало торговые операции в Персии, которые до него вел «Московский для торговли с Азиею дом»; во-вторых, оно производило опыты посевов хлопчатника в Ленкоранском уезде; в-третьих, учредило керосиновый завод недалеко от Баку; в-четвертых, вступило в торговые отношения с туркменами, обитавшими на юго-восточном побережье Каспийского моря. Этот последний род деятельности «Товарищества» был отчасти связан с устройством завода в Сурханэ, близ Баку: занятие нефтяным промыслом вызвало у членов «Товарищества» интерес к нефтяным богатствам о. Челекен.

Отвечая на запрос министерства финансов о деятельности «Товарищества» в 1861 г., Кокорев писал, что «Товарищество», как и в предшествовавшие годы, торговало с Персией и Средней Азией, вывозя оттуда хлопок, шерсть, марену и бакалейные товары отчасти на наличные деньги, отчасти путем обмена на русские металлы и текстильные изделия.

Большое внимание «Закаспийское товарищество» уделяло устройству в конце 50-х годов завода в Сурханэ, где вырабатывался керосин (фотонафтиль). Сначала он сбывался только на Кавказе и в Прикаспийском крае, а с 1863 г. большие партии его были отправлены в поволжские города и в Москву. По словам Кокорева, фотонафтиль Сурханского завода своими качествами превосходил керосин и петролеум, вырабатывавшийся за границей [116]. В Саратове, Казани и Москве было введено керосиновое освещение улиц, керосин стали в большом количестве выписывать в Петербург для комнатного освещения. По данным Министерства финансов, в 1862 г. фотонафтиля было вывезено с Сурханского завода не больше 2 тыс. пудов, в 1863 г. его было предположено выработать до 20 тыс. пудов на сумму в 120 тыс. руб. [117]. По отзыву бакинского военного губернатора, относящемуся к 1869 г., Сурханский завод, начавший действовать еще в то время, когда употребление керосина в Европе было ограничено, с ростом спроса на керосин и с учреждением большого количества керосиновых заводов в Америке и в Западной Европе стал ежегодно производить до 100 тыс. пудов очищенного фотонафтиля, который по преимуществу употребляется в Москве. Предполагалось довести производительность завода до 250 тыс. пудов. По словам бакинского военного губернатора, с Сурханским заводом Кокорева в то время (в конце 60-х годов) мог соперничать только завод Мирзоевых, да и то только потому, что бакинская нефть была у них на откупе. Остальные заводы

---

[116] АВПР, Главный архив, II-3, 1836 г., д. 5, ч. II, л. 464.

[117] ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 38, д. 761 (отчет Департамента мануфактур и внутренней торговли за 1862 г.), л. 50.

были мелкими и «самого простого первобытного устройства» [118].

В 70-х годах Кокорев преобразовал свой завод в «Бакинское нефтяное общество», в которое вошло несколько сот акционеров, но Кокорев еще и в 1874 г. сохранил в своих руках бо́льшую часть паев: 17 581 пай из общей суммы в 30 тыс. паев [119]. На промышленной выставке в Петербурге в 1871 г. Кокорев выставлял нефть и керосин [120]. Еще раньше, в начале 60-х годов, за керосин Сурханского завода Кокорев получил золотую медаль на Лондонской выставке.

Основной интерес для данной темы представляет торговая деятельность «Закаспийского товарищества» на туркменском побережье Каспийского моря. Эта деятельность началась с года его основания: в 1857 г. «Товарищество» вступило в торговые сношения с туркменами восточного берега Каспийского моря [121]. В более обширные торговые сношения «Закаспийское товарищество» вступило с челекенскими туркменами» в 1858 г., когда они продали «Товариществу» 50 тыс. пудов нефтагиля. Известный автор записок о восточном побережье Каспийского моря, прикомандированный Министерством иностранных дел к оренбургскому и самарскому генерал-губернатору, коллежский ассесор Галкин, считал эту торговую сделку туркмен с «Закаспийским торговым товариществом» началом правильной торговли туркмен нефтагилем [122].

В течение 1858—1859 гг. туркмены острова Челекен привезли в факторию «Закаспийского товарищества» на о. Ашур-Ада до 30 тыс. пудов нефтагиля; столько же они продали отдельным покупателям — армянам и жителям Баку и сами вывезли до 10 тыс. пудов в Баку. Всего в этой торговле участвовало 29 туркмен, продававших нефтагиля каждый от 25 пудов до 4 тыс. пудов [123].

В 1859 г. почти одновременно с прибытием в Красноводский залив экспедиции под начальством полковника Дандевиля, туда пришел шкоут «Закаспийского товарищества» с его агентом бароном Врангелем. Шкоут был нагружен ситцами, сукном, мукой, пшеном и другими товарами. Барон Врангель предполагал устроить на о. Челекен склад товаров и торговать ими с туркменами. Незадолго до прибытия экспедиции Дандевиля на товарный склад «Товарищества», находившийся на северном берегу о. Челекен, напали балханские туркмены в количестве 250 че-

---

[118] ЦГИАМ, ф. Кокорева, 1869 г., д. 86, лл. 1—4.
[119] ЦГИАМ, ф. Кокорева, 1874 г., д. 105, л. 8.
[120] В. А. Кокорев. Указ. соч., стр. 93.
[121] «Кавказ», 1862, № 19.
[122] АВПР, Главный архив, I-9, 1860 г., д. 12, л. 69; «Северная почта», 12 ноября 1866 г., № 243; «Кавказ», 1862, № 20.
[123] «Кавказ», 1862, № 20.

ловек. Однако туркмены — жители о. Челекен вступились за «Товарищество» и отбили нападение. Этот факт свидетельствует о том, что туркменское население о. Челекен было заинтересовано в русско-туркменской торговле. Связи здесь были, по-видимому, уже достаточно тесными. Об этом говорит то, что, как сказано выше, приказчик «Закаспийского торгового товарищества» был посредником в переговорах Дандевиля с туркменами по вопросу о компенсации убытков, нанесенных туркменами при нападении на экспедицию. Когда экспедиция Дандевиля была отозвана, приказчик «Закаспийского торгового товарищества» (перс Дадаш) не побоялся остаться на острове с товарами [124]. В 60-х годах Министерство финансов отмечало, что «Закаспийское товарищество» завело постоянные торговые сношения с туркменами, обитавшими на восточном побережье Каспийского моря, и имело лавку с товарами на о. Челекен [125], «не подвергаясь никаким притеснениям или обидам» [126].

Таким образом, «Закаспийское торговое товарищество» вступило в непосредственную и регулярную торговлю с туркменами юго-восточного побережья Каспийского моря. Размеры этих торговых оборотов неизвестны, но надо думать, что они были невелики. Это признавал и сам Кокорев, который в ответе на запрос Департамента мануфактур о деятельности «Товарищества» в 1863 г., писал, что «участие товарищества в азиатской торговле, хотя и не достигшее еще значительного развития, но принимающее с каждым годом более обширные размеры, обещает в будущем, при благоприятном ходе дела, весьма полезные и важные для отечественной промышленности результаты» [127].

Основной интерес Кокорева, который в начале 60-х годов в сущности стал единственным собственником имущества и распорядителем операций «Закаспийского торгового товарищества», состоял в производстве керосина и в торговле им. В связи с этим он подал в январе 1864 г. прошение министру финансов Рейтерну. Прося, как уже указывалось выше, переименовать «Закаспийское торговое товарищество» в «Каспийский торговый дом под фирмою Василий Кокорев и К°», т. к. «Товарищество» действует «исключительно на один его капитал», Кокорев в то же время объяснял, что в связи с отменой крепостного права и вздорожанием хлеба, на Урале повысилась цена казенного железа настолько, что стала выше цен железа частных заводов. Вследствие этого привилегия получения казенного железа по себестоимости потеряла смысл. Поэтому Кокорев просил заме-

---

[124] АВПР, Главный архив, I-9, 1858 г., д. 12, лл. 7, 12, 205, 236; 1860 г., д. 12, л. 6.

[125] ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 38, д. 761, л. 50; д. 781, л. 60 (отчеты Департамента мануфактур и внутренней торговли за 1862 и за 1863 гг.).

[126] ЦГИАМ, ф. Кокорева, 1861 г., д. 59, л. 15.

[127] Там же, л. 16.

нить эту привилегию исключительным правом беспошлинного провоза нефти и нефтагиля с восточного берега Каспийского моря и с соседних островов в Россию и за границу. При этом он оговаривал сохранение прав мелких торговцев нефтью в Астрахани. К своему прошению Кокорев приложил новый устав, по которому все имущество «Товарищества» объявлялось его собственностью; ему предоставлялось право принимать на паях участников — русских и иностранцев. Деятельность «Товарищества» по-прежнему должна была заключаться в добыче и покупке нефти, в устройстве заводов для выработки осветительных материалов, в торговле с Персией, Средней Азией и на юго-восточном побережье Каспийского моря, в устройстве судоходства по Каспийскому морю, по Волге и по Каме. Кокорев просил предоставить ему монополию на торговлю нефтью на 25, а возможно и на 50 лет. Кокореву было отказано в праве беспошлинного провоза нефти [128].

4 января 1865 г. Особый комитет постановил предпринять весной 1866 г. в Красноводский залив съемочную экспедицию в сопровождении торгового каравана [129].

Мера эта рассматривалась как подготовка занятия Красноводска для подчинения туркмен «нашему нравственному влиянию» и для развития русской торговли через Красноводск. «Между тем,— сказано в журнале Комиссии, работавшей в 1865 г.,— в смысле этих намерений правительства явились два лица, желающие обратить коммерческую деятельность на восточный берег Каспийского моря» [130]. Этими двумя лицами, действовавшими, как следует из приведенных слов, в контакте с правительством, были Кокорев и астраханский купец Савельев [131], «находящийся уже в торговых связях с туркменскими жителями» [132].

Кокорев, желая заняться разработкой нефти на о. Челекен, просил: 1) привилегированного права арендовать или купить участки земель у владельцев острова, при условии утверждения заключенных с ними договоров русскими властями на о. Ашур-Ада; 2) позволения пользоваться трудом русских рабочих; 3) позволения учредить товарищество для разработки нефти и «пригласить в это товарищество английских капиталистов»; 4) посылки к острову Челекен военного судна для охраны ком-

---

[128] АВПР, Главный архив, I-9, 1864 г., д. 16, лл. 2—9; ЦГИАМ, ф. Кокорева, 1861 г., д. 59, лл. 9—11.

[129] А. Л. Попов. Указ. соч., стр. 221; см. также «Россия и Туркмения в XIX в.». Сб. документов. Ашхабад, 1946, док. № 11, стр. 22—24.

[130] «Россия и Туркмения в XIX в.», стр. 22, 25.

[131] Савельев обычно называется красноярским купцом, но вышел он из купцов Красного Яра Астраханской губернии.

[132] «Россия и Туркмения в XIX в.», стр. 25; АВПР, Главный архив, I-9, 1864 г., д. 11, л. 177.

мерческих предприятий; 5) пятнадцатилетнюю привилегию на исключительную разработку нефти на о. Челекен, даже и на неарендованных и некупленных землях; 6) права беспошлинного вывоза нефти в Астрахань и за границу. Новое прошение Кокорева от поданного им в начале 1864 г., как видно, отличалось сужением задачи — сосредоточением внимания на нефтяных операциях, но оба прошения сходны своим требованием монополии.

Астраханский купец Савельев, подавший прошение приблизительно одновременно с Кокоревым, высказал мнение, что наилучший способ для восстановления торгового пути от Красноводска к Аму-Дарье — заинтересовать туркмен торговыми выгодами. Считая, что торговлю с туркменами следует ограничить узким кругом русских купцов, «которые бы понимали важность упрочения этой торговли» и вели бы дела «безукоризненно честно», Савельев просил предоставить ему «полную монополию» на торговлю с туркменами на 15 лет.

Для рассмотрения прошений Кокорева и Савельева была создана специальная комиссия под председательством оренбургского генерал-губернатора. Заседавшая в конце апреля — начале мая 1865 г. комиссия возражала против посылки к Красноводскому заливу съемочной экспедиции под военным прикрытием.

Считая занятие Красноводского залива очень важным делом, комиссия, опираясь на заявление своего члена барона Торнау о том, что туркмены и хивинцы неоднократно выражали желание вступить в торговые отношения с Россией, а также опираясь на заявление другого своего члена — председателя московских отделений Мануфактурного и Коммерческого советов Бутовского о том, что московские купцы охотно стали бы торговать с туркменами при условии охраны их интересов правительством, комиссия выразила надежду на то, что «быть может, и посредством исключительно частной предприимчивости в самом непродолжительном времени представится возможность отправить караван в Хиву» [133].

Стремясь в своих мероприятиях опереться на представителей русской буржуазии, правительство, однако, было против предоставления кому бы то ни было монополий, считая, что они «могут только затруднить успехи в торговле и промышленности». На этом основании комиссия отказала Кокореву в его просьбе о монополии на вывоз и разработку челекенской нефти, предложив ему купить или арендовать все нефтяные месторождения острова. Савельев получил такой же отказ, мотивированный тем, что предоставление ему монопольного права на торговлю

---

[133] «Россия и Туркмения в XIX в.», док. № 13, стр. 25—30.

с туркменами равносильно запрещению этой торговли другим русским купцам [134].

В отношении вопроса о монополии комиссия получила поддержку со стороны московского купечества: видные московские купцы — коммерции советник Ананов, желавший в конце 50-х годов сам принять участие в торговле на юго-восточном побережье Каспийского моря, и московский купец Быковский, торговавший в Средней Азии — высказали мнение о вреде монополий, прибавив, что «всякие предприятия в такой стране, как Туркмения, требуют особого покровительства и военной охраны со стороны правительства...» [135]. Этими последними словами представители русской буржуазии еще раз подчеркнули, что без помощи правительства они не будут предпринимать шагов для завязывания торговых отношений на юго-восточном побережье Каспийского моря.

Понимая это положение, комиссия еще до заявлений Ананова и Быковского сочла нужным предоставить торгующим и промышляющим на юго-восточном побережье Каспийского моря, после занятия Красноводского залива, ряд льгот [136].

Комиссия высказала подчеркнуто отрицательное отношение к предложению Кокорева привлечь в компанию иностранцев, в особенности англичан, находя это «противным русским интересам», «потому что иностранцы с приобретением большего или меньшего числа паев в русском товариществе или компании получили бы возможность назначать своих агентов, поверенных и т. п., которые в короткое время, несомненно, завладели бы всею торговлею и промышленностью на Каспийском море и вытеснили бы оттуда как наших торговцев, так и наши произведения, и таким образом уничтожили бы и существующую в незначительных размерах нашу торговлю с азиатцами...». Ввиду этого, а также «и по другим весьма многим вредным в политическом отношении последствиям» комиссия категорически отвергла предложение Кокорева о привлечении иностранцев к русской торговле на юго-восточном побережье Каспийского моря [137].

Предложение о занятии Красноводского залива в середине 60-х годов опять не осуществилось и было отложено вследствие возникновения враждебных отношений с Бухарой, а также из-за опасения подозрений со стороны шаха и возможного вмешательства со стороны Англии [138].

«Но вместе с тем,— как сказано в письме Милютина Горчакову от 18 августа 1865 г.,— его и. в. благоугодно было возло-

[134] «Россия и Туркмения в XIX в.», стр. 28—29; АВПР, Главный архив, I-9, 1864 г., д. 11, л. 157.

[135] АВПР, Главный архив, I-9, 1864 г., д. 11, лл. 190—191.

[136] «Россия и Туркмения в XIX в.», стр. 30; АВПР, Главный архив, I-9, 1864 г., д. 11, лл. 160—170.

[137] АВПР, Главный архив, I-9, 1864 г., д. 11, лл. 168—169.

[138] А. Л. Попов. Указ. соч., стр. 221—222.

жить на Министерство финансов принять меры к развитию, по возможности, торговых и промышленных предприятий на восточном берегу Каспийского моря поощрением частной предприимчивости, дабы, вступив в дружественные и торговые сношения с туркменами, подготовить беспрепятственное утверждение наше впоследствии в Красноводском заливе».

Вопрос о занятии Красноводского залива был поднят вновь в 1869 г.

Весной 1869 г. на заседаниях «Общества для содействия русской промышленности и торговле» были выражены опасения, что провоз товаров из Москвы в Ташкент, вследствие дальности пути, до такой степени увеличивает их стоимость, что создаст опасность иностранной конкуренции. С другой стороны, беспокойство вызывалось и дороговизной привоза в Москву среднеазиатского хлопка. Поэтому и обсуждался вопрос о сокращении пути в Среднюю Азию. В центре внимания заседаний «Общества» оказался восточный берег Каспийского моря, от юго-восточного пункта которого, по произведенным расчетам, расстояние от Хивы составляло 600—700 верст, в то время как от Оренбурга это расстояние равнялось 1700—1300 верстам. Обсудив этот вопрос, «Общество» в заседании 5 и 14 мая приняло решение «ходатайствовать перед правительством о крайней необходимости безотлагательного открытия торгового пути от восточного берега Каспийского моря к реке Аму-Дарье и далее в Среднюю Азию»[139]. В сентябре 1869 г. председатель «Общества для содействия русской промышленности и торговле» подал министру иностранных дел Горчакову прошение об открытии торгового пути от Красноводского залива к Аму-Дарье. Приблизительно в это же время министру финансов Рейтерну и военному министру была представлена составленная в «Обществе» записка, в которой занятие Красноводского залива мотивировалось среди других аргументов опасением наплыва товаров в Среднюю Азию из Индии в связи с прорытием Суэцкого канала и открытием торгового пути через Афганистан и Бухару[140].

Военное министерство, туркестанский генерал-губернатор Кауфман, а также и Министерство иностранных дел сочувствовали желаниям «Общества для содействия русской промышленности и торговле». В Красноводский залив был послан отряд под начальством генерала Столетова. Отряд высадился у Красноводского залива 5 ноября 1869 г.[141] Правительство стремилось представить этот акт исключительно как результат своих забот о русской торговле. В связи с предстоявшей экспедицией

---

[139] Там же, стр. 223—224.

[140] АВПР, Главный архив, II-3, 1869—1871 гг., д. 3, лл. 2—3; «Россия и Туркмения в XIX в.», док. № 14 и 15, стр. 31—34.

[141] А. Л. Попов. Указ. соч., стр. 224—225, 228—229.

Столетова в Красноводский залив в одной из записок, доставленной в Министерство иностранных дел, говорилось: «Торговые интересы наши занимают в настоящих предположениях первое место. Приобретение нового пути в глубь Средней Азии, который удобнее и несравненно короче нынешней караванной дороги через Киргизскую степь на Сыр-Дарью, будет благодеянием для нашей торговли» [142].

Торговля прикаспийских туркмен вообще в начале 60-х годов, по выражению автора статьи, помещенной в газете «Кавказ», была «в незавидном положении». Предметы первой необходимости (ячмень, чай, сахар, табак, краски, платья и др.) туркмены приобретали у жителей Астрабадской провинции Персии в обмен на свои изделия (шерсть, соль, ковры, кошмы, скот и др.). С Хивой и Бухарой прибрежные туркмены торговали меньше. Русские купеческие суда примитивной конструкции, плававшие между Астраханью и Астрабадским заливом (до учреждения пароходной компании «Кавказ и Меркурий»), привозили из России полосовое железо, чугунные котлы, самовары и другие медные изделия, а также текстильные и бакалейные товары, посуду и проч. В обмен русские купцы приобретали у туркмен главным образом рыбу. По словам автора упомянутой статьи, русская торговля с прикаспийскими туркменами не имела «надлежащего развития» из-за ограниченности капиталов и неправильного ведения торговли армянскими и бакинскими купцами, которые главным образом там торговали [143].

После занятия Красноводского залива около него возникло русское поселение, в котором к весне 1870 г. постоянно проживало до 2500 туркмен и персов [144].

К осени 1871 г., т. е. через два года после занятия Красноводского залива, в районе Красноводска внутренней торговлей занимались 13 торговцев, из них 11 в самом Красноводске. При этих купцах, очевидно постоянно торговавших в Красноводске, было 16 приказчиков. Корреспондент «Русского инвалида» находил эту торговлю очень важной, так как туркмены начали выменивать шерсть и рыбу на русский хлеб вместо персидского. Важным товаром, вывозившимся с красноводского побережья и близлежащих островов, была соль.

Общий оборот внутренней торговли Красноводска составил за полгода (с октября 1870 по март 1871 г.) примерно 46 тыс. руб., из них оборот русских товаров превышал сумму в 30 тыс. руб.; остальное составляли товары туркменские, персидские и хивинские [145]. Приведенные цифры показывают, что торговля была еще небольшой.

---

[142] АВПР, Главный архив, II-3, 1869—1872 гг., д. 2, лл. 21 об.—22.
[143] «Кавказ», 1862, № 22.
[144] «Туркестанские ведомости», 21 мая 1870 г., № 2.
[145] «Туркестанские ведомости», 25 октября 1871 г., № 39.

Русские торговцы, приезжавшие из Астрахани в Астрабадский залив, покупали у туркмен рыбу на наличные деньги или в обмен на хлеб, металлические изделия, металлы, веревки, фарфоровую посуду, сундуки, шкатулки, хлопчатобумажные ткани. Русские торговцы были владельцами мелких капиталов и вели с туркменами неэквивалентную торговлю. Затруднения в торговле составляли постоянные опасения русских торговцев, боявшихся нападений со стороны туркмен, вследствие чего они не решались сойти на туркменский берег или бросить якорь без сопровождения вооруженных крейсеров. С туркменской стороны торговля производилась не собственниками товаров, а через посредство некоторых «известных» туркмен, т. е. скупщиков [146].

Этими посредниками в торговле были ханы или старшины. Источник более позднего времени прямо свидетельствует об этом: «Ни один туркмен не продает нефть и соль непосредственно, но всегда действует через своего хана или старшину» [147].

Для 70-х годов нет никаких сведений о торговле на юго-восточном побережье Каспийского моря Кокорева и его компании.

Крупным представителем русской буржуазии, который уже в начале 70-х годов вел торговлю в портах Каспийского моря, был Морозов. От Морозова исходило предложение учредить в Красноводске ярмарки, так как, по его мнению, «ярмарки всегда давали России средства к сближению с различными народами, особенно азиатскими...» [148].

Кроме внутренней торговли Красноводск стал вести и внешнюю торговлю — торговлю с Хивой, хотя эта торговля в начале 70-х годов, по мнению корреспондента «Русского инвалида», «еще не обнаружила никаких ощутительных результатов...» [149].

Еще до занятия Красноводского залива, в сентябре 1869 г. в Астрахань явилось несколько хивинских купцов с товарами «как первые вестники воскресающего явления в здешнем торговом мире», по выражению газеты «Кавказ». Хивинские купцы прибыли сухопутным путем до Каспийского моря и погрузили свои товары на суда в Красноводском заливе. По их словам, этот торговый путь был им хорошо известен, т. к. этим путем туркмены давно возят соль и нефть с о. Челекен в Хиву. Появление в Астрахани хивинских купцов, прибывших туркменской степью и Каспийским морем, было настолько выдающимся событием, что они были представлены астраханскому губернатору. Купцы привезли товара (хлопка, марены, простых халатов и недорогих

---

[146] «Кавказ», 13 июня 1871 г., № 68.
[147] «Кавказ», 18 ноября 1877 г., № 235.
[148] «Туркестанские ведомости», 1 июня 1870 г., № 3.
[149] «Туркестанские ведомости», 25 октября 1871 г., № 39.

ковров) на 12 тыс. руб. Путь от Хивы до Красноводского залива они прошли в 30 дней [150].

Летом 1870 г. начальник морской станции в Астрабаде сообщал из Красноводска, что к нему прибыли два трукмена-йомута из аула Гасан-Кули и сообщили, что они ходили в Хиву и провели оттуда караван двух хивинских купцов с товарами на 50 верблюдах. Купцы изъявили желание везти товары в Россию на почтовых пароходах. Тем же летом к Красноводскому заливу, по сведениям, полученным от туркмен, бывших на о. Челекен, пришел хивинский караван в 150 верблюдов. В ноябре того же года прибыл еще караван в Гасан-Кули. Начальник астрабадской морской станции, много лет служивший в районе Каспийского моря, заявил, «что еще никогда не видел такого желания среднеазиатцев проложить торговый путь к Каспийскому морю, как в настоящее время» [151]. В общем привоз товаров из Хивы в Астрахань через Красноводск был в это время еще очень невелик: в 1870 г. было привезено из Хивы товаров на 11 784 руб., вывезено на 21 573 руб., а в 1871 г.— еще меньше [152].

Развитие торгового пути от Аму-Дарьи через туркменские степи и через Красноводск тесно связывалось с вопросом о подчинении Хивы. Занятие русскими войсками города Хивы (29 мая 1873 г.) и заключение договора с хивинским ханом о протекторате (12 августа 1873 г.) способствовали развитию торговли с Хивой через Красноводск. Корреспондент «Голоса» писал в период хивинского похода, что путь через Красноводск разовьется голько после покорения Хивы и «умиротворения» туркменской степи [153]. По мнению корреспондента газеты «Кавказ», только после похода 1873 г. «оказалось возможным направить, хотя отчасти в небольших еще размерах, среднеазиатскую торговлю нашу к стороне Красноводска». Однако это замечание относится только к внешней торговле — к торговле с Хивой. Что же касается внутренней торговли Красноводска, т. е. торговли с туркменами, то она, по словам того же корреспондента, «идет туго...». Обороты внутренней торговли Красноводска росли медленно: в 1871 г. годовой оборот внутренней торговли составлял около 85 тыс. руб., в 1872 г.— 105 тыс. руб., в 1875 г.—98 тыс. руб. [154] Неудачу потерпело и учреждение ярмарки в Красноводске, открытой 9 мая 1875 г. Хотя не было ожидания «блестящего» начала ярмарки, тем не менее организаторов ее постигло разочарование. С Кавказа на ярмарку прибыл только один ба-

---

[150] «Кавказ», 23 октября 1869 г., № 138; «Астраханские губернские ведомости», 1 ноября 1869 г., № 44.

[151] «Туркестанские ведомости», 1 июня 1873 г., № 3.

[152] «Астраханские губернские ведомости», 11 марта 1872 г., № 21.

[153] «Туркестанские ведомости», 17 июля 1873 г., № 28.

[154] «Кавказ», 18 ноября 1877 г., № 235.

кинский купец Пухов с текстильными изделиями московских фабрик, которые имели ограниченный сбыт; из Хивы пришел небольшой караван с халатами, которые были куплены нарасхват [155].

Но все же, хотя торговля с прикаспийскими туркменами развивалась чрезвычайно медленно, туркмены пригоняли из-за Атрека в Красноводск на продажу верблюдов и отвозили их в Баку. Туркмены пригласили в 1874 г. в свои аулы за Атрек трех бакинских купцов, которые, по словам корреспондента газеты «Кавказ», долго жили там и удачно вели меновую торговлю. Корреспондент отметил: «Это стремление самих туркмен к вступлению в торговые сношения с нами, вероятно, принесет нам немалую пользу» [156]. Таким образом, хотя торговля с туркменами юго-восточного побережья Каспийского моря слабо развивалась, тем не менее начало постоянных торговых связей с туркменами было положено.

Между тем торговля с Хивой через Красноводск росла. Первый караван из Хивинского ханства через Красноводск после заключения договора с Хивой прибыл в Астрахань в октябре 1873 г. Этот караван, принадлежавший купцу из Нового Ургенча Ибадулле, состоял из 63 верблюдов; путь от Нового Ургенча до Красноводска он прошел в 22 дня. Товары (шелк, хлопок, мерлушка, шерсть, халаты) частью предполагалось продать в Астрахани, а остальное — отправить в Нижний и в Москву. Купец Ибадулла занимался в Хиве торговлей русскими и местными текстильными изделиями [157].

Главнокомандующий кавказской армией великий князь Михаил Николаевич в своем докладе царю 7 сентября 1874 г. отмечал, что «караваны наши ходят благополучно между Красноводском и Аму-Дарьею, несмотря на недостаток колодцев» [158]. По мнению начальника Закаспийского отдела генерала Ломакина, торговля в Красноводске начала развиваться с 1875 г. В этом году в Хиву было отправлено более 20 караванов, а оттуда пришло около 10. Общий оборот этой караванной торговли с 1 января по 15 ноября 1875 г. был равен 200 тыс. руб., а оборот внутренней торговли Закаспийского отдела с Россией — 360 тыс. руб. Этим цифровым материалам нельзя вполне доверять. Сам Ломакин несколькими строками ниже, перечисляя товары, которыми торговали караваны, называет сумму привоза в 101 354 руб., а сумму вывоза — в 62 417 руб., т. е. значительно меньше 200 тыс. руб.— всего около 164 тыс. руб. Караваны привозили в Россию шелк, хлопок, пряжу, овчину, козий пух,

---

[155] «Туркестанские ведомости», 8 июля 1875 г., № 27.
[156] «Туркестанские ведомости», 2 июля 1874 г., № 26.
[157] «Астраханские губернские ведомости», 5 декабря 1873 г., № 97.
[158] АВПР, Главный архив, I-9, 1873—1875 гг., д. 13, л. 52.

халаты, шелковые материи, сухие фрукты. Из Красноводска кроме изделий русских фабрик вывозились и туркменские нефтяные продукты [159].

Летом 1876 г. член «Общества для содействия русской промышленности и торговле» полковник генерального штаба А. И. Глуховской сообщил в заседании комитета «Общества», что в Красноводск прибыли три каравана из Хивы в общей сложности на тысяче верблюдов. Кроме того, пришел караван на 800 верблюдах с товаром стоимостью в 150 тыс. руб. Товары отправляются через Баку и Астрахань в Нижний [160].

По данным корреспондента «Бакинских известий», в общей сложности за 1874—1875 гг. из Красноводска в Хиву и обратно прошли 85 караванов [161].

Приведенный цифровой материал едва ли точен и, скорее, может страдать преувеличениями. Но как бы то ни было, мы не ошибемся, если скажем, что торговля с прикаспийскими туркменами и караванная торговля с Хивой после заключения договора о протекторате в 1873 г. при довольно медленном росте в начале 70-х годов исчислялась десятками тысяч, а в середине 70-х годов — сотнями тысяч рублей.

В общем практические последствия занятия Красноводского залива для русской торговли были невелики, и впоследствии путь от Красноводска в Хиву через туркменские степи не оправдал возлагавшихся на него надежд. Закаспийская железная дорога, построенная несколько позднее по стратегическим соображениям, не пошла по этому пути. Ее первый участок шел от Михайловского залива до Кизил-Арвата, а в дальнейшем дорога строилась в направлении Ашхабада, Мерва, Чарджуя и далее.

Но в рассматриваемое нами время путь на Кизил-Арват «не видел и того ограниченного караванного движения, которое было установлено между Красноводском и Хивой» [162].

* * *

Таким образом, и в 60-х годах основной и почти единственной формой экономических связей России со Средней Азией была торговля. Правда, некоторые предприниматели пытались учредить фабрики, как например, Хлудов и Первушин — владельцы шелкомотальных заведений в Ходженте и Ташкенте; другие стремились наладить в Средней Азии правильную очистку хлопка (как например, Быковский), но все эти попытки, как правило, оканчивались в то время неудачами.

---

[159] «Туркестанские ведомости», 27 июля 1876 г., № 29.

[160] «Туркестанские ведомости», 10 августа 1876 г., № 31.

[161] «Бакинские известия», 2 октября 1876 г., № 35.

[162] Ю. Милютин. Наш новый путь в Среднюю Азию.— «Русский вестник», 1887, т. 191, стр. 751.

Исключение составляли заведения пищевой промышленности. Так, например, в трех верстах от Верного находились пивоваренный и винокуренный заводы почетного гражданина Кузнецова и его же «прекрасно устроенная», по выражению источника, мукомольная мельница, на которой в 1869 г. было перемолото свыше 20 тыс. пудов зерна [163]. Первушин производил опыт посева табака в Туркестанском крае на небольшой плантации [164].

Вскоре после взятия Ташкента ряд русских предпринимателей обратил внимание на добычу ископаемых в Туркестанской области [165]. Какова была судьба этих попыток, видно на примере каменноугольной копи Татаринова в районе Туркестана. Работы в копи были начаты в конце 1867 г., весной 1868 г. копи дали для Аральской флотилии 30 тыс. пудов угля; весной 1870 г. в Ташкент было отправлено 35 тыс. пудов угля. Копи, таким образом, представляли небольшое заведение, в котором работало 6 русских рабочих и от 25 до 60 казахов [166].

Еще более показательны данные о разработке свинцовых руд Первушиным в горах Каратау. До 1869 г. свинец в Туркестанский военный округ доставлялся из России через Оренбург. В 1868 г. И. И. Первушин купил у казахов рудник и место под завод за 1 200 руб. и заключил контракт с артиллерийским управлением Туркестанского военного округа, обязавшись поставить к 15 октября 1869 г. 3 тыс. пудов свинца, но в действительности доставил только 370 пудов, т. е. немногим более десятой доли обещанного. Неудачи завода зависели от примитивного устройства печей и неполадок с рабочей силой. Заработная плата рабочих была установлена в 15 руб. в месяц с предоставлением помещения и питания, или при условии выдачи на питание 30 коп. в день. Такие условия оплаты труда нельзя не признать высокими. А между тем контора Первушина в Ташкенте, которой был поручен наем рабочих и которая нанимала их из уволенных в бессрочный отпуск солдат, не могла справиться с этой задачей. Русские рабочие отказывались поступать на завод Первушина, а работавшие на заводе казахи отказывались от многих работ, производя только ручную промывку руды и частью выплавку свинца. Дело кончилось тем, что Первушин предложил «киргизским родам» выплавлять свинец и доставлять его по 2 руб. за пуд. За два месяца 20 человек выработали только 30 пудов, так как применяли в своем производстве примитивную технику [167].

---

[163] «Туркестанские ведомости», 1870, № 5.
[164] «Туркестанские ведмости», 1870, № 12.
[165] А. Л. Попов. Указ. соч., стр. 220.
[166] «Туркестанские ведомости», 1870, № 3.
[167] «Туркестанские ведомости», 1870, № 4.

В 1873 г. горная промышленность в Туркестанском генерал-губернаторстве была представлена только добычей каменного угля в трех копях: в казенной Татариновской, в которой добывалось 220 пудов, в копи Первушина, добыча которой составляла 35 493 пуда, и в предприятии полковника Флавицкого, добывавшем 68 тыс. пудов [168].

Более удачной была деятельность керосинового Сурханского завода Кокорева, о чем говорилось выше.

Материал, привлеченный для изучения вопросов о составе и деятельности русских купцов в среднеазиатских ханствах и на туркменском побережье Каспийского моря, показывает, что до начала 60-х годов в торговле этих районов участвовали в основном владельцы небольших капиталов, главным образом среднеазиатские купцы, а из жителей Российской империи — татары и башкиры, что объяснялось преимуществами, которые давались в ханствах лицам магометанского вероисповедания. Мировой хлопковый кризис начала 60-х годов и овладение царскими войсками частью территории Средней Азии привлекли в ханства и на юго-восточное побережье Каспийского моря купцов и фабрикантов Центральной России, среди которых были обладатели крупных капиталов и солидных промышленных предприятий.

---

[168] ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 15, д. 170, л. 3—3 об. (донесение старшего чиновника особых поручений по горной части при туркестанском генерал-губернаторе от 8 января 1875 г.).

Глава VII

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА

Вопрос о мотивах, двигавших царским правительством при завоевании Средней Азии, неоднократно ставился в исследованиях советских историков.

Начнем с М. Н. Покровского. Выявление его точки зрения на среднеазиатскую политику царского самодержавия затрудняется, с одной стороны, тем, что этому вопросу М. Н. Покровский уделил не так много внимания, а, во-вторых, тем, что точка зрения М. Н. Покровского на внешнюю политику царизма менялась на протяжении деятельности М. Н. Покровского как историка.

В послесловии к сборнику «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии»[1] М. Н. Покровский сам критикует вошедшие в этот сборник статьи, написанные им в 1907—1910 гг. Указывая на то, что публикуемые статьи устарели, М. Н. Покровский объясняет их опубликование тем, что в то время (первая половина 20-х годов) не было более удовлетворительных работ о внешней политике. Среди других критических замечаний в адрес своих собственных произведений М. Н. Покровский указывает, что в целях исправления содержащихся в статьях ошибок одна из них не воспроизводится в указанном сборнике, а вместо нее включаются две статьи, опубликованные в более позднее время. Одна из этих статей — «Русский империализм в прошлом и настоящем» — была напечатана в 1914 г.[2]

Поскольку М. Н. Покровский сам подверг критике свои статьи 1907—1910 г., остановимся для выяснения его взглядов, на последней названной нами статье. В ней М. Н. Покровский обращает внимание читателя на то, что в исследовательской литературе начала 20-х годов нашего столетия вопрос о вызревании в недрах феодального строя капиталистических отношений не освещался. «У нас,— пишет он,— очень распространено мнение о николаевской дореформенной России как о стране

---

[1] М. Н. Покровский. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сб. статей. М., 1923.

[2] Там же, стр. 379—389.

дворянской, феодальной...» Это представление, по выражению М. Н. Покровского, «нелепо» «в особенности для марксиста», так как за царствованием Николая I следуют реформы. «Как же это,— восклицает М. Н. Покровский,— на чисто феодальном фоне появились вдруг буржуазные реформы?» [3]

В настоящее время в нашей исторической литературе многими специальными исследованиями установлено, что предреформенные десятилетия были временем, когда происходил процесс разложения феодальных социально-экономических отношений, внутри которых вызревали черты нового капиталистического строя. Таким образом, нельзя не признать правильность и закономерность поставленного М. Н. Покровским вопроса о смене одной общественно-экономической формации другой путем складывания новых отношений внутри старой формации.

Поставив этот законный вопрос, М. Н. Покровский сделал из него неожиданный вывод: «Довольно указать, какое громадное влияние имел молодой русский капитализм на внешнюю политику Николая I» [4]. И далее М. Н. Покровский останавливается на том, что результатом турецкой и персидской войн конца 20-х годов XIX в. был расцвет русской торговли в Персии, не обращая внимания на то, что этот расцвет был очень кратковременным, так как русские изделия не выдержали конкуренции с английскими [5]. Но это вопрос частный.

Главное же заключается в двух сторонах рассуждений М. Н. Покровского. Первое рассуждение заключается в том, что он называет капитализмом тот социально-экономический строй, который существовал при Николае I, приписывая капиталистическим отношениям этого времени «громадное влияние» на внешнюю политику. Нельзя не возразить против того, что будто бы при Николае I капиталистические отношения внутри страны были настолько развиты, что составляли основное содержание ее социально-экономической жизни. Не следует забывать того, что, не говоря о сельском хозяйстве, основанном в целом на феодальных отношениях, и в промышленности, при ее неравномерном развитии, только отдельные отрасли (как например, текстильная или — еще уже — хлопчатобумажная) шли по пути капиталистического развития, а другие (как например, горная промышленность Урала) базировались на феодальной основе. Развивавшаяся по пути к капитализму текстильная промышленность не была тем основным явлением, которое в эпоху Нико-

---

[3] М. Н. Покровский. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. Сб. статей. М., 1923, стр. 379, 380.

[4] Там же, стр. 380.

[5] На это в свое время обратил внимание А. Л. Попов («Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского». Сб. статей, ч. II. М.— Л., 1940, стр. 342—343).

лая I определяло жизнь страны. Поэтому и неверно положение, что буржуазия времен Николая I могла определять внешнюю политику правительства. Между тем свое мнение о том, что интересы буржуазии определяли внешнюю политику царского правительства, М. Н. Покровский еще ранее применил к истории завоевания Средней Азии.

В статье «Внешняя политика России в конце XIX века», опубликованной в издании Гранат, и затем перепечатанной в сборнике «Дипломатия и войны царской России в XIX столетии», М. Н. Покровский завоевание Средней Азии ставит в непосредственную связь с интересами русской буржуазии и с потребностями промышленности. Это показывает прежде всего само название второй части указанной статьи, в которой на первом месте стоит освещение вопроса завоевания Средней Азии. Эта часть называется «В поисках внешнего рынка»[6]. Завоевание Средней Азии связывается М. Н. Покровским непосредственно с приобретением внешнего рынка для промышленности. Это видно и из текста статьи. Говоря о походах Кауфмана в 1868—1873 гг., М. Н. Покровский пишет: «Нельзя было шире открыть ворота русскому капитализму в Среднюю Азию...»[7]. И в другом месте: «Русские за тем сюда и пришли, чтобы эксплуатировать край, и не даром всероссийское купечество было так близко заинтересовано в завоевании, и рядом с именами Черняева и Кауфмана мы встречаем имена Хлудова и Первушина». И далее: «Как только пушечные выстрелы затихли, край был „замирен", русский капитализм вышел из углов, куда его загнала канонада, и поразительно быстро, едва ли не быстрее русских штыков, сделал страну своей»[8].

Затем М. Н. Покровский останавливает свое внимание на результатах завоевания Средней Азии, сказавшихся в 90-х годах XIX в., и констатирует тот факт, что «русский колониальный капитализм нашел здесь еще более примитивные формы экономического быта, чем он сам, и постольку явился в Туркестане прогрессивной силой»[9]. Эта оценка положения для конца века кажется правильной, но представление о том, что в эпоху Николая I и в 60-х годах XIX в. политику царского самодержавия в Средней Азии можно рассматривать как отражение интересов русской буржуазии, мы считаем не соответствующим действительности хотя бы потому, что в середине XIX в. в социально-экономических отношениях в России капиталистические тенденции еще не были господствующими.

---

[6] «История России в XIX веке», т. IX, ч. IV, вып. 3. Изд. бр. Гранат, стр. 181.

[7] Там же, стр. 189.

[8] Там же, стр. 200.

[9] Там же, стр. 204.

Совершенно правильно М. Н. Покровский отметил, что одновременно с царскими войсками на территории Средней Азии появляются представители крупных промышленных и торговых русских фирм. Их появление там показывает, что русская буржуазия — в основном владельцы хлопчатобумажных предприятий — была заинтересована в овладении рынками Средней Азии и поэтому приветствовала завоевательные шаги царского правительства. Но значит ли это, что эти шаги были направлены для удовлетворения запросов русской буржуазии?

Здесь возникает второе возражение М. Н. Покровскому в вопросе о среднеазиатской политике царского правительства. Возражение это заключается в том, что интересы буржуазии и правительства совпадали только внешне (и та и другая сторона стремились к завоеванию Средней Азии), но мотивы этих интересов были различны. Это положение ниже доказывается в нашей работе конкретным материалом.

Точка зрения М. Н. Покровского на внешнюю политику России была подвергнута критике советским ученым А. Л. Поповым [10]. С этой критикой не во всем можно согласиться. Прежде всего, представляется неправильным упрек М. Н. Покровскому в том, что он категорически не признавал марксистского учения об общественно-экономических формациях. Приведенное выше мнение М. Н. Покровского о невозможности буржуазных реформ на базе чистого феодализма является достаточным свидетельством против указанного упрека. Неправильно также упрекать М. Н. Покровского, как это делает А. Л. Попов, в том, что он не рассматривает Среднюю Азию как объект англо-русской борьбы или что он всегда обращал внимание только на русскую агрессию [11]. Прежде всего, внимание к колониальной политике царского правительства и ее осуждение относятся к числу заслуг М. Н. Покровского. Но он не проходит и мимо агрессии англо-индийского правительства. В статье «Внешняя политика России в конце XIX века» М. Н. Покровский говорит, что завоевание Индии не входило в планы царского правительства, но английское правительство придавало значение этим «фантастическим» проектам, и далее: «Но так как англо-индийским военным кругам угроза русского нашествия была выгодна — она оправдывала английский милитаризм и создавала видимость какой-то крупной национальной задачи для британской армии в Индии, играющей, в сущности, чисто полицейскую роль...» [12]. Этими словами, можно думать, агрессия англо-индийского правительства достаточно представлена. Можно возражать А. Л. Попову и по

---

[10] «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского», ч. II, стр. 388.
[11] Там же, стр. 311, 359—360, 390.
[12] «История России в XIX веке. Изд. Гранат, т. IX, ч. IV, вып. 3, стр. 196.

ряду других вопросов, а также по поводу резкости его возражений, но это не входит в задачу настоящего исследования.

Поэтому обратимся непосредственно к теме о мотивах, двигавших царским правительством в завоевании Средней Азии.

Как было сказано выше, М. Н. Покровский выводил завоевание Средней Азии непосредственно из интересов русской буржуазии. Это положение подверглось критике в названной статье А. Л. Попова, который указывал, не отрицая значения внутренней коньюнктуры, что хотя внешняя политика в целом связана с внутренней политикой и определяется внутренним положением в стране, но отдельные участки внешней политики связаны между собой и входят составной частью в общую систему внешней политики. Поэтому нельзя отдельные внешнеполитические события связывать непосредственно с экономикой и необходимо их рассматривать в системе внешней политики вообще [13], не забывая при этом того, что внешняя политика в целом определялась экономическими причинами.

Приводимый ниже конкретный материал на примере Средней Азии подтверждает эту точку зрения.

В современной нам советской исторической литературе последних лет неоднократно высказывалось мнение о том, что царская политика в Средней Азии вообще и завоевание Средней Азии в частности были продиктованы внутренним экономическим развитием России, развитием капитализма, требованием промышленностью рынков сбыта и сырья.

Н. А. Халфин, автор исследования «Политика России в Средней Азии», объяснял завоевательные шаги царского правительства «серьезными экономическими сдвигами, которые придавали особое значение борьбе за рынки сбыта и источники сырья» [14]. Н. А. Халфин неоднократно останавливается на мотивах мероприятий царского правительства и на точках зрения высших чиновников империи. Так, он ссылается на отношение Горчакова Катенину в конце 50-х годов, в котором сказано, что развитие торговых связей — «главный предмет наших сношений с среднеазиатскими ханствами». Ниже Н. А. Халфин указывает на Милютина как на человека который понимал нужды капиталистического развития России; он пишет, что «Военное министерство проводило политику, значительно более соответствовавшую интересам и требованиям торгово-промышленных кругов

---

[13] «Против антимарксистской концепции М. Н. Покровского», ч. II, стр. 314, 319, 326—350, 372. Признавая, что внутриполитические мотивы среди других мотивов внешней политики XIX в. достаточно отчетливы, А. Л. Попов говорит, что если искать экономические мотивы в ближневосточной политике царского правительства, то основа их скорее сельскохозяйственная (там же, стр. 347).

[14] Н. А. Халфин. Политика России в Средней Азии (1857—1868). М., 1960, стр. 150.

Российской империи», он указывает на общность точек зрения Милютина и директора Азиатского департамента Игнатьева, общность, которая объясняется связью обоих с буржуазными кругами России [15].

Говоря о «Закаспийском товариществе», Н. А. Халфин отмечает, что «поддержка правительственными органами частных предпринимателей свидетельствует о политических и экономических интересах царского самодержавия к Средней Азии». Останавливаясь на проекте экспедиции Н. В. Ханыкова, относящемся к 1857 г., Н. А. Халфин пишет: «четкие обоснования экономических целей экспедиции» свидетельствовали «о понимании автором насущных потребностей развивавшегося в Российской империи капитализма и о стремлении русской буржуазии найти новые рынки для сбыта своих товаров» [16]. Указывая на то, что наступление в Среднюю Азию было вызвано не только экономическими, но и внешнеполитическими причинами, Н. А. Халфин, однако, считает, что английская политика в Средней Азии была дополнительным толчком наступления царских войск [17].

А. Я. Соколов, автор статьи «Английская колониальная политика в Афганистане в 50—60-х годах XIX в.», считает, что происки англичан ускорили завоевание царизмом Средней Азии, но основной причиной наступления на Среднюю Азию были социально-экономические противоречия внутри России, так как Россия вступила на путь капиталистического развития [18].

З. Р. Нуриддинов в работе «Английская агрессия в Средней Азии в 1884—1885 гг.» также пишет о заинтересованности самодержавия в росте русской торговли в Средней Азии. «Кроме того,— говорит далее автор,— Россия была заинтересована в серьезной компенсации своего поражения в Крымской войне (1853—1856) и в поднятии своего внешнеполитического значения и старалась добиться уступок со стороны Англии на Ближнем Востоке» [19].

Можно привести много других высказываний советских историков, которые считают, что экономика России была главным стимулом, который двигал царскую политику в Средней Азии, но в этом нет нужды.

Более пристальное изучение источников, относящихся к царской политике в Средней Азии и деятельности там русской бур-

---

[15] Н. А. Халфин. Политика России в Средней Азии (1857—1868). М., 1960, стр. 126, 144, 145.

[16] Там же, стр. 73, 80.

[17] Там же, стр. 157, 163.

[18] «Труды Среднеазиатского гос. ун-та им. В. И. Ленина». История стран Востока». Новая серия, вып. XCIV. Исторические науки, кн. 14. Ташкент, 1957, стр. 15.

[19] «Уч. зап. Ташкентского пед. ин-та», вып. VI (исторический). Ташкент, 1957, стр. 300.

жуазии, заставляет усомниться в правильности этого тезиса. Конечно, нельзя сомневаться в том, что русская буржуазия была заинтересована в завоевании новых рынков сбыта и источников сырья, что царская внешняя политика в конечном счете определялась социально-экономическими отношениями в стране, что правительство придавало важное значение росту русской торговли в Средней Азии, но вопрос заключается в том, было ли это развитие торговли в Средней Азии самоцелью или оно являлось средством решения другой, более важной, с точки зрения правительства, задачи.

В нашей исторической литературе, встречаются и высказывания, которые противоречат вышеуказанному тезису о первостепенном значении развития русской торговли как мотива царской политики в Средней Азии.

Упоминавшийся уже нами Н. А. Халфин в другой своей работе, говоря о посольстве Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару в 1858 г., указывает, что Игнатьев был сторонником наступательной политики на Востоке в целях угрозы Англии. Автор останавливает свое внимание на том, что в инструкции, данной Игнатьеву, главной целью ставится добиться разрешения судоходства по Аму-Дарье. В случае успеха в этом вопросе Игнатьеву предлагалось не настаивать на уменьшении пошлин с русских купцов. Вывод Н. А. Халфина из инструкции, данной Игнатьеву, тот, что в данный момент военно-политические интересы были более важными, чем торговые [20].

Е. П. Сычевский в своей статье «Динамика русско-китайской торговли в конце 50—60-х годов XIX в.» пишет, что царское правительство вынуждено считаться все более и более с растущими требованиями буржуазии, но главная его цель — укрепление военно-политической мощи империи, а торговля — средство для этого; и далее, что царское правительство, смотревшее на торговлю с Китаем прежде всего с точки зрения своих политических интересов, не хотело во имя частных интересов отдельных групп купечества и фабрикантов ставить под угрозу успехи своей завоевательной политики в Средней Азии» [21].

В работе Аполлова об англо-русском торговом соперничестве высказана мысль о том, что «буржуазия и царизм в первую очередь беспокоились об укреплении там своего политического влияния», что должно было, по их расчетам, создать для России монопольное положение на восточных рынках [22].

Таким образом, можно признать, что в советской исторической литературе существовало и существует мнение, что перво-

[20] Н. А. Халфин. Три русские миссии. Ташкент, 1956, стр. 44.

[21] «Уч. зап. Благовещенского гос. пед. ин-та им. М. И. Калинина», т. VIII. Благовещенск, 1957, стр. 56, 75.

[22] А. Г. Аполлов. Русско-английские торговые отношения в конце 50-х годов XIX в., стр. 345. Канд. дисс. Хранится в Государственной публичной библиотеке им. В. И. Ленина.

очередной задачей царского правительства при завоевании Средней Азии было стремление к обладанию новым внешним рынком. Но в то же время в работах отдельных советских исследователей время от времени проскальзывала мысль о том, что задачи внешнеполитические были первоочередными.

Мнение о том, что царская политика в Средней Азии и в частности завоевание среднеазиатских ханств определялись экономическими причинами, основано на том интересе, который правительство проявляло к развитию торговли в Средней Азии.

Об этом интересе свидетельствуют как конкретные мероприятия, так и обмен мнениями между представителями разных ведомств и представителями местной и центральной власти.

В 40-х годах правительством были проведены такие мероприятия, как учреждение пароходства на Каспийском море, посылка в Западный Китай торгового каравана во главе с директором Азиатского департамента Любимовым под видом приказчика, последствием чего было заключение в 1850 г. Кульджинского трактата. К мероприятиям 40-х годов относится и учреждение «Астрабадского торгового дома» [23].

В середине 50-х годов окончился срок привилегий «Астрабадского торгового дома». В связи с этим возникли новые проекты создания товариществ для торговли на юго-восточном побережье Каспийского моря. Среди этих проектов предпочтение было отдано «Закаспийскому торговому товариществу», сделавшемуся впоследствии частным предприятием В. А. Кокорева, которому был предоставлен ряд привилегий, свидетельствующих об интересе царского правительства к развитию русской торговли на юго-восточном побережье Каспийского моря [24].

В 40-х же годах XIX в. фабриканты Центрального промышленного района Баранов и Зубов в компании с ростовским купцом Федором Пичугиным основали торговое товарищество, которое к началу 50-х годов прекратило свои операции в среднеазиатских ханствах [25].

Значение, которое правительство придавало торговой деятельности русских купцов в Средней Азии, выясняется в момент, когда указанное товарищество начало ликвидацию своих торговых операций в Кокандском ханстве.

Председатель Оренбургской пограничной комиссии генерал-майор Лодыженский писал компании купцов Зубова и Баранова в самом начале 50-х годов: «Разнесшийся в Оренбурге слух, что

---

[23] О мероприятиях 40-х годов см. М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия». М.—Л., 1949, стр. 326—344.

[24] О деятельности «Закаспийского торгового товарищества» см. гл. VI настоящей работы.

[25] М. К. Рожкова. Указ. соч., стр. 359—368.

будто бы ваша компания прекращает свои торговые обороты с Ташкентом, ограничивая их одною Хивою, побуждает меня обратиться к вам с покорною просьбою объяснить, буде возможно, причины прекращения этой торговли, тем более, что правительство, с давних времен поощряющее и неусыпно следящее за развитием среднезиатской торговли, может быть, нашло бы средства устранить те неудобства, которые препятствуют выгодным торговым оборотам с Коканом. Господин генерал-губернатор оренбургский и самарский генерал-адъютант Василий Алексеевич Перовский, облеченный высокою властию и пекущийся о всех отраслях управления вверенного ему монаршим доверием важного пограничного края, обратил свое заботливое внимание и на торговлю с среднеазиатскими владениями. Постигая всю важность этой торговли, его высокопревосходительству желательно, чтобы ваша компания производила по-прежнему свою торговлю с Коканом для пользы русской промышленности и для славы нашего доблестного купечества, положившего этою компаниею прочное основание нашей торговли с Среднею Азиею. Торговля России с среднеазиатскими владениями, при многих других ныне уже некоторым образом устраненных препятствиях, не достигла высокой степени важности еще от недостатка предприимчивости русского купечества, но теперь и это неудобство вашею компаниею устранено.

Компания, действуя большими капиталами и не сосредоточивая своих оборотов в одном владении, а распространяя их на все владения Средней Азии, не может подвергаться тому риску, которому подвергаются незначительные капиталы при обращении их в одном каком-нибудь владении. Торговля с Коканом, изобилующим хлопчаткою-сырцом и мареною превосходного качества, сходно приобретаемыми в обмен на наши мануфактурные изделия невысокого качества, при большем с года на год развитии этой промышленности внутри России и других благоприятствующих условиях, по нашему мнению, не должна быть убыточна. Как бы то ни было, уведомляя вас, милостивые государь и государыня, о желании его высокопревосходительства как выражении высшей воли, я покорнейше прошу в особое одолжение известить меня, сколь возможно в непродолжительном времени, будет ли отправлен караван компании в нынешнюю осень в Ташкент, и если нет, то о причинах прекращения ею коканской торговли?» [26]

Дословно приведенное здесь письмо председателя Оренбургской пограничной комиссии выражает не только настроение оренбургского генерал-губернатора Перовского, но и волю царского правительства России, как это прямо сказано в письме. Это

---

[26] Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 10, д. 6590б, лл. 4—5.

письмо свидетельствует о том, что царское правительство обращало серьезное внимание на развитие русской торговли со Средней Азией.

Заботы правительства о русской торговле в Средней Азии выразились и в законодательных актах 50-х годов о льготах купцам третьей гильдии и торгующим крестьянам, ведшим торговые операции по среднеазиатской границе[27]. И в дальнейшем издавались законодательные акты, оказывавшие покровительство русской торговле в Средней Азии.

Оренбургский и самарский генерал-губернатор Катенин в письме министру финансов от 27 апреля 1860 г. возбудил вопрос о разрешении транзита в Среднюю Азию через Оренбургский край иностранных товаров, которые тарифом разрешалось привозить на Оренбургскую линию. Вопрос возник в связи с просьбой еврейских купцов первой и второй гильдий в 1859 г. разрешить им транзитный торг со Средней Азией через Оренбургский край, а также в связи с просьбой петербургского купца первой гильдии Цургозена провести из Петербурга транзитом через Оренбургскую линию в Персию английскую пряденую бумагу и текстильные изделия.

В связи с этими просьбами отдельных купцов у Катенина возник общий вопрос о транзите в Среднюю Азию иностранных товаров. В описываемое время транзит иностранных изделий был разрешен по европейской границе через Царство Польское, а по азиатской границе — через Закавказье. Транзита в Среднюю Азию не существовало. Указывая на неудачное, по его мнению, соперничество на среднеазиатских рынках русских изделий с английскими и на низкое качество русских изделий, являющееся причиной отсутствия успеха русской торговли в Средней Азии, Катенин высказывал убеждение, что ограничение торговых операций оренбургского купечества сбытом только русских изделий неблагоприятно отражается на этом купечестве, а разрешение отдельным лицам транзита иностранных товаров еще больше ухудшило бы положение местного купечества, торговля которого со Средней Азией подрывалась бы в таком случае с двух сторон: со стороны русской границы и со стороны английских владений в Индии. Поэтому Катенин считал целесообразным разрешить всем транзитную торговлю через Оренбургский край со Средней Азией теми иностранными товарами, которые разрешены по тарифу к привозу на Оренбургскую линию. «Что же касается до опасения, что фабричные наши произведения от разрешения торговли транзитной иностранными понесут некоторый ущерб, то нельзя не обратить внимания, что и ныне отпускная наша торговля в Среднюю Азию отечественными фабричными изде-

---

[27] См. гл. V настоящей работы.

лиями весьма незначительна, а при соперничестве с английскою не выдержит конкуренции.

При настоящем положении нашей торговли надлежит, по мнению моему, ограничиться покуда желанием, чтобы наши купцы были посредниками между иностранными производителями и среднеазиатскими соседними нашими потребителями, а не поддерживать стеснительными мерами наши фабричные произведения, тем более, что и при этой поддержке они могут быть вытеснены с среднеазиатских рынков во вред всем нашим политическим видам, не оставив даже в руках нашего купечества никаких прибылей». На основании приведенной аргументации Катенин и предлагал разрешить транзит иностранных товаров через оренбургскую таможенную линию [28]. Московское отделение Мануфактурного и Коммерческого советов возражало против этого предложения, считая, что, если подобное разрешение и могло бы быть временно полезным немногим торговым домам Оренбургского края, «оно отразится невыгодно для прочего торгового сословия как сего края, так и других местностей, где изготовляются товары для среднеазиатских рынков». Департамент мануфактур и внутренней торговли согласился с мнением отделения, основываясь на том, что «без особой крайности, поселять опасения и возбуждать жалобы между отечественными фабрикантами» не следует, принимая во внимание, что русское купечество обеспокоено соперничеством иностранных товаров [29].

Вопрос о разрешении транзита европейских товаров в Среднюю Азию встал снова в 1864 г., но опять это разрешение было признано «весьма неудобным» [30].

В 1865 г. возникло дело об устранении купцов персидских, турецких и подданных европейских держав от всякого участия в ведении торговых дел с Средней Азией. В августе 1865 г. оренбургский генерал-губернатор Крыжановский писал министру, что он считает нужным допускать торговать с Россией только русских подданных, бухарских, хивинских, кокандских и ташкентских купцов и запретить эту торговлю туркам, персам и европейцам. Осуществление этого запрещения оренбургский генерал-губернатор считал очень важным и мотивировал его удобством управления краем, граничащим с местностями, где происходили военные действия, вследствие чего «приходилось» прибегать к репрессиям по отношению к жителям Средней Азии. Успех этих репрессивных мер, по словам генерал-губернатора, «только тогда и может быть ожидаем, когда правительственные распоряжения не будут парализованы наплывом в этот край

[28] Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 10, д. 7532, лл. 7—14.

[29] ЦГИАЛ, ф. 560 (Общая канцелярия министра финансов), оп. 38, д. 739 (отчет Департамента мануфактур и внутренней торговли за 1861 г.), лл. 84—85 об.

[30] Там же, д. 812, л. 120.

иностранцев с целью вести коммерческие дела с Среднею Азиею через пределы России» [31].

Хотя стремление запретить привоз европейских и вообще иностранных товаров мотивировалось военными соображениями, тем не менее практически оно имело серьезное покровительственное значение для русской торговли в Средней Азии.

В 1867 г. директор Азиатского департамента в ноте от 20 июля сообщил турецкому поверенному в делах в ответ на его запрос, что по русским законам транзит товаров через Россию (в частности в Бухару) не существует, единственное исключение составляет закавказский транзит, а вообще русское правительство против участия иностранцев в торговле с Бухарой [32].

Вопрос о соединении Сибирской и Оренбургской линий, решенный в военном отношении в 1864 г., возник значительно раньше. Он имел не только стратегическое, но и торговое значение. Дело в том, что таможенные посты находились на пограничных линиях и после их соединения оставались на прежних местах, сохраняя старый порядок взимания таможенных сборов. Это приводило к тому, что в казахскую степь свободно проникали не только среднеазиатские, но и западноевропейские товары.

31 мая 1865 г., в целях устранения английского соперничества, царем было утверждено мнение Государственного совета об отмене однопроцентной пошлины и карантинного сбора с русских товаров, вывозившихся по всей азиатской границе, а также об отмене таких же пошлин с привозившихся из казахской степи по Оренбургской линии сала, мяса, невыделанных кож, бараньих шкур, овчин и овчинных мерлушек [33]. Этот закон вносил некоторое облегчение в сбыт русских изделий по среднеазиатской границе и в получение сырых продуктов Казахстана, но он не ограждал от проникновения иностранных товаров в Казахскую степь.

Еще в 1858 г. оренбургский и самарский генерал-губернатор Катенин в своем «всеподданнейшем» отчете за период с 16 июня 1857 г. по 1 декабря 1858 г. писал о желательности перенесения таможенной линии с реки Урал на Сыр-Дарью и Эмбу, или на Усть-Урт, мотивируя это тем, что при существовавшей таможенной линии среднеазиатские товары проникали в Казахскую степь, что было невыгодно русским купцам, так как с русских товаров взыскивалась пошлина при перевозе их через Сибирскую и Оренбургскую пограничные линии, а среднеазиатские товары свободно провозились и продавались в степи и пошлина

---

[31] Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 6, д. 14045/8, 1865 г., лл. 1, 4.

[32] Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 10, д. 8184, 1867 г., л. 2.

[33] ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 38, д. 818, л. 68. Беспошлинный привоз казахских сырых произведений по Сибирской линии был разрешен еще в 1831 г.

с них взималась только при переходе караванов через Сибирскую и Оренбургскую пограничные линии [34].

Хотя в 1865 г. пошлина с товаров, вывозившихся из России в Среднюю Азию, была уничтожена, но среднеазиатские изделия продолжали свободно сбываться в Казахской степи, и, что еще больше беспокоило русских купцов, туда проникали и английские изделия [35].

Поэтому после соединения Оренбургской и Сибирской пограничных линий и после образования Туркестанской области, а затем Туркестанского генерал-губернаторства, вопрос о перенесении таможенной линии на Сыр-Дарью постоянно возбуждался и закончился изданием закона 1868 г., упразднившего Оренбургско-Сибирскую таможенную линию и предоставившего полную свободу русско-азиатской торговле. Закон был сформулирован таким образом: «1) Оренбургскую и Западно-Сибирскую таможенные линии с расположенными на оных таможнями: Оренбургскою, Троицкою, Петропавловскою и Семипалатинскою, таможенными заставами: Орскою, Звериноголовскою и Павлодарскою, а также переходными пунктами, упразднить; 2) отменить пошлины с азиатских товаров и сделать соответственное изменение в тарифе по азиатской торговле» [36]. Одновременно с упразднением Оренбургско-Сибирской таможенной линии был воспрещен привоз английских (и вообще западноевропейских) товаров из среднеазиатских ханств в присоединенные к России земли, образовавшие Туркестанское генерал-губернаторство [37].

Директор Азиатского департамента Стремоухов писал Кауфману 20 ноября 1869 г., что он имел беседы с английским агентом Форсайтом и с английским послом по поводу запрещения привоза в Туркестанский край и далее в Россию западноевропейских товаров, что эта мера была необходима из-за боязни «внезапного наплыва этих товаров, особенно ввиду уничтожения Оренбургской таможенной линии и отсутствия таковой в Туркестанском крае», но что запрещение должно носить временный характер по причине неблагоприятного впечатления в Европе и опасения контрабанды [38]. Однако, несмотря на эти опасения, запрещение оставалось в силе, исключение было сделано только для английской кисеи высшего сорта.

Таким образом, законодательная деятельность правительства по вопросу о покровительстве русской торговле в Средней Азии

---

[34] Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 6, д. 13541/10, св. 650а, 1858 г., лл. 229—232.

[35] О продаже английских изделий в Казахстане см. гл. IV настоящей работы.

[36] ПСЗ 2-е, т. XLIII, 1868, № 45751.

[37] Л. Костенко. Среднеазиатская торговля.— «Туркестанские ведомости», 1871, № 5.

[38] ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 16, д. 665, л. 96—96 об.

в 50-х, и в особенности в 60-х годах, несмотря на дипломатические трения, свидетельствует о том важном значении, которое правительство придавало ее развитию.

После взятия Ташкента возник вопрос об учреждении в городе ярмарок. Генерал Черняев представил рапорт оренбургскому генерал-губернатору Крыжановскому с предложением учредить в Ташкенте ярмарку с 15 апреля по 15 мая, в этом рапорте Черняев сообщал, что обсуждал этот вопрос с «здешними капиталистами», которые высказали мнение о том, что ярмарка в Ташкенте нужна. Однако управляющий населением Ташкентского района войсковой старшина Серов сообщил в канцелярию военного губернатора Туркестанской области 8 ноября 1866 г. о разногласиях между различными слоями ташкентского купечества по поводу открытия ярмарки. «Ташкентские торговцы,— писал он,— бывающие в России, противу ярмарки, а лица с ограниченными средствами и не бывающие в Троицке, Петропавловске и прочих местах, а также живущие и торгующие здесь татары охотно желают открытия в Ташкенте ярмарки...» Они рассчитывают на привлечение на ярмарку торговцев не только из Кашгара, но со временем и из Кабула и из других мест [39].

В ноябре 1866 г. торговое общество Чимкента подало прошение об учреждении там ярмарки с 15 апреля по 15 мая. Военный губернатор Туркестанской области генерал-майор Романовский считал Чиназ более удобным пунктом для ярмарки, указывая на его расположение на Сыр-Дарье, на многочисленность русского населения там, на перспективу превращения Чиназа в значительный русский город. В заключение Романовский предлагал устроить три ярмарки: в Чимкенте, Чиназе и Ташкенте [40].

Переписка о ярмарках продолжалась и далее. В феврале 1867 г. оренбургский генерал-губернатор обратился за разрешением устроить ярмарку к министру внутренних дел. Однако в ближайшее время ярмарка в Ташкенте не была учреждена, зато еще до взятия Ташкента, в 1863 г., была учреждена ярмарка в форте Перовском [41]. В 1868 и в 1869 гг. по просьбе жителей ряда волостей Кураминского уезда в некоторых селениях были открыты базары по определенным дням недели [42].

В 1868 г. 185 русских и азиатских купцов подали прошение военному губернатору Сыр-Дарьинской области об устройстве в Ташкенте двух ярмарок: осенней и весенней. Вслед за тем генерал-губернатор Туркестана Кауфман распорядился об учреждении для рассмотрения дела комиссии под председательством полковника Глуховского. 7 октября 1870 г. Кауфманом были

---

[39] ЦГИА УзбССР, ф. 336, оп. 1, д. 12, лл. 1, 3 об.— 4.
[40] Там же, лл. 6—7, 8 об.— 9.
[41] ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 16, д. 193, лл. 7—8; д. 190, лл. 3—10 об.
[42] Там же, д. 213, лл. 1—2, 4 об.

утверждены временные правила ярмарочной торговли. Товары, привозившиеся на ярмарку, были освобождены от зякета. Этой же осенью в Ташкенте был созван коммерческий съезд, на котором были установлены следующие сроки ярмарок: весенней — с 1 апреля по 1 мая, осенней — с 15 октября по 15 ноября [43]. Осенью же 1870 г. Кауфман утвердил временные правила для ташкентской биржи [44]. К числу мероприятий, направленных на улучшение экономики присоединенного края и усиление его связей с метрополией принадлежит также учреждение выставки в Ташкенте и организация Туркестанского отдела на всероссийской выставке в Петербурге в 1870 г. Весной 1870 г. царь утвердил мнение Государственного совета об устройстве телеграфной линии от Барнаула до Ташкента через Верный [45].

Все эти мероприятия: учреждение в Ташкенте ярмарок, биржи, выставки, устройство телеграфа, созыв коммерческого съезда — свидетельствуют о том интересе, который царское правительство проявляло к экономической жизни вновь приобретенной колонии. И русские купцы были довольны этими мероприятиями. 1 октября 1872 г., в день открытия ярмарки в Ташкенте, Кауфману была послана из Омска телеграмма следующего содержания: «На обеде в день открытия ташкентской ярмарки при провозглашении тоста за преуспеяние торговли в Средней Азии и за здоровье вашего превосходительства сего дня купечество, признательное за оказываемое вами торговле покровительство, просили довести до сведения вашего об этой признательности телеграммой, что и спешу исполнить с пожеланием вашему превосходительству доброго здоровья от себя и собравшихся на обеде» [46].

Но, если русское купечество было довольно открытием ярмарки в Ташкенте, иначе отнеслось к нему местное купечество. Ярмарка была расположена на площади в Новом Ташкенте. Одновременно Кауфман распорядился об учреждении в Новом Ташкенте базаров по средам, четвергам и воскресеньям с запрещением базарной торговли в Старом Ташкенте. Но скоро было замечено, что торговля на ярмарочной площади сокращается, а в Старом Ташкенте продолжается базарная торговля и туда тайно проходят караваны с лесными материалами, углем, хлебом. Председатель ярмарочного комитета полковник Глуховской сообщал еще в мае 1871 г., что местное население сговорилось не открывать лавки на ярмарочной площади в базарные дни [47].

---

[43] Там же, д. 111, лл. 2, 6 об., 366, 405.
[44] Там же, л. 128; ф. 469, д. 12, л. 61 об.
[45] «Туркестанские ведомости», 1870, № 8.
[46] ЦГИА УзбССР, ф. 1, оп. 16, д. 340, л. 153.
[47] Там же, д. 111, лл. 441—444 об., 449—449 об.

Противоречия возникали и между отдельными группами купечества, главным образом между купцами, и в особенности фабрикантами центральной России, и местным, оренбургским купечеством. Это было видно из того, что оренбургский и самарский генерал-губернатор Катенин в начале 60-х годов отстаивал транзит западноевропейских товаров в Среднюю Азию через Россию, мотивируя полезность этой меры неблагоприятным положением местного оренбургского купечества и тем, что покровительство сбыту русских фабричных изделий не оправдывается «незначительностью» торговли ими в Средней Азии. Московское отделение Мануфактурного и Коммерческого советов, представлявшее интересы фабрикантов, как было отмечено выше, держалось противоположного мнения.

Сибирский купец, коммерции советник Кузнецов в конце 60-х годов составил записку под названием «Думы на Иртышском побережье по поводу ожидаемого преобразования управлений в Киргизской степи». Записка в основном содержит критику «военно-народного» управления и разделения края на три генерал-губернаторства, но в ней уделено внимание и торговле в Средней Азии. «Говорят, пишут и печатают,— сказано в записке Кузнецова,— что для России в занятии среднеазиатских владений может быть интерес единственно только промышленный. Соглашаясь с этим, мы теперь однако же видим уже, что в начальных ожиданиях наших громадной важности среднеазиатских рынков для сбыта наших мануфактурных товаров мы ошиблись, и ныне ожидания наши отыскать великие рынки мы переносим уже на Китайский Туркестан, где будто бы для нас нет соперничества», но Китайский Туркестан беден и вопрос заключается в том, что оттуда вывозить. «Если, придерживаясь московских воззрений, мы будем считать за развитие русской торговли с Туркестаном и проч. только сбыт наших мануфактурных произведений, приготовленных на фабриках внутри России, то подвинуться далеко мы не можем. Английское купечество, соперничествующее с нашим на азиатских рынках, вовсе не считает для себя опасным то, когда русские товары повезутся из Москвы, а они опасаются, чтобы мы не догадались устроить фабрик на месте...» [48].

Кузнецов, как видно, выдвигает идею развития промышленности в Туркестанском крае в противоположность идее превращения его в рынок сбыта изделий Центрального промышленного района. И в этом с ним солидарен корреспондент «Туркестанских ведомостей», который говорил о необходимости развития промышленности на месте — в завоеванном крае: «...администрации невыгодно... совершенно отстранить себя от дела и ждать: когда-то явится сюда в край частная предприимчивость и частные свободные капиталы. Можно вперед предсказать, что ждать

[48] АВПР, Главный архив, I-9, 1869 г., д. 19, лл. 6—7 об.

придется долго и даже очень долго...» И далее: «...У каждого солидного капиталиста, живущего в России, есть свое дело на плечах..., а Туркестанский край с его естественными богатствами более всего может показаться русским капиталистам „журавлем в небе". Поэтому в Туркестане необходимо создать свои частные капиталы, не являющиеся „прихотью богатого коммерсанта, который производит опыт"» [49]. Похожую точку зрения отстаивал и оренбургский генерал-губернатор Катенин. Таким образом, можно отметить, что местные власти, местная пресса и местное купечество стремились создать в Туркестане свою промышленность и самостоятельную торговлю, не зависимую от промышленности центра России.

Завоевательные шаги царских войск в Средней Азии сопровождались возникновением в правящих кругах проектов учреждения торговых товариществ.

В предыдущей главе помещен материал об организации «Московско-Ташкенского товарищества», проект учреждения которого возник сразу после занятия Ташкента царскими войсками, а также материал о проекте организации «Московско-Ташкентского товарищества для содействия русской шелковой промышленности». Кроме той быстроты, с которой рассматривался проект об учреждении «Московско-Ташкентского товарищества», быстроты, свидетельствующей о большой важности, которую правительство придавало русской среднеазиатской торговле, обращает на себя внимание и тот факт, что в качестве организатора «Товарищества» был послан в Петербург и Москву будущий военный губернатор Туркестанской области Романовский, вскоре после своей поездки, сменивший Черняева на этом «высоком» посту. Романовский был не только организатором, но и участником предполагавшегося товарищества. В 1867 г. в «Колоколе» в специальном приложении, посвященном среднеазиатским делам, дана такая характеристика Романовскому: «А как Романовский ...был в доле с русскими купцами по части торговой; то скоро у местных жителей и составилось понятие, что к ним прислан не правитель, а откупщик, точно так же, как были присылаемы беки от коканского хана...» [50].

Учреждение «Московско-Ташкентского товарищества» было, таким образом, непосредственно связано с занятием Ташкента. Инициатором создания этого торгового предприятия было правительство, которое стремилось привлечь к участию в нем крупных

---

[49] «Туркестанские ведомости», 1871, № 22.

[50] «Колокол», прибавочный лист к первому десятилетию. 1 августа 1867 г. Женева. «Примечания к будущей истории наших завоеваний в Азии». В сноске редакция «Колокола» называет «Примечания» «чрезвычайно занимательными и бойкими». «Без сомнения, мы не отвечаем,— написано в сноске,— за оценку лиц, это остается на совести писавшего, но все изложенное носит в себе печать истины и наблюдательности».

представителей русского купечества, а во главе «Товарищества» был поставлен военный чиновник высшего ранга.

Об этом же свидетельствуют и высказывания ответственных лиц царской администрации. Заявления такого рода в особенности усилились в 60-х годах в связи с наступлением в Среднюю Азию и, в частности, после взятия Ташкента.

Вновь назначенный оренбургским генерал-губернатором Н. А. Крыжановский в 1865 г. сказал: «Мы успеем также доказать, что завоевания наши на Сыр-Дарье, совершенные там храбрыми оренбургскими войсками, предприняты не из тщеславной мысли расширить пределы империи, но из необходимости обеспечить безопасность и благосостояние русских подданных и достигнуть прочных результатов в торговом отношении»[51].

Для понимания мотивов политики правительства в Средней Азии важно знать мнение по этому вопросу министра иностранных дел и военного министра. Это важно потому, что между обоими министрами, преследовавшими одну и ту же цель завоевания Средней Азии, существовали разногласия тактического характера. Военное министерство, в частности Д. А. Милютин, было сторонником активных действий, Министерство иностранных дел считало нужным действовать более осторожно. Позиция министра иностранных дел определялась опасением столкновений с Англией.

В сентябре 1865 г., вскоре после взятия Ташкента, один из видных сотрудников Генерального штаба Полторацкий в своей записке под названием «О мерах к развитию нашей торговли в Средней Азии», писал: «Главнейшею целию всех наших усилий в Средней Азии должно быть развитие нашей среднеазиатской торговли». Министерство иностранных дел, высказывая по поводу записки Полторацкого сожаление, что «трудно свыкнуться с мыслью, что успех нашей торговли в Ташкенте главнейшим образом должен зависеть от присутствия в городе военной силы и следовало бы стремиться к тому, чтобы Ташкент примкнул к нам общностью своих... интересов с нашими», согласился с Полторацким в том, что «главная цель нашей деятельности в Средней Азии составляет развитие нашей торговли и прочное благоустройство наших пограничных областей»[52].

Через несколько дней министр иностранных дел Горчаков писал Милютину по вопросу о судоходстве по Сыр-Дарье, что в Средней Азии следует руководствоваться интересами торговли, «а не видами неограниченного расширения влияния и ни в каком случае увеличения территориальных владений»; цель постройки сыр-дарьинских постов, по мнению министра иностранных дел,— «содействовать развитию торговли посредством обеспечения судо-

---

[51] «Санкт-Петербургские ведомости», 7 июля 1865 г., № 171.
[52] АВПР, Главный архив, II-3, 1865 г., д. 2, л. 3, 13, 16.

ходства торгового, а не устройства вдоль Сыра военно-стратегических пунктов, которое могло бы привести лишь к фактическому перенесению границы на Сыр-Дарью». Далее Горчаков писал Милютину, что значение сыр-дарьинских постов само собою определяет и время и условия их устройства: когда того потребует торговля, когда при развитии ее проявится надобность в торговом судоходстве. В глазах Министерства иностранных дел течение Сыр-Дарьи вне наших пределов представляет собою торговую артерию, а не базис военных действий» [53]. В этой записке так же, как и в реакции Министерства иностранных дел на записку Полторацкого, отчетливо выражена мысль, что торговые интересы занимают место первостепенной важности в политике правительства в Средней Азии.

Милютин, со своей стороны, соглашался с Министерством иностранных дел в вопросе о значении интересов торговли в среднеазиатской политике и сам неоднократно высказывал те же мысли. Например, в письме оренбургскому генерал-губернатору Крыжановскому от 1 ноября 1866 г. Милютин писал: «...государь император не желает никаких новых завоеваний... при настоящем положении дел для нас важнее успокоение края и восстановление торговли с азиятскими соседями, нежели самые блестящие успехи, особенно, если они потребуют усиления войск и новых издержек...» [54].

Позднее, в конце 60-х годов, военный министр, туркестанский генерал-губернатор Кауфман и министр иностранных дел согласились, что главная цель действий в Средней Азии «заключается в том, чтобы положить конец пагубным для нашего благосостояния завоеваниям и обратить главное внимание на развитие торговых и промышленных предприятий и упрочение личной и имущественной безопасности в новых наших владениях» [55].

Как отношение правительства к торговым компаниям, в организации которых оно принимало активное участие, так и таможенная политика и законодательная деятельность в области покровительства русской торговле и ограждения ее от иностранной конкуренции, так и переписка между членами правительства — все это единогласно свидетельствует о том, что царское правительство придавало серьезное значение развитию русской торговли в Средней Азии и даже как будто ставило ее интересы на первое место.

Не отрицая определяющего влияния экономического фактора на внешнюю политику царского правительства в целом [56], можно

---

[53] АВПР, Главный архив, I-9, 1862 г., д. 15, ч. II, лл. 110—110 об.

[54] Там же, 1865—1867 гг., д. 11, л. 138.

[55] Там же, 1868 г., д. 24, лл. 14 об.— 15.

[56] В международных отношениях России важную роль играли отношения с Англией.

В XVIII — начале XIX в. Англия была главным потребителем таких

полагать, что этот фактор в политике в Средней Азии играл, хотя и важную, но более вспомогательную роль.

Чрезвычайно заинтересованное в росте русской торговли на востоке и в активной деятельности там русского купечества, правительство, во-первых, стремилось использовать русских купцов и их приказчиков, как агентов, доставлявших сведения о внутреннем положении в ханствах Средней Азии и о деятельности там английских агентов; во-вторых, желало, чтобы русские купцы, в особенности торговые товарищества, прикрывали продвижение в Среднюю Азию, служили ширмой завоевательной политики правительства.

Приказчики торгового товарищества Баранова, Зубова и Пичугина С. Я. Ключарев, А. Шилов и др. получали иногда еще в 40-х годах сложного характера поручения от оренбургского начальства (вели, например, переговоры о возвращении пленных), имели аудиенцию у хивинского хана и бухарского эмира и сообщали сведения о социально-экономическом и политическом строе ханств и о событиях, происходивших в Средней Азии, как внутри отдельных ее политических образований, так и в отношениях между ними, и о шагах английских агентов, посылавшихся в ханства англо-индийским правительством [57].

изделий русской промышленности, как полотно и железо. Но с ростом английской металлургической промышленности и с заменой парусного флота паровым экспорт этих изделий русской промышленности уменьшился. Из России в первой половине XIX в. вывозились в Англию в основном сырые продукты и полуфабрикаты, из Англии же привозились в Россию промышленные изделия.

Однако импорт в Россию английских промышленных изделий зависел от таможенной политики царского правительства. Континентальная блокада, нанесшая удар русско-английской торговле, сменилась сначала покровительственным для русской промышленности тарифом 1810 г., а затем более свободными тарифами 1816 и 1819 гг. Но с 1822 г. на долгий период был установлен покровительственный тариф, который привел к сильному сокращению, а в некоторых случаях и к полному запрещению ввоза в Россию английских промышленных изделий. Среди полуфабрикатов, привозившихся в Россию из Англии, видное место занимала хлопчатобумажная пряжа, в большом количестве употреблявшаяся в русском ткацком производстве. Но по мере развития русского бумагопрядения импорт пряжи уменьшался. Пряжа отечественного производства вытесняла с русского рынка английскую пряжу. Таким образом в течение первой половины XIX в. Англия теряла в России рынок для изделий своей промышленности, что было связано с тем, что в России происходил рост промышленности и мероприятия царского правительства стесняли импорт английских изделий.

Изменения в экономических отношениях между двумя странами способствовали тому, что процесс обострения англо-русских противоречий с 20-х годов XIX в. принял особо резкие формы и это привело к враждебному соперничеству держав.

Это соперничество было ярко выраженным в политике обоих правительств в Средней Азии, но здесь экономические мотивы не были непосредственной причиной наступления царизма на Среднюю Азию, которое определялось в основном положением Англии и России в общей системе международных отношений.

[57] М. К. Рожкова. Указ. соч., стр. 360—361.

После ликвидации дел Баранова, Зубова и Пичугина в Средней Азии в начале 50-х годов, о чем, как говорилось выше, местное оренбургское начальство, а также и центральное правительство выражали серьезное сожаление, оренбургский генерал-губернатор Перовский обратил свое внимание на приказчика товарищества Ключарева, которого он желал использовать в качестве агента, который бы под видом торговца доставлял сведения об экономическом и политическом положении в ханствах Средней Азии.

Сам Ключарев в одном из своих писем председателю Оренбургской пограничной комиссии Лодыженскому писал, что он долго не соглашался возобновлять свою службу у Барановых и Зубовых «единственно только для того, что желал со всем своим усердием служить только одному его высокопревосходительству (т. е. Перовскому. — *М. Р.*) и быть зависимому вполне от них только одних» [58].

В бытность свою приказчиком товарищества Баранова, Зубова и Пичугина Ключарев принадлежал к ростовскому мещанству. Находясь по поручению своих хозяев в ханствах Средней Азии с 1840 по 1852 г., Ключарев, обладавший от природы «здравым взглядом и наблюдательностью», по выражению Перовского (высказанному им в отношении к директору Азиатского департамента Сенявину от 25 сентября 1852 г.) [59], приобрел большой опыт не только в торговле, но и в политическом общении с населением и даже правительственными лицами среднеазиатских ханств. Еще в 40-х годах председатель Оренбургской пограничной комиссии В. В. Григорьев писал о Ключареве как «о такой умной, сметливой и бойкой голове, которая широким пониманием дела и предприимчивостью удивила бы самого образованного и ловкого иностранного негоцианта» [60]. Его «смышленность, находчивость и уживчивость» отмечены генерал-майором Лодыженским в его отношении Перовскому от 20 июля 1851 г.[61] Впоследствии — во второй половине 50-х годов — московский шелковый фабрикант Каулин и директор практической школы шелководства, рекомендуя Ключарева оренбургскому и самарскому генерал-губернатору, охарактеризовали его «как понимающего ход и потребности отечественных промышленности и торговли с прямой и твердой точки зрения и горячо сочувствующего успехам оных» [62].

Принимая во внимание указанные характеристики Ключарева, его ум, энергию и большой опыт в отношениях с ханствами

---

[58] Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 10, д. 659 об; лл. 101—102.

[59] Там же, лл. 6—7, 63—78.

[60] Е. Н. Кушева. Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-е годы XIX в.— «Исторический сборник», т. 3. Л., 1934, стр. 159.

[61] Госархив Оренбургской области, ф. 16, оп. 10, д. 6590б, лл. 2—3.

[62] Там же, д. 7179, л. 6 об.

Средней Азии, понятно, что он обратил на себя внимание Перовского, который в 1851 г. отправил его в Коканд для собирания сведений, снабдив соответствующей инструкцией. Перовский высоко оценил сведения, которые сообщил о Коканде Ключарев, несмотря на постигшую его неудачу, вследствие неосторожного поведения посланного им из Ташкента в Коканд приказчика, которому он доверил свои записки [63].

В заключительных строках своего отношения Сенявину Перовский пишет, что при невозможности иметь правительственного агента в Коканде и при недостоверности сведений, сообщаемых приезжающими оттуда казахами, он считает необходимым в следующем году отправить туда Ключарева; а в случае, если Зубов откажется от торговли в Средней Азии, необходимо дать Ключареву небольшое денежное пособие, чтобы он мог торговать на собственный счет [64].

Ключареву был назначен постоянный денежный оклад в 400—500 руб., утвержденный царем. В письме Ключареву в начале 1853 г. Перовский, выражая сожаление по поводу прекращения торговли в Средней Азии компании Зубова, Баранова и Пичугина, с удовлетворением отмечает желание Ключарева посвятить себя деятельности в Средней Азии [65]. Ключарев для него — политический агент, действующий под видом торговца. Неудивительно поэтому, что Перовский всеми средствами покровительствует Ключареву. В 1852 г. Ключарев во второй раз отправляется в Коканд.

В 1853 г. Ключарев перешел из ростовских мещан в ростовские купцы третьей гильдии, в 1861 г.— из ростовских купцов в оренбургские купцы третьей гильдии, а в 1863 г. (очевидно, в связи с законом, которым упразднялась третья гильдия),— в оренбургские купцы второй гильдии. Еще раньше, в 1853 г., он был награжден золотой медалью на Анненской ленте, а в 1863 г. получил звание потомственного почетного гражданина [66].

Переход Ключарева в Оренбург был связан с тем, что новое местожительство было более удобным для поездок в Среднюю Азию, которые он совершал до старости. Из переписки, относящейся к 1862 г., когда прошло свыше 20 лет со времени первой поездки Ключарева в Среднюю Азию (в 1840 г.), видно, что оренбургский генерал-губернатор Безак считал, что сведения

---

[63] Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 10, д. 6590б, 1851 г., лл. 63—78. По словам Перовского, Ключарев собрал много топографических сведений в Кокандском ханстве, но приказчик, которого Ключарев послал из Ташкента в Коканд, вышел там на плоскую крышу своей квартиры с подзорной трубой, был принят за шпиона, схвачен, потом отпущен, но его товарищи из осторожности сожгли его бумаги, в которых заключались и сведения, собранные Ключаревым.

[64] Госархив Оренбургской области, ф. 6, п. 10, д. 6590б, 1851, г., л. 78.

[65] Там же, л. 85 об.

[66] Там же, лл. 100, 151, 154 об.

сообщаемые Ключаревым о Средней Азии, перестали быть новыми и интересными, так как он состарился и перестал сам ездить в Среднюю Азию. Поэтому Безак предлагал заменить его другим, более молодым приказчиком [67].

Этим другим агентом был оренбургский мещанин Николай Николаевич Шмелев [68], который служил приказчиком русских торговых фирм. В 1862 г. в качестве приказчика купцов Быковских Шмелев отправился в Бухару с бухарским караваном, в котором находилось до 900 верблюдов и более 100 человек. По пути на караван напали казахи и Шмелев проявил большую расторопность и храбрость. Комендант форта № 1 сообщал: «Бухарцы говорили, что Шмелев во все время дела заряжал сам почти все ружья (знатоков было мало), стрелял и давал другим стрелять. Со дня дела Шмелев заслужил к себе сочувствие бухарцев, а по прибытии в Бухару это сочувствие много помогло ему в торговых делах фирмы Быковских, так что товар продан успешно и довольно выгодно». Шмелев был награжден серебряной медалью на георгиевской ленте с надписью: «За храбрость» [69].

В 1865 г. Шмелев вторично отправился в Бухару, на этот раз с товарами купчихи Спиридоновой. Он был отправлен эмиром с посольством в Ташкент к Черняеву, а по возвращении в Бухару он был арестован по подозрению в шпионстве и сидел в тюрьме 10 месяцев. На обратном пути в Россию, после освобождения Шмелева, возчики бросили его караван, Шмелев был снова арестован и снова отпущен. В 1868 г. Шмелова вторично наградили серебряной медалью «за усердие», за «ревностное» содействие развитию русской торговли в Средней Азии, за отличное выполнение поручений русских купцов, благодаря хорошему знакомству со Средней Азией, с ее влиятельными людьми, с обычаями и проч. [70]

Не только энергичные и смелые приказчики русских купцов использовались местными властями в качестве политических и торговых агентов в Средней Азии. К этой деятельности привлекались и купцы. Не раз упоминавшийся нами Хлудов, ездивший в Бухару в 1863 г. и возвратившийся оттуда с «почетным

---

[67] Там же, лл. 145—146.

[68] Шмелев сам называет себя оренбургским мещанином в 1867 г., когда он жил в Москве (Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 10, д. 8160, л. 4). В записке 1862 г. Шмелев называется оренбургским купеческим сыном (там же, д. 7758).

[69] Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 10, д. 7758, лл. 2—5, 15—16, 23.

[70] Там же, д. 8160, 1867 г. По возвращении из плена Шмелев составил «Памятную записку», адресовав ее оренбургскому генерал-губернатору Крыжановскому. В этой записке он, описывая бывшие с ним происшествия, жаловался на понесенные им материальные потери и просил простить его долг Московской конторе Государственного банка в размере 2411 руб., сообщая, что 6 тыс. руб., которые он задолжал этой же конторе, внес за него почетный гражданин Каулин, торговавший в Средней Азии.

кафтаном», доставил «довольно любопытные», по мнению оренбургского генерал-губернатора Безака, известия о Бухаре[71].

Торговые отношения со Средней Азией не только давали возможность получать через русских торговых людей необходимые агентурные сведения, но, главное, они облегчали царизму присоединение военным путем среднеазиатских владений. Развитие торговли как средства присоединения к империи новых территорий отчетливо выступает в суждениях ответственных деятелей.

Наиболее отчетливо это сказалось при учреждении «Закаспийского торгового товарищества». В политических планах правительства развитие русской торговли на юго-восточном Каспийском побережье вообще и учреждение «Закаспийского торгового товарищества» в частности занимали заметное место.

На «Закаспийское торговое товарищество» возлагались большие надежды при обсуждении вопроса об отправке экспедиции во главе с полковником Дандевилем к юго-восточному побережью Каспийского моря, имевшей место в 1859 г. с целью занятия Красноводского залива[72]. Главнокомандующий на Кавказе Барятинский писал великому князю Константину Николаевичу, рекомендуя ему Кокорева и его компаньонов, что, с точки зрения правительства, учреждение «Закаспийского торгового товарищества» представляет огромный интерес, является редким случаем, которым необходимо воспользоваться, «в особенности при нынешних благоприятных политических обстоятельствах»[73].

В 1858 г. во время поездки по восточному берегу Каспийского моря с целью его осмотра астраханский военный губернатор беседовал с туркменскими старшинами и советовал им знако-

---

[71] Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 6, 1864 г., д. 13901/I, л. 25. Упоминавшийся выше крестьянин сел Угодич Ростовского уезда Ярославской губернии Василий Дюков, торговавший в казахской степи и получивший похвальный отзыв и благодарность от казахов, сообщая Перовскому в письме из Оренбурга от 28 сентября 1852 г. о своих отношениях с казахами в глубине степи и о своих стараниях привлечь их на сторону России против Хивы, просил дать ему правительственное поручние «по степи». Перовский запросил председателя Оренбургской пограничной комиссии, можно ли надеяться, что Дюков с успехом выполнит поручение. На полях отпуска отношения Перовского помета (по-видимому, рукой Перовского): «Я этого в виду не имею, Дюков говорит сам про себя и, быть может, врет или хвастается». В январе 1853 г. Дюков вторично подал прошение уже из села Угодич. В ответ на это письмо Перовский просил ярославского военного губернатора объявить Дюкову, что его просьба оставлена без последствий. Дюкову было отказано не по принципиальным мотивам, а вследствие недостаточного доверя к нему. Прошение Дюкова показывает, что дача поручений приказчикам и купцам существовала в практике оренбургских властей, рассматривавших торговцев как осведомителей о политическом положении в среднеазиатских ханствах (Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 10, д. 6728, 1852 г., лл. 3—8).

[72] А. Л. Попов. Из истории завоевания Средней Азии.— «Исторические записки», т. 9. М., 1940, стр. 205.

[73] ЦГИАМ, ф. Кокорева, д. 83, л. 4 об.

миться с русским купечеством, пользоваться пароходами, плававшими по Каспийскому морю, ездить в Астрахань с торговыми целями. По мнению астраханского губернатора, туркмен восточного побережья Каспийского моря следовало привлечь не путем военных угроз, а путем развития с ними добросовестной торговли[74].

В конце 1858 г. главнокомандующий на Кавказе писал военному министру, что при возведении в будущем укреплений на юго-восточном берегу Каспийского моря он полагает «также возможным извлечь большую пользу из действий, открытых „Закаспийским торговым товариществом", которое уже имеет некоторые связи с туркменами. Быть может, ...сношения эти послужат и благовидным поводом к занятию первого пункта на берегу. Нельзя не признать, что выгоднейший случай был бы тот, если б удалось нам достигнуть предположенной цели, вовсе не давая нашему предприятию военного характера, а под видом торговых факторий, для безопасности которых, естественно, требуется вооруженная охрана»[75].

Несколько позднее, в начале 1860 г., когда Дандевиль и его отряд были отозваны и устройство укреплений и факторий на юго-восточном берегу Каспийского моря было отложено, некоторые члены состоявшегося в начале 1860 г. по этому поводу особого совещания отметили необходимость участия «Закаспийского торгового товарищества» в создании укрепления на юго-восточном побережье Каспийского моря[76].

4 января 1865 г. Особый комитет постановил предпринять весной 1866 г. в Красноводский залив съемочную экспедицию в сопровождении торгового каравана. Мера эта рассматривалась как подготовка занятия Красноводска для подчинения туркмен «нашему нравственному влиянию» и для развития русской торговли через Красноводск[77]. К этому же времени относятся прошения Кокорева и Савельева, о которых говорилось выше[78].

Для рассмотрения прошений Кокорева и Савельева была создана специальная комиссия под председательством оренбургского генерал-губернатора. Комиссия, заседавшая в конце апреля — начале мая 1865 г., возражала против посылки к Красноводскому заливу съемочной экспедиции под военным прикрытием. В одном из ее журналов записано: «...виды правительства в этом отношении скорее могут быть достигнуты путем частной предприимчивости при содействии правительства, а именно:

---

[74] АВПР, Главный архив, I-9, 1858—1860 гг., лл. 96, 98.

[75] Там же, лл. 29—30.

[76] Там же, д. 12, л. 269 об.

[77] А. Л. Попов. Из истории завоевания Средней Азии, стр. 221; см. также «Россия и Туркмения в XIX в.». Сб. документов. Ашхабад, 1946, док. № 11, стр. 22—24.

[78] См. гл. VI настоящей работы.

желательно устроить так, чтобы наши торговцы и промышленники под покровительством военных учреждений в Красноводске вошли в сношения с ближайшими туркменскими родами и потом, ознакомив их с выгодами торговли с нами, завязали через них же связи с более отдаленными родами туркмен и, таким образом, постепенно расширяя торговое движение, вступили бы в дружелюбные сношения со всеми туркменскими родами, кочующими и живущими в степи, разделяющей Каспийское море от долины реки Аму-Дарьи». Съемщиков же, по мнению комиссии, надо посылать при торговых караванах под видом приказчиков [79].

Товарищ министра иностранных дел писал министру финансов Рейтерну 23 февраля 1865 г., имея в виду восточное побережье Каспийского моря: «...торговля и промышленность наших капиталистов должна играть там важную роль для достижения предположенной правительством цели...» [80].

Из приведенного текста видно, что, как и при отправлении в Красноводский залив экспедиции Дандевиля в 1859 г., так и теперь — в середине 60-х годов — правительство стремилось действовать под прикрытием коммерческих предприятий.

Когда предположение о занятии Красноводского залива в середине 60-х годов опять не осуществилось, Милютин писал Горчакову 18 августа 1865 г.: «...вместе с тем его и. в. благоугодно было возложить на Министерство финансов принять меры к развитию, по возможности, торговых и промышленных предприятий на восточном берегу Каспийского моря поощрением частной предприимчивости, дабы, вступив в дружественные и торговые сношения с туркменами, подготовить беспрепятственное утверждение наше впоследствии в Красноводском заливе» [81]. Правительство опять-таки в своих завоевательных планах желало опереться на купцов и промышленников.

Вопрос о занятии Красноводского залива возник вновь в 1869 г. и туда был послан отряд под начальством генерала Столетова [82]. Правительство стремилось представить это исключительно как результат своих забот о русской торговле. В связи с предстоящей экспедицией Столетова в Красноводский залив в одной из записок, доставленной в Министерство иностранных дел, говорилось: «Торговые интересы наши занимают в настоящих предположениях первое место» [83].

---

[79] «Россия и Туркмения в XIX в.», док. № 13, стр. 25—27.

[80] АВПР, Главный архив, I-9, 1865 г., д. 20, л. 11—11 об.

[81] А. Л. Попов. Из истории завоевания Средней Азии, стр. 222; АВПР, Главный архив, I-9, 1864 г., д. 11; л. 257—257 об.

[82] А. Л. Попов. Из истории завоевания Средней Азии, стр. 224—225, 228—229. Отряд высадился у Красноводского залива 5 ноября 1869 г.

[83] АВПР, Главный архив, II-3, 1869—1872 гг., д. 2, лл. 21 об.— 22. Представители правительства и раньше неоднократно выдвигали интересы торговли как основной мотив устройства укреплений на восточном берегу Каспийского моря.

Однако в действительности правительство стремилось не столько к открытию торговых путей, сколько к укреплению своих политических позиций в Средней Азии. Оренбургский генерал-губернатор Крыжановский в своей записке, составленной в декабре 1869 г., т. е. уже после занятия Красноводского залива, высказывал мнение, что открытие нового пути невозможно без завоевания Хивы. Военный министр Милютин считал правильным мнение Крыжановского о необходимости завоевания Хивы для безопасности Красноводского торгового пути [84].

Да и директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел Стремоухов писал Кауфману в октябре 1869 г., что он радуется занятию Красноводского залива, «если только оно должно служить развитию нашей торговли и приведению Хивы к тому же знаменателю, как Кокана и Бухары...» [85].

Начальник штаба красноводского отряда генерал Свистунов также полагал, что занятие Красноводского залива неизбежно повлечет за собой дальнейшие завоевания [86].

В марте 1870 г. бывший военный губернатор Туркестанской области генерал Д. Романовский в своей записке писал, что занятие восточного берега Каспийского моря обсуждается «собственно по отношению к торговле», но в то же время идут толки о враждебных намерениях хивинского хана. На этом основании Романовский думал, что мотивы нового предприятия не ограничиваются одной торговлей. Сам Романовский не надеялся на усиление русской торговли со Средней Азией новым путем и считал занятие Красноводского залива и вообще восточного берега Каспийского моря более необходимым, с военной точки зрения. Красноводск представлялся ему важным стратегическим пунктом, куда можно сравнительно быстро доставлять войска. Придавая серьезное значение проложению удобных путей от Каспийского моря к Аму-Дарье и Сыр-Дарье, Романовский писал, что если бы дороги туда оказались неудобными, «то едва-ли было бы достаточно причин заботиться об их улучшении в видах торговых, так как, во-первых, торговые виды должны составлять в этом предприятии цель только второстепенную и, во-вторых, торговля здесь во всяком случае пойдет за войсками» [87]. В записке генерала Романовского Милютин не нашел ничего нового [88].

Все изложенное выше о мотивах занятия Красноводского залива, и в особенности последнее замечание Милютина, свидетельствует о том, что правительство, опираясь на торговую деятельность русской буржазии, стремилось укрепить свои позиции в Средней Азии. При этом в рассматриваемое время — в конце

---

[84] А. Л. Попов. Из истории завоевания Средней Азии, стр. 224.
[85] Там же, стр. 225.
[86] Там же, стр. 229.
[87] АВПР, Главный архив, I-9, 1870 г., д. 21, лл. 17—23.
[88] Там же, л. 31.

60-х годов — Красноводск приобрел значение опорного пункта для борьбы с хивинским ханом. Вопрос о Красноводске как отправном пункте для завоевания Туркмении в это время еще не ставился. Буржуазия же была заинтересована в завоевании среднеазиатских рынков и именно с этой точки зрения она смотрела на занятие Красноводского залива, путь от которого в глубь Средней Азии представлялся ей удобным и сравнительно коротким и дешевым.

После подчинения Хивы оренбургское купечество в посланном на имя царя адресе благодарило «за обеспечение торговли и промышленности края, страдавших от грабительства хивинцев и их бывшего правительства» [89].

Стремление правительства использовать торговые операции купцов для присоединения к Российской империи новых территорий видно и из следующих фактов.

В 1854 г. чиновнику Н. С. Паклевскому-Козелло и колыванскому купцу первой гильдии Кузнецову была выдана пятнадцатилетняя привилегия на пароходство по озеру Балхаш и реке Или. Генерал-губернатор Западной Сибири был на стороне этих лиц не только из-за торговых выгод, а и потому, что от южной оконечности озера Балхаш до Ташкента могла быть открыта прямая не только караванная, но и повозочная дорога, «чем поддержались бы совокупные действия на Коканд и Бухару войск оренбургских и сибирских» [90].

В 1863 г. после разрушения Черняевым Сузака Горчаков и Милютин согласились, что не следует брать Ташкент и г. Туркестан силою, что предпринятое соединение Сибирской и Оренбургской пограничных линий закончится путем развития торговли [91].

Оренбургский генерал-губернатор Безак в отчете за 1864 г. считал невозможным согласиться с желанием бухарского эмира не смешивать торговые и политические вопросы, так как «мы можем иметь влияние на Бухару в политическом отношении лишь потому, что обогащение купцов этой страны связано с успешною торговлею их в России, которая составляет исключительный рынок Бухары для сбыта ее произведений» [92].

Не только правительство смотрело на торговлю как на средство укрепления своего влияния в Средней Азии; в прессе также высказывались подобные мнения и отмечался приоритет политического фактора в деле овладения Средней Азией. В конце

[89] Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 10, д. 8406, 1873, лл. 1—3.

[90] ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 38, д. 643, лл. 68 об.— 69.

[91] А. Л. Попов. Из истории завоевания Средней Азии, стр. 211.

[92] Госархив Оренбургской области, ф. 6, оп. 6, д. 13 906/1, 1864 г., л. 27. В более позднее время — в начале 80-х годов — известный фабрикант и купец Коншин был использован царским правительством для подготовки занятия Мерва. О караване Коншина см. М. Н. Тихомиров. Присоединение Мерва к России. М., 1960, стр. 111—119.

1870 г. в неофициальном отделе «Туркестанских ведомостей» была помещена статья о торговых путях, в которой на первый план выдвигалась проблема хлопка. «Наконец усиление торговых связей Средней Азии с Россиею есть вместе с тем и упрочение русской власти и влияния в странах, где мы еще пока держимся только силою оружия. Не выпуская из рук меча, должно, однако, озаботиться, чтобы укрепить новоприсоединенный край за Россиею также и меркантильными интересами, которые всегда служили связующим звеном между народами»[93]. Л. Костенко в статье «Земледельческая производительность Средней Азии» отмечал: «Движение русских в Туркестан имело в первое время характер исключительно политический...»[94].

Известный фабрикант Т. С. Морозов писал русскому консулу в Китае Павлинову в 1872 г.:

«Вам известно, что я предпринял отправку каравана (в Китай.— *М. Р.*) не для извлечения каких-либо преимущественных барышей, а меня подогрела ваша мысль, состоящая именно в том, чтобы посредством обмена наших промышленных произведений приобретать взамен от соседних нам азиатских народов сырые продукты их страны, даже может быть и самый скот, и чрез эти сношения иметь на них влияние»[95]. Этими словами Морозов выразил точку зрения Павлинова на зависимость политического влияния на восточные народы от торговых сношений с ними.

Коллежский советник Павлинов в качестве уполномоченного учредителей «Русского торгового и промышленного товарищества» неоднократно высказывал такого рода мнение. В пояснительной записке к уставу «Товарищества» он отмечал, что блистательные успехи русского оружия в Центральной Азии... выражают дальновидный план... правительства относительно развития и упрочения нашего торгово-промышленного преобладания на среднеазиатском рынке»[96]. Барону Остен-Сакену 3 сентября 1873 г. Павлинов писал, что в успехах русской торговли в Средней Азии «справедливо усматривается вполне благонадежное основание для упрочения нашего политического влияния в Азии». В докладной записке, представленной директору Азиатского департамента Стремоухову 11 сентября 1873 г., Павлинов высказывал мнение, что «гражданственность» в присоединенных территориях может быть достигнута «упрочением на рынках Центральной Азии русской торговли и промышленности»[97].

Имеется и прямое свидетельство того, что правительство в своих планах отводило торговле второстепенное место. Выше

---

[93] «Туркестанские ведомости», 1870, № 15.
[94] «Туркестанские ведомости», 1870, № 17.
[95] АВПР, Главный архив, II-3, 1871 г., д. 1, л. 10.
[96] АВПР, Главный архив, II-3, 1873 г., д. 1, л. 39.
[97] Там же, лл. 2 об., 3.

указывалось, что в ответ на жалобы Хлудовых директор Азиатского департамента Министерства иностранных дел Стремоухов высказал мнение, что выгодно было бы сделаться «полными хозяевами Средней Азии», «но при рациональном решении этого последнего вопроса торговые виды могут входить только как одно из условий хотя важных, но не первостепенных» [98].

В связи с вопросом о мотивах царской политики в Средней Азии возникает вопрос о мотивах завоевания среднеазиатских ханств.

Многочисленные источники свидетельствуют о том, что наступательные шаги в Средней Азии диктовались главным образом соперничеством с Англией в общих масштабах международных отношений.

Еще в конце 50-х годов русский военный агент в Лондоне Игнатьев писал в одной из своих записок: «В случае разрыва с Англией только в Азии можем мы вступить в борьбу с нею с некоторой вероятностью успеха и повредить существованию Англии» [99].

В связи с занятием русскими войсками крепости Сузак на Сыр-Дарье военный министр Д. А. Милютин, приветствовавший этот акт, в письме министру иностранных дел А. М. Горчакову 7 июля 1863 г. указывал: «В случае европейской войны мы в особенности должны дорожить занятием того края, сближающего нас с северными пределами Индии и облегчающего нам доступ в эту страну. Владычествуя же в Кокане, мы постоянно можем угрожать ост-индским владениям Англии» [100].

Автор многочисленных записок о торговых и военных мероприятиях в Средней Азии генерал-лейтенант Хрулев в связи с опасениями о возможном вмешательстве Англии в польские дела во время польского восстания 1863 г. предлагал произвести демонстрацию похода в Индию — в целях воздействия на английскую политику в польском вопросе [101].

Генерал М. Г. Черняев, известный завоеватель Ташкента, в записке, обращенной к бывшему командующему войсками на Кавказе А. И. Барятинскому в 1867 г., писал: «Каждый раз, как только нам грозил разрыв с Англией, неуязвимой в Европе, был возбуждаем вопрос об диверсии к стороне Индии чрез пустыни Средней Азии...». Генерал Черняев вспоминал, что в 1863 г., «когда отношения наши с Англией были весьма натянуты», Военное министерство назначило Черняева в распоряжение директора Азиатского департамента Г. А. Игнатьева, для разработки «на всякий случай» вопроса о продвижении в Среднюю Азию. «Целью

---

[98] См. гл. VI настоящей работы.
[99] А. Л. Попов. Из истории завоевания Средней Азии, стр. 202.
[100] Там же, стр. 211.
[101] АВПР, Главный архив, I-9, д. 12, лл. 142—150.

движения предполагалось не занятие какой-либо части английских владений, а тем менее изгнание англичан из Индии, но принудить их усилить там свои войска и тем ослабить в Европе». При этом полагали, что отправка английским правительством войск в Индию потребовала бы увеличения налогов, «что неминуемо ведет за собою в Англии восстановление общественного мнения противу правительства, которое по необходимости тогда должно сделаться уступчивым» [102].

Не только русские, но и иностранные политические деятели понимали значение царской политики в Средней Азии для положения России в международных отношениях.

В лондонском субботнем издании «Saturday Review» писали по поводу русского наступления на Коканд: «Великие судьбы России, задержанные в Европе польским восстанием и неусыпным противодействием великих соперничествующих держав, свершались в Азии, сравнительно, с полною свободой» [103].

В 1865 г. в лондонском квартальном обозрении отмечали, что хотя царское правительство России не предполагало ничего похожего на вторжение в Индию, было бы странно подозревать его в незнании известного всему миру: что если у Англии и имеется ахиллесова пята, то это на Востоке и что чем сильнее русская позиция в Средней Азии, тем более требовательным тоном может Россия дискутировать всякий вопрос европейской политики [104].

Из приведенных источников видно, что вопрос о наступлении по азиатской границе тесно связывался со стремлением, возбудив опасения Англии в отношении Средней Азии, заставить ее быть более уступчивой в европейских делах.

И позднее, в связи с Берлинским конгрессом, 10 апреля 1878 г. Александром II была утверждена докладная записка Милютина «Относительно наших действий в Средней Азии на случай войны с Англией», в которой излагалось решение особого совещания о военных мероприятиях в Средней Азии для воздействия на английское правительство [105].

При рассмотрении вопроса о мотивах царской политики в Средней Азии обращают на себя внимание два момента общего значения.

Первый из них относится к путям сообщения. Как было видно выше, неоднократно ставился и обсуждался вопрос о проведении железной дороги в Среднюю Азию. Шел спор о направлении этого железнодорожного пути: одни предлагали соединить железнодорожной линией восточное побережье Каспийского моря с Аму-Дарьей, другие настаивали на линии Оренбург — Ташкент. Но правительство, несмотря на неоднократные просьбы торгую-

[102] ГИМ, Отдел письменных источников, ф. 208 (Черняева), св. 1.
[103] «Московские ведомости», 1 января 1865 г., № 1.
[104] «The Quarterly Review», vol. 118, N 236. London, 1865, p. 563—564.
[105] ЦГИАМ, ф. 728, оп. 1, ч. 2, д. 3048.

щих, практических шагов к постройке железных дорог в Средней Азии не предпринимало. Даже строительство железной дороги между Самарой и Оренбургом откладывалось с года на год. Первая железнодорожная линия на среднеазиатской территории была проведена в 1881 г. от побережья Каспийского моря в направлении туркменских степей в связи с походом в Ахал-Текинский оазис. Таким образом, не возникает сомнений в стратегическом значении первой среднеазиатской железной дороги. Торговое значение она приобрела гораздо позднее — в 90-х годах, когда она была доведена до Ташкента через Чарджоу, Бухару и Самарканд. Но Ташкент был соединен железнодорожной линией с Оренбургом только в 1906 г.

Второй момент, характеризующий общее направление царской политики, относится к периоду гражданской войны в Соединенных Штатах Северной Америки. Как указывалось в III главе нашей работы, русская хлопчатобумажная промышленность в основном питалась американским хлопком. Поэтому наступивший вследствие гражданской войны в Америке хлопковый кризис сильно встревожил русских фабрикантов. Выше описывалась неудачная попытка Ивана Хлудова вывезти хлопок из Южных штатов во время блокады берегов северянами, попытка, показывающая важность для буржуазии Центрального промышленного района получения американского хлопка-сырца. Между тем царское правительство не реагировало на эту потребность русской промышленности, наоборот, оно избрало путь сближения с Северными штатами, что определялось враждебными отношениями с Англией в связи с польским восстанием 1863 г. и другими внешнеполитическими обстоятельствами. В июле 1863 г. Александр II утвердил план посылки за океан русских эскадр (под командованием Лесовского и Попова), которые в сентябре этого же года прибыли в Нью-Йорк и Сан-Франциско [106].

Позиция царского правительства во время гражданской войны в Соединенных Штатах Северной Америки в особенности отчетливо выясняется, если сравнить ее с позицией правительства Великобритании, которое стояло на стороне Южных штатов. В связи с постановлением конгресса о блокаде побережья, Пальмерстон писал Росселю в начале декабря 1861 г., что вопрос о хлопке приобретет, без сомнения, серьезный характер к началу будущего года и если гражданская война в Америке к этому времени не прекратится, английское правительство будет принуждено или самостоятельно, или совместно с Францией заявить северянам, что оно не может согласиться с потерей Англией миллионов и что блокада Юга должна быть прекращена [107].

---

[106] «История дипломатии», т. 1. Изд. 2-е. М., 1959, стр. 685—686.

[107] Herbert C. F. Bell. Ph. D. Lord Palmerston. vol. II. London — New-York — Toronto, [1936], p. 293.

Противопоставление позиции Пальмерстона политике царского правительства подчеркивает характер деятельности Пальмерстона, защищавшего в первую очередь интересы английской буржуазии, в то время как царское правительство не поддерживало русских фабрикантов, испытывавших так же, как и английские, большую потребность в хлопке-сырце.

Изложенный материал показывает, что в политике царского правительства в Средней Азии имели место такие моменты, которые заставляют задуматься над тем, правильно ли эту политику рассматривать как политику, исходившую из экономических интересов буржуазии. Можно думать, что завоевание Средней Азии определялось, в первую очередь, мотивами политического соперничества с Англией и связанной с этим общей международной обстановкой. Экономические интересы на Востоке, хотя и занимали значительное место в царской политике, но были подчинены подготовке почвы для включения среднеазиатской территории в пределы Российской империи и подчинения среднеазиатских ханов царской власти.

Царское правительство в рассматриваемое время в своей политике не руководствовалось интересами буржуазного развития страны, которому оно делало только уступки, необходимые для сохранения своего господства.

Вследствие этого русское купечество не было удовлетворено торговой политикой правительства в Средней Азии, о чем свидетельствовали записка и статья Хлудовых, которые ставили успехи русской торговли в Средней Азии в зависимость от прочного положения там царской власти.

По вопросу о том, кто повинен в медленности и слабости развития торговых связей со Средней Азией — правительство или купечество — существовало два мнения. Выразителем одного из них был генерал-лейтенант Хрулев — автор ряда записок (и проектов торговых компаний) о Средней Азии. Он считал, что царское правительство в течение целого столетия покровительствовало среднеазиатской торговле. «Оно ли (т. е. правительство.— *М. Р.*) виновато,— восклицал Хрулев,— что нет деятелей на этом обширном поприще торговых оборотов мануфактурной и ремесленной промышленности, что торговля не выходит из тесных рамок и остается в руках мелочных торгашей и ...азиатцев...?». В недостаточном развитии русской торговли со Средней Азией Хрулев винил купечество. «Или у нас в 60-ти миллионах,— писал Хрулев в 1856 г.,— нет оптовых деятелей, или у них нет капиталов? Всякий знает, сколько нашего купечества жаждет выбраться в дворяне, банки трещат от их мертвых капиталов» [108].

Подобные взгляды выражал и корреспондент «Туркестанских ведомостей» Н. Бухарин. Описывая туркестанский отдел

---

[108] АВПР, Главный архив, I-9, 1856 г., д. 12, лл. 119 об.—120 об.

политехнической выставки в Петербурге и останавливаясь на вопросе о развитии хлопководства в Туркестане, улучшении качества среднеазиатского хлопка-сырца и в связи с этим о путях сообщения в Средней Азии, он писал: «Но и тут опять публика требует повивалку, опять требует исполнения этого предприятия силами правительства; желает получить барыши, а жалеет затрат!» [109]. Здесь опять делается упрек купечеству.

Противоположные взгляды отстаивал известный автор «Очерков торговли России со странами Средней Азии», вышедших в 1856 г., П. Небольсин: «Много ошибаются те, которые полагают, что от произвола, от одной охоты русского купечества зависит расширение, улучшение и процветание русской торговли в Средней Азии» [110].

Подполковник Генерального штаба Глуховской, принимавший активное участие в развитии торгового пути между Аму-Дарьей и Каспийским морем, в своей записке о значении Бухарского ханства, опубликованной в 1867 г., соглашаясь с Небольсиным, писал о том, что для развития русской торговли со Средней Азией нужно всеми силами стремиться к переходу этой торговли в руки русского купечества. «В нашем обществе,— писал Глуховской— существует сильное предубеждение против русского купечества, которое всегда и во всем обвиняется... Это нарекание не совсем справедливо... прежде чем требовать что-либо от нашего купечества, необходимо обеспечить его жизнь и имущество. Там, где русскому подданному ежедневно и ежеминутно угрожают плаха, кол, клоповник и яма, не может существовать правильной торговли» [111].

Шавров, также принимавший активное участие в обсуждении вопроса о торговле в Средней Азии, в своем докладе о путях для торговли России с Азией, сделанном в начале 70-х годов в «Обществе для содействия русской промышленности и торговле», упрекал царское правительство в том, что в направлении прусской границы была построена разветвленная сеть железных дорог, а после 1862 г., когда была построена Московско-Нижегородская железная дорога, за 10 лет не было построено «ни одной сажени пути» от центральных промышленных округов России в направлении азиатских рынков. Между тем, пишет Шавров, зависимость торговли от состояния путей сообщения — аксиома. В результате политики правительства в железнодорожном деле, русские изделия, по мнению Шаврова, не только встречают затруднения в сбыте за границей, но и вытесняются с внутреннего русского

[109] «Туркестанские ведомости», 1870, № 8.

[110] П. Небольсин. Очерки торговли России с странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Кокандом со стороны Оренбургской линии. СПб., 1856, стр. 1.

[111] Глуховской. Записка о значении Бухарского ханства для России и о необходимости принятия решительных мер для прочного водворения нашего влияния в Средней Азии. СПб., 1867, стр. 27.

рынка иностранными, в первую очередь прусскими, товарами. «Внутренний рынок стесняется бедностью населения и конкуренцией дешевых иностранных товаров..., единственный наш азиатский рынок за бездорожьем почти недоступен для нас...» [112].

Приведенные высказывания свидетельствуют о том, что правительственная торговая политика в Средней Азии не удовлетворяла русскую буржуазию.

В общем, процесс экономического освоения Средней Азии шел путем противоречивых столкновений интересов, с одной стороны, правительства и купечества, с другой, разных групп купечества. Эти противоречия закономерны, так как они свойственны переходному периоду в русской истории, каким был изучаемый нами период 40 — начала 70-х годов.

* * *

В 1865 г. из присоединенной к России части Кокандского ханства и Бухарского эмирата была образована Туркестанская область, в центре которой находился такой крупный торговый центр, как Ташкент. В 1867 г. Туркестанская область была переименована в Туркестанское генерал-губернаторство, во главе которого был поставлен генерал К. П. Кауфман, наделенный особыми широкими полномочиями.

При продвижении царских войск в глубь территории Средней Азии возник вопрос о гражданской колонизации края. Генерал Черняев, первый губернатор Туркестанской области, считал русскую земледельческую колонизацию в Зачуйском крае и на р. Арыси затруднительной из-за отсутствия свободной орошенной земли. Зато он считал полезной колонизацию промышленную и торговую. «Добровольное переселение русских торговцев,— писал он,— введет в край новые отрасли промышленности и, следовательно, усилит его производительность» [113].

Известный ученый и путешественник, исследователь Туркестанского края Н. А. Северцов, разделял мнение Черняева: «...из России нужнее торговцы, ремесленники, рудокопы, виноделы — вообще рабочие для разных новых отраслей промышленности, для которых край представляет удобные естественные условия: земледельцы же есть и туземные, уже несколько тысячелетий освоившиеся с местными условиями, весьма различными от русских» [114].

---

[112] Н. Шавров. О путях для торговли России с Азией. Доклад, представленный в «Общество для содействия русской промышленности и торговле». СПб., 1873, стр. 8, 9.

[113] ГИМ, Отдел письменных источников, ф. 208 (Черняева), св. 4.

[114] Н. Северцов. Путешествия по Туркестанскому краю и исследования горной страны Тян-Шаня. СПб., 1873, стр. 168.

Ни в 60-х и ни в 70-х годах царское правительство не поощряло колонизации вновь присоединенного края. Начало проведения правительственных мер, поощрявших переселение крестьян из малоземельных губерний России, относится лишь к последним десятилетиям XIX в.[115] Однако «вольная» колонизация Туркестанского генерал-губернаторства русскими крестьянами началась вскоре после включения нового края в пределы Российской империи.

Туркестанское генерал-губернаторство в момент его образования состояло из двух областей: Сыр-Дарьинской и Семиреченской[116].

Семиреченская область, населенная главным образом киргизами и казахами, многие из которых вели кочевой образ жизни, стала той частью вновь занятой территории, в которую направились первые русские переселенцы. В первое десятилетие таких переселенцев было еще немного. Хотя статистические данные о них не отличаются точностью, приведем все же их для суждения о самом характере поселений. По данным «Туркестанских ведомостей», в 1868 г. в Семиреченской области было поселено 553 семьи, в 1869 г.— 1004, в 1870 г.— 981 семья, кроме того, 100 семействам было отказано в поселении из-за отсутствия у них увольнительных свидетельств. В 1870 г. из 981 семьи было зачислено в поселенцы Семиреченской области 947 семейств; из них 44 семьи зачислились в купцы, 538 семей — в мещане и только 365 семейств — в крестьяне[117].

Отсюда видно, что преобладающая часть новых поселенцев принадлежала к купцам и мещанам. (Собственно крестьянская колонизация стояла в это время на заднем плане). Однако, возможно, что не все мещане, поселившиеся в Семиреченском крае, занимались промышленностью. По свидетельству Кауфмана, относящемуся хотя и к более позднему времени, по-видимому, к началу 80-х годов, русские поселенцы, приписавшиеся к мещанскому сословию городов Верного, Копала, Пишпека, Сергиополя и др., не были ремесленниками или промышленниками, а арендовали пригородные казачьи земли и занимались земледелием[118].

Любопытные сведения о первых шагах русской крестьянской колонизации в Семиречье мы находим в описании путешествий

---

[115] Более подробно о колонизационной политике царского самодержавия см. «История народов Узбекистана», т. 2. Ташкент, 1947, стр. 339—341.

[116] По мере включения в пределы Туркестанского генерал-губернаторства новых территорий были образованы Зеравшанская область (позднее переименованная в Самаркандскую), Ферганская, Закаспийская и Аму-Дарьинский отдел.

[117] «Туркестанские ведомости», 1870, № 15.

[118] «Проект всеподданейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана 1-го по гражданскому управлению и устройству Туркестанского генерал-губернаторства. 7 ноября 1867—25 марта 1881 г. СПб., 1885, стр. 184.

по Туркестанскому краю Н. А. Северцова: «...с самого Оренбурга, на длинном пути через новую линию Омск, Семипалатинск, Копал, Верное, я все встречал только казаков, татар и киргизов и не видел ни единого настоящего мужика, а тут (у озера Иссык-Куль.— *М. Р.*) нашелся, да еще самый коренной, великорусский...». Называя этого крестьянина пионером русской «вольной» колонизации на Иссык-Куле, Северцов высказывал сожаление, что не запомнил его имени и губернии, из которой он вышел. Северцов предполагал, что этот первый русский поселенец-крестьянин прибыл из Курской губернии. Он был послан в Семиречье своим крестьянским обществом для того, чтобы найти удобное место для поселения. Этот крестьянин пришел, не имея никаких средств, и сначала нанялся работать при постройке аксуйского поста. Потом устроил мельницу, купил лошадей, телегу, стал промышлять извозом, а в 1867 г. нанял и засеял киргизские поля, платя за орошение долей урожая [119].

Северцов, таким образом, подтверждает мнение о еще слабой (в 60-х годах) заселенности Семиреченского края крестьянами [120].

Далее Северцов указывает, что «после одинокого мужика, пришедшего на Иссык-Куль в конце 1865 или в начале 1866 г., уже в 1867 г., осенью, встретили генерал-адъютанта Кауфмана в Верном уже сотня-другая просящихся селиться к югу от Или, и преимущественно на Иссык-Куле. А в следующий год их уже было несколько сот и заводились поселения» [121].

Сыр-Дарьинская область в первые десятилетия после завоеваний 60-х годов совсем не была объектом русской земледельческой колонизации. «Прочная оседлость» русского населения, по словам корреспондента «Туркестанских ведомостей», в 1870 г. имела место только в Семиреченской области, доходя до Пишпека со стороны Сибири. Даже Аулие-Атинский и Чимкентский уезды не были тронуты русской колонизацией [122].

В другом положении находились города. По мере занятия среднеазиатских городов царскими войсками, рядом с ними основывались русские городские поселения и, таким образом, крупные города Средней Азии стали делиться на две части: «азиатскую», населенную коренными жителями, и «европейскую» с пришлым русским населением, в значительной степени состоявшем из военных и гражданских чиновников. Так, например, в Ташкенте русская часть города была основана вскоре после

---

[119] Н. Северцов. Указ. соч., стр. 164—165; Б. Джамгерчинов. Присоединение Киргизии к России. М., 1959, стр. 324—325.

[120] Мы не касаемся здесь вопроса о казацкой колонизации, которая давно имела место, была связана с военными действиями в казахской и киргизской степи и направлялась правительством.

[121] Н. Северцов. Указ. соч., стр. 167; Б. Джамгерчинов. Указ. соч., стр. 325.

[122] «Туркестанские ведомости», 1870, № 4.

его занятия — в 1865 г.[123], а уже в 1868 г. военные и гражданские чиновники составляли там около 40% русского населения города.

В Самарканде русская часть города была основана в 1871 г.[124]

По мере занятия русскими войсками более мелких населенных пунктов или основания укреплений, в занятых местах образовывались поселки, становившиеся торговыми пунктами. Так, например, одновременно с возникновением Казалинска (форта № 1) в нем в первой половине 50-х годов XIX в. появились русские торговцы, среди которых был крупный оренбургский купец Деев. Русские купцы устроили торговые помещения при своих домах. Одновременно с русскими купцами появились в Казалинске и бухарские купцы, а несколько позднее — хивинские[125].

В форте Перовском к началу 60-х годов также создается поселок, первыми поселенцами в котором были местные купцы, построившие здесь лавки[126].

Таким образом, на первых порах после завоевания Туркестанского края русская колонизация носила характер по преимуществу торговый и промышленный. Эта колонизация, как и земледельческая, в это время происходила по инициативе русского крестьянства, мещанства и купечества.

Не вмешиваясь активно в колонизацию края, правительство обращало внимание на этот процесс, в частности на переселенческое движение населения Узбекистана в казахскую степь. Колонизация края местным населением направлялась в основном южнее города Туркестана. По словам Кауфмана, не только города Туркестан, Чимкент и Аулие-Ата были местом поселений выходцев из Сыр-Дарьинской области, но еще и при ханской власти в этом степном районе существовал целый ряд селений. «Выгодный торг с окрестными киргизами,— писал Кауфман,— и прежде придавал этим пунктам значение степных базаров». Кауфман отмечал культурное влияние переселенцев на кочевых казахов, выражавшееся в развитии земледелия, ремесла и торговли, и считал отрицательным влияние волнений в степи и ханских поборов на оседлое население этих торговых пунктов.

Кауфман также останавливался на колонизации Семиреченского края татарами, приходившими сюда из Поволжья через

---

[123] «История народов Узбекистана», т. 2, стр. 351.

[124] «История Узбекской ССР», т. 1, кн. 2. Ташкент, 1956, стр. 128.

[125] А. И. Добросмыслов. Города Сыр-Дарьинской области. Казалинск, Перовск, Туркестан, Аулие-Ата и Чимкент. Ташкент, 1912, стр. 4, 39, 40. Советский исследователь Г. Н. Чабров относит появление гражданского населения в форте № 1 к концу 60-х годов («Русские поселения между Оренбургом и Ташкентом в XIX — начале XX в.— «Труды Среднеазиатского гос. ун-та им. В. И. Ленина». История. Новая серия, вып. XC. Исторические науки, кн. 14, Ташкент, 1957, стр. 170).

[126] Г. Н. Чабров. Указ. соч., стр. 169.

Орск, Оренбург, Троицк, Петропавловск, Семипалатинск и города Семиречья. В руках татар, по словам Кауфмана, «исключительно находится обширная торговля этих (семиреченских.— *М. Р.*) городов с окрестными киргизами, заключающаяся в скупке скота и продуктов кочевого хозяйства для отправки в Сибирь и в наши внутренние губернии, они же снабжают киргиз и кредитом под скот, наживая огромные выгоды».

Подробно описывая деятельность татарских и туркестанских поселенцев в казахских и киргизских степях, Кауфман высказывал мнение о «вреде» татарской колонизации, о «вредных» последствиях татарских поселений в степи, а также о «серьезной опасности» и поселений из Сыр-Дарьинской области. Он даже предложил в 1873 г. запретить татарам постоянное жительство в крае, а впоследствии и эту меру считал недостаточной для борьбы с татарскими поселениями в степи[127]. Свое отрицательное отношение к татарской и среднеазиатской колонизации степей Кауфман объяснял опасением влияния мусульманского фанатизма.

Таким образом, несмотря на практически слабый процесс роста русских поселений, местное начальство Туркестанского края проявляло отрицательное отношение к колонизации присоединенной территории так называемыми «инородцами», проявляло здесь свойственный российскому самодержавию шовинизм. Это было выражением колониальных устремлений в правительственной политике. Желание подчинить интересы местного населения интересам царской колониальной политики нашло свое выражение и в реальных мерах, ущемлявших интересы коренного населения завоеванной территории[128].

Чиновники, управлявшие Туркестанским краем, а также близкие к ним лица, не только в последующее время, но и в первые годы после завоевания совершали ряд злоупотреблений, наносивших вред хозяйственным интересам местного населения. Для изучаемого периода наиболее крупным делом было дело об учрежденном в 1871 г. в 18 верстах от Ташкента конном заводе. Близкий к Кауфману чиновник — помощник правителя канцелярии генерал-губернатора — Савенков со своими компаньонами, будто бы для нужд завода, конфисковал (под видом покупки по деше-

---

[127] «Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. фон Кауфмана», стр. 136, 138, 141—144, 145—149, 206.

[128] Так, например, в 1870 г. Кауфман распорядился перенести ташкентский базар из старой части города в новую, приобретя при этом в принудительном порядке 300 десятин орошенной земли по баснословно дешевой цене. Торговцы, сначала подчинившиеся распоряжению начальства, затем возвратились на старый базар и этим выразили протест против принудительных мер администрации, имевших целью подчинить интересы коренного населения интересам царских чиновников и русской буржуазии (Ф. К. Гирс. Отчет ревизующего по высочайшему повелению Туркестанский край. СПб., 1883, стр. 11. Более подробно об этом см. выше, стр. 209).

вой цене) несколько десятков тысяч десятин пастбищной земли, которую потом распродал мелкими участками, получив огромный барыш [129].

Превращение Туркестана в колонию сопровождалось увеличением посевов хлопчатника за счет зерновых. Происходил также и процесс вытеснения среднеазиатских ремесленных изделий произведениями русской промышленности в самих среднеазиатских владениях, что дало реальные результаты только в 80-х гг., хотя как было видно выше, этот процесс в 60-х годах уже имел место в казахских степях и на окраинах империи, где среднеазиатские ткани уступали место русскому ситцу и другим изделиям русской текстильной промышленности.

Сокращение посевов зерновых, разорение местных ремесленников приводило к усилению гнета массы населения. Но рост посевов хлопчатника и усиление торговли с Россией разрушали замкнутую экономику Туркестана, способствовали укреплению экономических связей с Россией. Об этом свидетельствуют также данные туркестанских отделов на всероссийских выставках, организованных такими крупными учеными-исследователями туркестана, как Федченко, Ошанин и др. Туркестан был представлен на Русской этнографической выставке в Москве в 1867 г., на Всероссийской мануфактурной выставке 1870 г. в Петербурге, на Всероссийской политехнической выставке в 1872 г. и на более поздних выставках [130].

На протяжении ряда глав предлагаемой работы было сделано наблюдение над тем, что завоевание части среднеазиатских ханств способствовало росту торгового обмена между Россией и Средней Азией. Но этот результат (хотя еще и небольшой), соответствовавший интересам русской буржуазии, не был прямою целью правительства, которое представляло помещичье государство и защищало своей внешней политикой именно это государство и его внутренний строй. Покровительство торговым предприятиям купцов со стороны правительства имело в основном целью использовать эти предприятия для продвижения в Среднюю Азию, что входило составной частью во внешнюю политику правительства, в целом определявшуюся внутренними социально-экономическими процессами.

---

[129] Более подробно о спекуляциях Савенкова см. «История народов Узбекистана», т. 2, стр. 257—258.

[130] Подробнее о туркестанских отделах всероссийских выставок см. Г. Н. Чабров. Туркестан на всероссийских и всемирных выставках (1867—1914 гг.).— «Труды Среднеазиатского гос. ун-та им. В. И. Ленина». Новая серия, вып. 142. Исторические науки, кн. 30. Ташкент, 1958, стр. 41—60.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сороковые и пятидесятые годы, предшествовавшие крестьянской реформе, были периодом, когда Россия переживала кризис крепостного хозяйства. Процесс развития капитализма в России после реформы 1861 г. протекал при сохранении многих крепостнических пережитков, тормозивших развитие народного хозяйства и создававших целый ряд дополнительных противоречий помимо тех, которые и без того свойственны капиталистической системе вообще. Это в особенности относится к 60-м годам XIX в.

Противоречия, свойственные капитализму, в соединении с крепостническими пережитками приводили к снижению покупательной способности населения, к неравномерному развитию отдельных отраслей промышленности и к другим такого же рода явлениям, результатом которых было сужение рамок внутреннего рынка и вследствие этого рост потребностей помещиков и части русской буржуазии во внешнем рынке.

Для изделий русской промышленности западноевропейский рынок был в сущности закрыт. Основные предметы сбыта изделий по западноевропейской границе — железо и произведения полотняной промышленности — теряли свое значение на мировом рынке, вследствие развития парового судоходства и металлургической промышленности в Англии. Изделия русской металлообрабатывающей и текстильной промышленности не могли конкурировать с изделиями западноевропейской промышленности, вследствие хозяйственной отсталости России. Поэтому вопрос о сбыте промышленных изделий по азиатской границе становился вопросом важным для русской буржуазии.

Между тем торговля по азиатской границе в XIX в. претерпела существенные изменения, которые в результате (к 60-м годам) оказались неблагоприятными для русской внешней торговли. Расцвет торговли с Ираном в конце 20-х годов длился недолго: уже в 30-х годах изделия русской промышленности были вытеснены английскими изделиями с персидского рынка. Торговля с Китаем через Кяхту к концу 50 — началу 60-х годов значительно сократилась как по причинам внутренним (отсталая, отжившая свой век система торгового обмена), так и внешним, связанным с развитием морской торговли с Китаем западноевропейских держав.

Средняя Азия оставалась, таким образом, тем рынком, на который русская буржуазия возлагала надежды. Рынок этот был для нее важен с двух точек зрения: с точки зрения сбыта изделий некоторых быстро развивавшихся в стране отраслей промышленности и с точки зрения обеспечения этой промышленности необходимым для ее развития дешевым сырьем.

Этой последней потребности русской промышленности был нанесен дополнительный удар возникновением мирового хлопкового кризиса, бывшего результатом гражданской войны в Соединенных Штатах Северной Америки. Таким образом, к внутренним затруднениям присоединился внешний фактор, явившийся важным стимулом в стремлении к укреплению экономических связей со Средней Азией.

Между тем торговые связи со Средней Азией претерпели неблагоприятные изменения: в 40 — первой половине 50-х годов торговля со Средней Азией сокращалась.

Внутренний строй в среднеазиатских ханствах приводил к разорению населения, к снижению его покупательной способности, а следовательно, и к небольшому спросу на привозившиеся из России изделия. В то же время режим произвола и насилия по отношению к русским купцам и взимание с них повышенной пошлины затрудняли развитие торговли среднеазиатских ханств с Россией.

Пути сообщения в Средней Азии составляли серьезное препятствие для торговли. Длительность караванного сообщения, нападения на караваны, отсутствие железных дорог в России в направлении к среднеазиатской границе были серьезным тормозом для русской торговли со Средней Азией.

Русской торговле в Средней Азии угрожала английская конкуренция.

Вследствие своей пассивности, связанной с состоянием русской промышленности и с уровнем развития капитализма в стране, русская буржуазия видела выход из создавшегося положения в завоевании Средней Азии, во включении рынка среднеазиатских ханств во внутренний рынок России.

Но царское правительство так же, как и буржуазия, стремившееся к завоеванию Средней Азии, руководствовалось другими мотивами. Оно было, конечно, заинтересовано в нормальном развитии русской экономики, тем более, что рост экономических связей с ханствами Средней Азии был в его руках средством к овладению территорией среднеазиатских ханств. Но основным стимулом завоевательной политики царского правительства было его соперничество с Англией.

Однако, хотя не интересы русской буржуазии руководили царским правительством в вопросе о присоединении к империи территорий среднеазиатских ханств, объективно это присоединение положительно сказалось на русской торговле со Средней Азией.

60-е годы XIX в. проходят под знаком значительного роста торговых оборотов между Россией и Средней Азией. Правда, в начале 60-х годов торговля со Средней Азией развивалась под влиянием мирового хлопкового кризиса, но и после окончания гражданской войны в Соединенных Штатах Северной Америки, она продолжала расти. И непосредственная связь между продвижением царских войск и увеличением торговых оборотов выступает вполне отчетливо. В связи с мировым хлопковым кризисом, а затем с продвижением царских войск в глубь Средней Азии начинает меняться состав торговавших на рынках. Средней Азии: крупные купцы и фабриканты Центральной России начинают принимать активное участие в торговле, вступают вслед за войсками в завоеванные местности и заводят там торговые связи.

Сравнительная еще медленность роста торговли в конце 60-х и в начале 70-х годов объясняется, с одной стороны, продолжавшейся угрозой английской конкуренции и плохим состоянием путей сообщения. Последнее препятствие в особенности подчеркивается тем фактом, что впоследствии, при проведении железной дороги, экономические связи России и Средней Азии стали быстро укрепляться.

С другой стороны, небольшой удельный вес русской торговли в общем торговом обороте Азии объясняется слабым еще развитием русской промышленности и соответственно недостаточно энергичной деятельностью русской буржуазии.

В рассматриваемый период (40—60-е годы XIX в.) экономические связи России со Средней Азией заключались почти исключительно в торговле. Попытки учреждения предприятий, даже таких, как хлопкоочистительные заводы, попытки насаждения в Средней Азии высших сортов хлопчатника или улучшения шелководства, а также попытки добычи ископаемых, если и имели место в отдельных случаях, не давали еще в это время положительных результатов. Также слабо происходило и переселение крестьян из малоземельных районов России не только в Сыр-Дарьинскую, но и в Семиреческую область. Единственным заметным в этом отношении явлением был приток русских поселенцев в города, что способствовало росту торговли.

Сделанные наблюдения показывают, какие глубокие противоречия существовали как во внутренней жизни России, так и в процессах освоения русским капиталом внешних азиатских рынков.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

Глава I. Очерк социально-экономических отношений в России в середине XIX в. 7

Глава II. Очерк социально-экономических отношений в Средней Азии в середине XIX в. 31

Глава III. Общий обзор торговли России со Средней Азией в 40—60-х годах XIX в. 48

1. Торговля России со Средней Азией в 40 — первой половине 50-х годов 48

2. Русская торговля в Средней Азии в конце 50 — в 60-х годах XIX в. 57

3. Русская торговля в Средней Азии в начале 70-х годов . . . 70

4. Пути сообщения 75

Глава IV. Англо-русское соперничество 93

Глава V. Состав купцов, торговавших по среднеазиатской границе в 40—60-х годах 120

Глава VI. Деятельность русских купцов в Средней Азии в период ее завоевания 141

Глава VII. Экономическая политика правительства 195

Заключение 235

Мария Константиновна Рожкова

Экономические связи
России со Средней Азией

Утверждено к печати
Институтом Истории Академии наук СССР

Редактор издательства *И. И. Зелкин* Художник *Н. П. Фролов*
Технический редактор *Н. Ф. Егорова*
Корректоры *Н. Г. Сисекина, Т. В. Гурьева, Н. М. Кузьмина*

РИСО АН СССР № 31-90В Сдано в набор 6/III 1963 г.
Подписано к печати 29/V 1963 г. Формат 60×90¹/₁₆
Печ. л. 15 Уч.-изд. л. 15,8 Тираж 1500 экз.
Т. 04646 Изд. № 1070 Тип. зак. № 1915

Цена 1 р. 15 к.

Издательство Академии наук СССР,
К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР,
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10